

В.ГОЛАНТ

ПЛАНЕТУ ОТКРЫВАЛИ СООБЩА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. ГОЛАНТ

ПЛАНЕТУ ОТКРЫВАЛИ СООБЩА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1971

Ответственный редактор
М. А. КОГАН

В. Я. Голант

Г60 Планету открывали сообща. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

312 стр. с илл.

«Вот Индия, которую вы ищете!» Великий португальский поэт Камюэнш вложил эти слова в уста арабского кормчего Ахмада ибн Маджида, приведшего корабли Васко да Гамы к заветной цели.

Открытие морского пути в Индию — далеко не единственное, которое совершили сообща народы Запада и Востока.

Эта книга рассказывает о самостоятельном вкладе народов Востока в исследование нашей планеты, об активном участии их в европейских экспедициях.

2-8-1
129-71

91(09)

Вениамин Яковлевич Голант
ПЛАНЕТУ ОТКРЫВАЛИ СООБЩА

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор *Р. М. Солодовник*. Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Н. Титова*
Корректоры *В. В. Воловик* и *А. И. Киселева*

*

Сдано в набор 29/X 1970 г. Подписано к печати 26/II 1971 г. А-05839
Бумага № 1. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 16,86. Усл. печ.
л. 16,38. Тираж 15 000 экз. Изд. № 2551. Зак. № 3921. Цена 90 коп.

*

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16.

ВВЕДЕНИЕ

Победа всех людей

29 мая 1953 года нога человека впервые ступила на вершину горы Джомолунгмы в Гималаях — самую высокую точку земного шара.

Этот подвиг совершили двое: Тенцинг Норгей и Эдмонд Хиллари. Можно сказать и иначе: Эдмонд Хиллари и Тенцинг Норгей. Результат не изменится, ибо от перестановки слагаемых сумма не меняется.

Трудно найти двух людей, столь непохожих друг на друга! Хиллари — новозеландец английского происхождения, Норгей принадлежит к племени шерпов, которое живет в Непале и частично в Индии.

Тенцинг — человек монголоидной расы, Хиллари — европеоидной. Родной язык Хиллари — английский, Тенцинг произнес первые слова на языке своего племени. Тенцинг сначала был носильщиком, а потом стал профессиональным восходителем. Хиллари — пчеловод, увлекшийся альпинизмом, а впоследствии и полярными исследованиями. Тенцинг — буддист, Хиллари — протестант.

Но есть между ними и общее, что сильнее всех и всяческих различий: стремление к познанию тайн природы.

Вступив на вершину, восходители пожали друг другу руку и обнялись: общий подвиг роднит тех, кто его совершил.

Затем Тенцинг развернул четыре флага, намотанные вокруг ледоруба, и поднял его. Флаги следовали сверху вниз в такой последовательности: Объединенных Наций, Великобритании, Непала и Индии.

«Я рад тому, что выше всех был флаг ООН; ведь наша победа была не только нашей, не только побе-

дой наших наций, но и победой всех людей», — сказал впоследствии Тенцинг.

В восхождении на Джомолунгму участвовали и другие альпинисты, прибывшие в Непал из Англии: они подготовили и обеспечили последний рывок к вершине двух сильнейших восходителей.

Герои, покорившие высочайшую вершину нашей планеты, опирались на помощь товарищей по экспедиции и всех людей доброй воли. Над Джомолунгмой, а значит, и над всей Землей взвились в тот день четыре флага. Из них два — стяги Непала и Индии — принадлежат государствам, завоевавшим независимость в длительной борьбе с колонизаторами. Борьба эта увенчалась успехом благодаря подвигам героев Октября и Великой Отечественной войны, благодаря торжеству ленинских идей в нашей стране и многих других государствах. Третий флаг, о котором говорит Тенцинг, — флаг Организации Объединенных Наций. Эта организация родилась в огне антифашистской войны, главную тяжесть которой вынесли на себе народы нашей родины. При всех своих недостатках ООН — символ единства человеческого рода, дружбы народов. Ее флаг — голубой, то есть такой, какой представляется наша планета из космоса.

Исследование космических далей, начало которому положено советскими людьми, есть общее дело всего человечества. Таким же общим делом является исследование того небесного тела, на котором мы живем. Лучшее название для него — не просто Земля, а Земля людей, как называется одно из произведений прекрасного французского писателя и мужественного патриота Антуана де Сент-Экзюпери.

Землю людей открывали сообща все населяющие ее расы и народы. Еще в самой глубокой древности, несмотря на племенную рознь и вражду, люди не только воевали, но и обменивались плодами своего труда. Мирный торговый обмен естественно сопровождался обменом знаниями. Известия о близких и дальних землях распространялись от племени к племени, от народа к народу. Именно это сделало возможным зарождение географической науки.

Судьбы народов переменчивы. Вклад, внесенный в развитие географии народами Запада и Востока, не взвесить ни на каких весах. И не только из-за того,

что в плане историческом самые понятия «Запад» и «Восток» весьма условны. Последние полтысячи лет в исследовании нашей планеты впереди идут, без сомнения, страны Европы, к которым сравнительно недавно присоединились и Соединенные Штаты Америки. Однако в средние века на протяжении по крайней мере семи столетий первенство принадлежало странам Азии и Африки.

О географических достижениях народов Востока долгое время молчали; объяснялось это как естественным исчезновением исторических источников, так и намеренным уничтожением таких памятников колонизаторами. Загадка острова Пасхи (Рапануи) — не только историческая, но и историко-географическая. Насколько облегчилось бы ее решение, если бы миссионеры не истребили варварски памятники письменности этого острова! Современные исследователи лишены возможности изучить утраченные, по-видимому безвозвратно, отличные карты и навигационные инструменты, которыми еще в начале Века великих открытий пользовались мореплаватели Индоокеанского бассейна — арабы и малайцы.

Долгое время в истории географических открытий безраздельно господствовал европоцентризм, который служил и продолжает служить орудием обмана народов. Европоцентризм — утонченная и наукообразная форма расизма, идеологической основы колониальной системы. В настоящее время ему нанесены удары, от которых он уже не оправится. Это результат упорных и кропотливых изысканий не только ученых нашей страны, но и передовых исследователей в буржуазных государствах. У нас, однако, новейшие данные науки в этой области широко пропагандируются самими учеными, а также литераторами, тогда как на Западе правда об открытиях народов Востока, хотя и известная ученым, остается неведомой массовому читателю. Там в научно-популярной литературе по-прежнему довлеет европоцентризм.

Несколько лет назад у нас была издана в русском переводе книга Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований». Автор ее — преподаватель истории географии в Оксфордском университете. Объемистый справочник, в котором содержатся сведения о трех тысячах путешественников и исследовательских

экспедиций всех времен, безусловно является шагом вперед по сравнению со многими аналогичными изданиями: Дж. Бейкер отдает должное достижениям русских и советских землепроходцев и мореплавателей. Однако из пятисот семидесяти одной страницы текста не больше десяти посвящено открытиям египтян, финикийян и средневековых арабов.

Имя выдающегося арабского морехода и ученого Ахмада ибн Маджида, который привел в Индию корабли Васко да Гамы, было впервые введено в научную литературу французским востоковедом Г. Ферраном, полностью же тайна жизни этого замечательного человека раскрыта советскими учеными — академиком И. Ю. Крачковским и Т. А. Шумовским. Большая Советская Энциклопедия опубликовала заметку об Ибн Маджиде еще в 1952 году. Но не пытайтесь искать упоминания о нем в многотомных энциклопедиях, появившихся за последние годы на западноевропейских языках.

Умолчание о вкладе народов Востока в исследование Земли остается правилом в научно-популярной литературе Запада. Правда, и из этого правила бывают исключения. Нашему читателю известен, например, вышедший в русском переводе четырехтомный труд немецкого ученого Р. Хеннига «Неведомые земли». В этой работе, представляющей собой собрание фрагментов из источников по истории исследования Земли и авторские комментарии к ним, достижения многих народов Востока описаны достаточно полно.

Однако о замечательных плаваниях океанийцев автор даже не упоминает, словно их и не было. Кроме того, он всячески стремится принизить значение открытий финикийян (то есть азиатов) и приписывает их европейцам — критянам и грекам.

Хенниг как бы останавливается на пороге Века великих открытий. О том, что было дальше, можно, разумеется, прочесть в сотнях или даже тысячах книг, посвященных подвигам европейских и американских путешественников, но в изображении западных авторов эти путешественники даже в странах с густым населением действуют словно бы в пустоте: аборигены оказываются лишь объектами этнографических исследований.

На самом деле успех многих выдающихся экспеди-

ций в значительной мере объясняется участием в них коренных жителей.

Не следует, конечно, думать, что географическая наука всем обязана народам Востока. Такого рода «востокоцентризм» столь же антинаучен и реакционен, как и европоцентризм.

Более полувека назад В. И. Ленин высмеял попытки колонизаторов делить жителей нашего материка на «культурных» европейцев и «диких» азиатов. Столь же нелепо противопоставление Востока Западу, о чем убедительно свидетельствует вся история географических исследований. Автор этой книги не ставил перед собой цели заново написать историю географических открытий. Он стремился лишь помочь читателю составить себе четкое представление о вкладе, который внесли народы зарубежного Востока в исследование нашей планеты и развитие географической науки; о вкладе, ибо открытие планеты Земля есть общее дело, общий подвиг землян, независимо от расовых, этнических, языковых и иных различий.

Усилия угнетателей посеять вечную вражду и ненависть между народами не могли полностью сорвать это сотрудничество. Однако они порой приводили к тому, что исследование обширных районов Земли замедлялось на целые века. Об этом тоже говорится в книге.

Каждая глава ее посвящена исследованию определенного географического региона: Австралии, Океании, Индоокеанского бассейна и прилегающей к нему части Тихого океана, Евразии. Изложение начинается с древнейших времен и по возможности доводится до нашего времени.

«ТОММИ, ПРИШЕДШИЙ ПЕРВЫМ»

Ловцы трепанга

Годом открытия Австралии считается 1606-й. В то лето голландский корабль, который вел шкипер Вилем Янсзон, достиг берега неведомой земли. Это был полуостров в Северо-Восточной Австралии, известный в наше время под наименованием Кейп-Йорк. «Дейфкен» — так назывался голландский корабль — прошел около 200 миль вдоль западного берега полуострова, а затем повернул на север.

Девятью годами ранее в Лувене вышла книга соотечественника Янсзона — Корнелиса Витфлита. Он излагал взгляды знаменитого географа древности Птолемея, который исходя из чисто умозрительных представлений доказывал существование в Южном полушарии обширного материка.

Сам Витфлит, однако, пользовался аргументами иного рода. В пояснении к составленной им карте Южного материка говорится: «„*Terra australis*“ — самая южная из земель. Она отделена от Новой Гвинеи узким проливом. До нынешних времен берега ее малоизвестны и [посещались] лишь от плавания к плаванию, ибо путь к ней заброшен и редко эта страна посещается, разве что только моряками, которых прибывает к ней бурями».

Каких же моряков имел в виду голландский автор? Ответ на этот вопрос был получен через три века после выхода в свет его книги: в 1916 году английские военные моряки обнаружили в одной из бухт на северном берегу Австралии небольшие пушки. Специалисты по истории оружия единодушно пришли к выводу, что это португальские каронады, изготовленные на рубеже XV и XVI веков.

Эта находка объяснила происхождение карт, составленных во французском городе Дьеппе в 40-х годах XVI столетия. На картах изображена обширная земля — Большая Ява, часть которой напоминает своими очертаниями восточный берег Австралии. Судя по некоторым географическим названиям, составители дьеппских карт пользовались португальскими источниками.

Но португальские источники 20—30-х годов XVI века основывались не только на данных, собранных португальскими мореплавателями (к сожалению, их доносения были погребены в секретных архивах, погибших в огне во время лиссабонского землетрясения 1755 года). Первые колонизаторы широко использовали индонезийские (малайские) карты (об этом см. главу 4). На островах, названных Зондскими, их агенты тщательно собирали сведения о других землях.

О северных берегах Австралии они могли услышать от жителей не только Тимора, Буру, Амбоины, но и Сулавеси (Целебеса). Для отважных малайских мореходов плавание к австралийским берегам не были случайными. На протяжении нескольких веков они ловили в этом районе трепангов, которыми так любят лакомиться китайцы. Ежегодно из Макасара, на Сулавеси, выходила флотилия, насчитывавшая более двухсот парусных судов. Пользуясь западным ветром, ловцы трепангов шли от острова к острову, пока не достигали Тимора. Оттуда поворачивали на юг или юго-восток и приставали к берегам Мареки, как называли Австралию. Закончив же лов, возвращались домой, пользуясь восточным ветром. В Макасаре весь улов забирали джонки, пришедшие из портов Южного Китая.

Малайцы оставили в Северной Австралии куда больше следов своего пребывания, нежели португальцы. Так, например, на полуострове Арнемленд обнаружены остатки керамики определенно индонезийского происхождения.

Коренные австралийцы не могут похвалиться достижениями в области судостроения и мореходства. Арсенал их плавучих средств составляли плоты и челноки из коры, долбленные лодки-однодеревки, которыми пользуются для рыбной ловли главным образом в реках и озерах. Если же мы обратимся к морскому по-

бережью, то заметим любопытную деталь. У племен, населяющих берег Большого Австралийского залива, наиболее отдаленный от Индонезии, никаких лодок или плотов не было. Наоборот, на севере встречались усовершенствованные плавучие средства, заимствованные у малайцев или папуасов: лодки-однодеревки с балансирами (полуостров Кейп-Йорк) и даже с мачтой и парусом (остров Грут-Айленд в заливе Карпентария).

Австралийский ученый Д. Томсон установил, что жители побережья Арнемленда сначала получали лодки-однодеревки от индонезийских моряков, а потом уже научились делать их сами.

В 1837—1839 годах исследованиями западных и северо-западных берегов Западной Австралии прославился Джордж Грей. Знакомясь с бытом коренных жителей, он подметил, что собаки их совершенно отличны от австралийских динго и походят на собак индонезийского острова Тимор.

Связи между Индонезией, Новой Гвинеей и Северной Австралией существуют на протяжении тысячелетий. Несколько веков насчитывает и история морских походов малайских мореплавателей к берегам пятой части света.

Таким образом, Австралия, как и Америка, была открыта задолго до «официальной даты» ее открытия. Этим, однако, аналогия и ограничивается. Плавания норманнов в Северную Америку продолжались весьма недолго, а главное, не оставили никаких следов в истории географической науки: Христофор Колумб искал не Винланд, а Индию. Индонезийцы, как мы видели, систематически плавали в Австралию, и через них сведения о далекой земле проникли в Западную Европу.

Тридцать тысяч лет назад

И все-таки индонезийцев также нельзя назвать первооткрывателями Австралии. Еще в древнейшие времена эта часть света была исследована и заселена самими австралийцами.

Вопрос о происхождении коренного населения Австралийского материка нельзя считать окончательно

решенным. В коллективном труде советских ученых «Народы Австралии и Океании», вышедшем в 1956 году, сделаны следующие выводы:

1. Австралия не входила в зону прародины человека, а потому все население ее является пришлым.

2. Предки австралийской расы могли проникнуть в Австралию, очевидно, только с севера, то есть с Азиатского материка. В современном населении Юго-Восточной и Южной Азии имеются антропологические типы, близкородственные австралийцам. Аналогичные свидетельства о пребывании австралоидных типов на Азиатском материке представляют ископаемые находки на Яве и на Индокитайском полуострове.

3. Сомнительно, чтобы первобытные австралийцы достигли северного побережья пятой части света водным путем в близких к современным условиям распределения суши и моря. Однако они могли переправляться через весьма узкие проливы, которые в позднечетвертичный период разъединяли, как полагают, Австралию, Новую Гвинею и Индонезию. Примитивных плавучих средств, которыми располагали предки австралийцев, было достаточно для преодоления таких проливов.

Древнейшие люди проникали в Австралию двумя путями: через Новую Гвинею и через острова группы Тимор (расстояние между этой группой и прибрежной террасой Северной Австралии в настоящее время не превышает 60 километров). Преобладающее значение имел северный, новогвинейский путь.

Точка зрения советских ученых на заселение Австралии подтверждается данными радиоуглеродного анализа. Исследование этим способом органических остатков, находимых при раскопках, дает возможность, хотя и приближенно, определять их возраст.

По данным радиоуглеродного анализа, человек появился в Австралии за тридцать тысяч лет до нашего времени. Постепенно — на это ушла, конечно, не одна тысяча лет — переселенцы из Юго-Восточной Азии достигли южного побережья Австралии.

Коренное население Австралии принадлежит к числу наиболее отсталых народов мира. Во многом это результат колонизации, истребления его пришельцами из Западной Европы, изгнания аборигенов из плодородных местностей. Однако и в лучшие для них вре-

мена культура австралийцев стояла на весьма низком уровне. В силу многих неблагоприятных причин они сильно отставали не только от передовых народов Европы и Азии, но и от океанийцев. Невольно возникает вопрос: какими географическими представлениями мог обладать такой народ, что мог он сделать для развития географической науки?

Тем не менее австралийцы обладали определенными географическими познаниями и внесли достойный вклад в сокровищницу общечеловеческих знаний о Земле.

Путешествие бумеранга

В 1964 году университет Новой Англии (США) выпустил книгу о ранних известиях, относящихся к земле Улитарра (так называют коренные австралийцы часть побережья нынешнего Нового Южного Уэльса). В книге приведены любопытные сведения, заимствованные из архивов.

Например: «Одной из сторон этой организации (австралийского общества.— *Авт.*) является признание определенного участка земли территорией какого-либо племени или подразделения племени. Племя, род или семья владели территорией, размер которой определялся природными условиями».

А вот любопытная выдержка из письма колониста Шевалье:

«Всю свою жизнь я стремился разгадать одну загадку: кто, когда и каким образом размежевал охотничьи участки черных? Границы их проведены, очевидно, по грядам холмов и рекам, служащим постоянными ориентирами. А если приглядеться к участкам попристальнее, то окажется, что между ними справедливо распределены болота, заросли кустарника и лесистые местности. Благодаря этому всем хватает рыбы, уток и голубей, а также плодов в кустарнике, кенгуру и валляби (мелкий вид кенгуру.— *Авт.*) в лесистой местности. Если пищи было много, размеры участка оказывались невелики, если ее не хватало — территория соответственно увеличивалась, так что в Центральной Австралии встречались участки площадью в несколько тысяч квадратных миль. Не думаю,

чтобы нашлось много белых людей, достаточно сметливых для такого удачного размежевания: оно требует прежде всего необыкновенного знания местности, приобретенного многими поколениями. Именно это позволяет делить местность столь справедливо, чтобы в дождливую и сухую погоду в какой-либо части участка всегда можно было найти пищу».

Особое внимание уделяли коренные австралийцы водным источникам. Климат внутренней Австралии сухой, к тому же материк беден реками, многие из них наполняются водой только в период дождей, и лишь местами в руслах сохраняются ямы и лужи с водой. Австралийцы отлично знали все эти места, а также умели отыскивать воду там, где она находилась на небольшой глубине.

У аборигенов была своя топонимика, приспособленная к их нуждам. Большинство названий различных мест обозначало либо те виды продовольствия, которые имелись там в изобилии, либо источники водоснабжения.

Несмотря на четкое размежевание племенных территорий, австралийцы отнюдь не замыкались на своих участках. Как ни примитивно было их сугубо натуральное хозяйство, они знали уже обмен.

Некоторые предметы обмена из одного центра расходились почти по всей Австралии. Одним из них было растение питчери, оказывающее наркотическое действие. Заросли его покрывают долину верхнего Муллигана в Квинсленде. Питчери, собранный в этой местности, достигал области озера Эйр на юге и Северной территории на западе. Бумеранги, изготовлявшиеся в Квинсленде, доставлялись к побережью залива Карпентария.

«Дальний» и «этапный» обмен у австралийцев был связан с наличием у них больших, как бы магистральных путей, по которым исстари совершалось движение,— говорится в книге «Народы Австралии и Океании». Движение разбивалось, конечно, на отдельные участки, и караваны совершали путешествия лишь в пределах ограниченных отрезков пути, но предметы обмена, переходя этапами из рук в руки, передвигались из конца в конец континента. Маккарти (известный современный австраловед) устанавливает следующие, наиболее важные магистральные пути.

Восточный береговой путь. Он тянулся по узкой прибрежной полосе, наиболее плодородной, от северной оконечности полуострова Кейп-Йорк до границы Виктории, конечно разбиваясь на отдельные отрезки. В некоторых местах (округ Брисбен, реки Хантер, Хоксбери, Непиан и др.) прибрежная дорога связывалась поперечными путями с внутренними областями.

Юго-восточный путь — от Центрального и Южного Квинсленда вниз по рекам Пару и Уоррего к Дарлингу и вниз по нему до Муррея, где этот путь пересекался поперечным путем по Муррею от его устья до верховьев, связывавшим область озера Александрина с Восточной Викторией.

Путь, перерезавший весь континент с севера на юг, от полуострова Кейп-Йорк до области озер Южной Австралии. Он шел главным образом по речной сети, наиболее развитой в этой части материка, и имел ряд боковых ответвлений.

Центральный меридиональный, пересекавший Австралию от Арнемленда до озерной области. На севере он разветвлялся на три направления и в нескольких местах соединялся поперечными дорогами с предыдущим путем; в отличие от него центральный путь шел преимущественно не по рекам, а по суше.

Путь Кимберли — полуостров Эйр. Он почти по прямой линии пересекал материк от северо-западного побережья через западные пустыни и Ульдеа к западному берегу полуострова Эйр (выступ материка к западу от залива Спенсера.).

Путь Кимберли — юго-запад Австралии. Начинаясь там же, где предыдущий, он шел в юго-западном направлении, огибая Большую Песчаную пустыню; пересекал верховья рек, текущих на запад, и, минуя Большую пустыню Виктория у Юклы, выходил на юго-западное побережье.

Северо-западный береговой путь, шедший от Кимберли вдоль побережья на юго-запад и юг.

Некоторые из этих путей, а может быть и все, играли в свое время немалую роль в заселении Австралии: по ним двигались предки современных племенных групп, расселенных по матерiku.

Как и по всем прочим торговым путям, по этим магистральным направлениям обмена передавались не только различные предметы, но и обычаи, предания,

мифы, верования. И само собой разумеется — географические представления.

Накопленные на протяжении тысячелетий географические познания австралийцев, сухопутные и водные пути, которыми они пользовались, во многом облегчили задачу исследования материка путешественниками — выходцами из Западной Европы.

Конечно, для такой передачи знаний требовались мирные, дружественные контакты. А история исследования Австралии изобилует кровавыми стычками — от руки аборигенов погибли многие путешественники. Вместе с тем исторический подвиг Н. Н. Миклухо-Маклая, совершенный на соседней с Австралией Новой Гвинее, показал, что даже одинокому безоружному европейцу ничто не угрожало, если только он приходил к аборигенам как друг.

Ни один из европейских исследователей Австралии не смог подняться до гуманизма Миклухо-Маклая. Но были и среди них люди, которые не проявляли расистского высокомерия и полагались не на силу огнестрельного оружия, а на священный для первобытных людей закон гостеприимства. Коренные австралийцы охотно раскрывали таким путешественникам тайны родной природы, принимали непосредственное участие в их экспедициях, нередко спасали пришельцев от грозившей им смерти. Тех же европейцев, которые, фигурально выражаясь, держали палец на курке, нередко постигала трагическая судьба Ф. Магеллана и Дж. Кука.

В 1966 году в Москве вышла книга Я. М. Света «История открытия и исследования Австралии и Океании». Дальнейшее изучение описанных в ней путешествий приводит к выводу: едва ли не каждый из австралийских землепроходцев европейского происхождения часто очень многим, а иной раз решительно всем обязан содействию коренных жителей.

И это в то время, как колонисты устраивали настоящие охоты за аборигенами, уничтожали их, как зверей, с помощью отравы, повсеместно отнимали земли, превращая охотничьи угодья в пастбища.

«Сей великодушный человек»

Значительная часть побережья пятой части света была исследована и нанесена на карту выдающимся английским гидрографом Мэтью Флиндерсом. В 1801—1802 годах он первым детально изучил берега Юго-Восточной Австралии, а затем все ее восточное побережье до залива Карпентария.

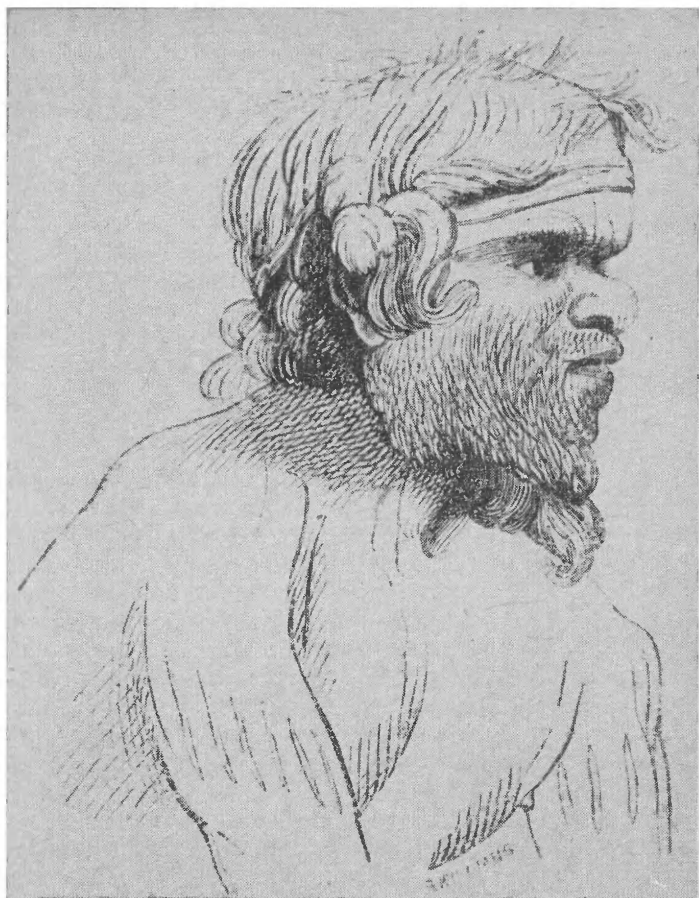
Одним из спутников Флиндерса был австралийский старейшина Бонгари, живший в районе Порт-Джексона (Сиднея). Флиндерс называет в дневнике Бонгари «туземным другом». Недаром при съемке берега тот всегда находился в одной с ним шлюпке. Аборигены, с которыми доводилось встречаться участникам экспедиции, обычно не понимали Бонгари, но присутствие среди европейцев австралийца способствовало установлению мирных и даже дружественных отношений между исследователями и коренными жителями. В августе 1802 года последние спасли и доставили на берег двух участников экспедиции, которые заблудились в непроходимых мангровых зарослях.

В 1820 году в Порт-Джексон прибыла экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, вскоре открывшая Антарктиду. Здесь великий русский мореплаватель Ф. Ф. Беллинсгаузен познакомился с Бонгари, о котором отзывался с большим уважением:

«Около Порт-Жаксона встретил старейшину Бонгари, который служил провожатым капитану Флиндерсу при описи берега Новой Голландии в 1801, 1802 и 1803 гг. и лейтенанту Кингу в 1819 г.» (в 1818—1822 годах Ф. П. Кинг обследовал побережье Северо-Западной Австралии).

Ф. Ф. Беллинсгаузен рассказал, как Бонгари спас жизнь беглому ссыльному — англичанину, которого три дня нес на спине, «а в награду ничего не просил, кроме спасения прощенному беглецу». «Сей великодушный человек вообще любим за подобные примерные поступки».

Первые важные открытия во внутренней Австралии совершил английский офицер Чарлз Стерт. В 1828 году он предпринял из Сиднея поход на север, а в 1829—1830 годах — на юго-запад. Как правило, аборигены радушно встречали англичан.

Бульже

Из книги Т. Л. Mitchell «Journal of an Expedition into the Interior of Tropical Australia in Search of a Route from Sydney to the Gulf of Carpentaria», London, 1848

Во время первой экспедиции Стерт и его спутники сильно страдали от засухи. В 1829 году метеорологические условия были более благоприятными. Когда путешественники добрались до реки Маррамбиджи, русло ее оказалось заполненным водой. Австралийцы рассказали гостям, что река эта впадает в другую, большую. Тогда Стерт и другие участники экспедиции по-

строили лодку и стали спускаться вниз по Маррамбиджи. Неделю спустя их взорам открылась широкая полноводная река: Муррей. Позднее Стерт обнаружил, что с севера в Муррей впадает река Дарлинг, которую он открыл в 1828 году.

Продолжателем дела Стерта явился Томас Митчелл — весьма образованный человек, возглавлявший топографическую службу колонии Новый Южный Уэльс. Характер у Митчелла был тяжелый, неуживчивый, он ревновал к успехам других путешественников и не всегда оказывал им помощь, к которой его обязывало служебное положение. Однако в гонимых и всячески унижаемых «черных» он сумел увидеть равных себе людей.

Его книги — не только увлекательный рассказ о странствиях в джунглях Австралии, где до него не ступала нога европейца, но и гневный протест против «молчаливого, но неуклонного истребления аборигенов», против принесения их в жертву «духам мелкого и крупного рогатого скота» (имеются в виду зверские репрессии колонистов против австралийцев, которые, не зная ни скотоводства, ни частной собственности, порою охотились на овец и коров). Митчелл с искренним уважением отзывался об аборигенах, которых презирали и третировали невежды-колонизаторы.

От случайных расспросов местных жителей, встречавшихся по пути, Митчелл перешел к использованию их в качестве проводников, а затем и полноправных сотрудников. Этому не помешала даже гибель нескольких участников первой экспедиции Митчелла (1831), затеявших схватку с аборигенами.

В 1835 году Митчелл, как до него Стерт, спустился по реке Боган до впадения ее в Дарлинг. Проводником ему некоторое время служил австралийский старейшина Бультже.

Позднее — на другом участке пути — экспедиция долго следовала уже не за проводником, а за проводницей. Это была вдова по имени Тюрандюрей, которая взяла с собой в поход четырехлетнюю дочку Балланделлу. Тюрандюрей настолько подружилась с Митчеллом, что доверила ему воспитание дочери. К экспедиции примкнули двое австралийских юношей, которым дали прозвища «Томми, пришедший первым» и «Томми, пришедший последним». Путешественник назвал

Счастливей Австралией плодородные, хорошо орошенные территории Юго-Восточной Австралии (сейчас они входят в состав штата Виктория). Прошло несколько лет — и колонизаторы оросили слезами и кровью аборигенов земли, открытые Томасом Митчеллом с помощью простодушных детей природы.

В 1845 году Митчелл с тридцатью спутниками выступил из окрестностей Батерста (к западу от Сиднея) и направился на север. Эта экспедиция открыла реку Уоррего, а также отличные пастбищные угодья в долине Мараноа.

И на этот раз часть пути экспедицию вел Бультже, которого Митчелл встретил на старом месте. За десять лет утекло много воды; на территорию племени Бультже успели уже проникнуть колонисты, и положение его, как писал путешественник, стало весьма затруднительным. Несмотря на это, Бультже, которого Митчелл называл своим старым другом, охотно пришел ему на помощь.

«С той же готовностью способствовать успеху моего предприятия, какую он проявлял прежде, Бультже уведомил меня о том, где можно найти воду, а также и о том, как мне выйти на прежний свой маршрут кратчайшим путем», — писал Митчелл.

Совершенно так же вели себя и другие проводники-австралийцы, сменявшие друг друга на различных участках пути. «Эти дети земли делали все, чтобы помочь мне, хотя следы колес от моих повозок, вероятно, приведут на их территорию скот белого человека», — с грустью заметил путешественник.

В путевом дневнике (запись 19 февраля 1846 года) Митчелл нарисовал портрет одного из своих проводников-австралийцев.

«Выступили в поход рано, ведомые нашим туземным другом. Он представлял собой идеальный образец человеческого рода, какой можно встретить только среди диких... Движения его при ходьбе были столь грациозны, что их даже представить себе не могут те, кто привык видеть только одетых и обутых животных. Гибкий позвоночник, симметричность верхней части торса, украшенного словно тонкой резьбой рубцами, размещенными с большим вкусом (след обряда инициации. — *Авт.*), — таковы были характерные черты этого создания.

В сравнении с ним цивилизованное животное, если рассматривать его только в свете естественной истории, представляется таким неполноценным! Напрасно станем мы искать среди тысяч подобных существ такие зубы, такое пищеварение, такие органы зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания, такое умение бегать, прыгать, лазить по деревьям, ходить; такую способность наслаждаться прозрачной водой и всем, что дарит лесная природа детям своим; такое здоровье и неподверженность заболеваниям. Подобная интенсивность существования должна намного превосходить радости, которые предоставляют науки и искусство цивилизованному человеку».

Проводники не только вели экспедицию, но и указывали направление рек, находили воду для людей и животных. Почти ежедневно они отыскивали в зарослях упряжных быков, которые, пользуясь беспечностью погонщиков, разбредались в разные стороны.

Проводников вербовал переводчик-австралиец Юрани. Хотя топограф Эдмонд Кеннеди считался помощником Митчелла, фактически ближайшим сотрудником его был Юрани (это не помешало ему и после экспедиции остаться батраком на ферме колониста).

О роли Юрани в экспедиции красноречиво свидетельствует сам Митчелл: «Мне не подобает дурно отзываться об аборигенах, ибо один из представителей этой злосчастной расы был моим „проводником, спутником, советником и другом“, участником важнейших событий, описанных в моем путевом дневнике. Юрани был мал ростом и худощав, но... отличался смелостью и решительностью. Ум и рассудительность делали его столь необходимым, что он всегда находился подле меня, пеший или на коне. Я ни разу не раскаялся в том, что доверял ему... Ничто не ускользало от его зоркого глаза и тонкого слуха. Его краткие, но точные указания были мудрыми, хотя исходили от человека, считавшегося дикарем. К маленькому туземцу Дики он проявлял чуть ли не отеческую привязанность и доброту. Мальчик охотно прислуживал Юрани, тот заставлял его мыться и чиститься, прежде чем позволял улечься спать подле себя. Сам Юрани был исключительно чистоплотен, часто мылся, вьющиеся черные волосы его всегда были приглажены. Все это придавало ему на редкость опрятный и пристойный вид».

Дневник Митчелла изобилует сведениями об услугах, оказанных экспедиции Юрани. С присущей австралийцам ловкостью он взбирался на самые высокие деревья, обозревал местность и сообщал Митчеллу о том, что видел. Он первый заметил многие реки и горы, открытые экспедицией.

Австралиец не раз выручал путешественников, жестоко страдавших от жажды. «Все ямы с водой пересохли, но Юрани нашел в скале глубокий природный колодец, в котором было столько воды, что нам хватило бы ее на месяц»,— гласит одна из записей в путевом журнале Митчелла.

Десятилетний Дики, приставший к экспедиции, также не раз находил воду там, где ее, казалось, вовсе не было.

Как и другие австралийцы, Дики был замечательным следопытом. Не раз находил он в зарослях пропавших быков и до конца экспедиции так и не смог понять, почему мудрые белые люди не способны на такое простое дело.

После возвращения в Сидней Митчелл выхлопотал Юрани небольшую пенсию натурой, а Дики взял на воспитание и вырастил вместе с Балланделлой.

Казалось бы, Эдмонд Кеннеди, участвовавший в путешествии Митчелла, должен был извлечь уроки из опыта общения с такими австралийцами, как Бультже, Юрани и Дики. Тем не менее новая экспедиция, возглавленная им в 1848 году, закончилась трагически.

Кеннеди со своими спутниками, к которым присоединился потом молодой австралиец по имени Джэки-Джэки, выступил из Сиднея в конце апреля 1848 года. Экспедиция ставила себе целью достигнуть крайней северной оконечности полуострова Кейп-Йорк. В августе Кеннеди совершил роковую ошибку: приказал открыть огонь по толпе коренных жителей, которые якобы вели себя угрожающе (вспомним, как хладнокровно реагировал Н. Н. Миклухо-Маклай даже на действительные угрозы жителей Новой Гвинеи, встревоженных его появлением). Перевес в силах был на стороне путешественников, и в отличие от аборигенов они не понесли никаких потерь.

Но тяготы и лишения долгого пути изменили соотношение сил, особенно после того, как в октябре 1848 года Кеннеди оставил в лагере на побережье

восьмерых участников экспедиции. Вскоре после этого в очередной стычке с аборигенами Эдмонд Кеннеди получил смертельную рану. Сопровождавшие его европейцы погибли от голода и жажды на обратном пути. Только Джэки-Джэки сумел преодолеть все трудности и 23 декабря 1848 года был подобран на побережье кораблем «Ариэл».

Конечно, австралийцем (как и любым другим человеком на его месте) руководило чувство самосохранения. Но не одно оно. Он сумел сохранить дневники Э. Кеннеди, и впоследствии они были опубликованы. Немало усилий приложил он для того, чтобы спасти жизнь участников экспедиции, оставшихся в промежуточном лагере. Следуя его указаниям, капитан «Ариэла» разыскал лагерь. К этому времени шесть человек умерли, а двое — Керрон и Годдард — взошли на борт корабля в состоянии крайнего истощения.

В порядке редкостного исключения подвиг Джэки-Джэки был увековечен: его именем названа река в северной части полуострова Кейп-Йорк.

Несколько лет спустя — в 1864 году — коренные австралийцы спасли на том же полуострове братьев Фрэнка и Александра Джардин. Недостаток продовольствия и падеж лошадей поставили путешественников в безвыходное положение. В марте 1865 года они были найдены группой аборигенов, посланных на выручку им из фактории Сомерсет в северной части полуострова.

Выдающееся место в исследовании Южной Австралии занимает Джон Эйр. Уже в 1839 году он сделал важные открытия, а в экспедиции 1840—1841 годов прошел около 3500 километров по пустынной прибрежной равнине вдоль Большого Австралийского залива. Среди спутников Эйра было трое коренных жителей, в том числе юноша Вайли.

Эйр, как и Митчелл, пользовался услугами проводников из местных жителей. Почти с самого начала экспедиции поиски воды приобрели первостепенное значение. Ее находили, выручая европейцев, и указывали им кратчайший путь австралийцы, о которых Эйр справедливо заметил:

«1. Наше присутствие в их стране с точки зрения их понятий о добре и зле является актом вторжения и агрессии.

Вайли

Из книги E. J. Eyre «Journals. Expeditions of Discovery into Central Australia in the Years 1840—1841», London, 1843

2. Наше присутствие в любой местности и заселение ее обездоливает коренных жителей».

И все же в путевом журнале Эйра можно найти такие записи:

«10 ноября 1840. Убедил туземца по имени Уилгулди — умного и веселого старика — сопровождать нас в качестве проводника.

11 ноября 1840. Ведомые нашим другом Уилгулди, срезали все углы побережья и вышли напрямик к Билима Гайппе («Местность, где есть вода»). Прибыли туда около полудня, покрыв 12 миль. Туземец показал нам участок болота, где, вырыв яму глубиной в 4 фута, мы нашли воду... Она имелась здесь в изобилии и была хорошего вкуса.

17 ноября 1840. Вскоре после привала появилось несколько туземцев. Они присоединились к тем, кто шел с нами. Вели себя чрезвычайно вежливо и добропорядочно... Никто из них ничего у нас не украл. Если мы забывали какой-нибудь предмет, они окликали нас и указывали на него. Мы обязаны им тем, что легко находили воду. Без них мы никогда не смогли бы покинуть очередную стоянку, не установив предварительно, где дальше есть источники. А это привело бы к большой потере времени и дополнительным затратам труда. Благодаря туземцам мы продвигались вперед быстро и уверенно. Следуя за ними, мы не сомневались, что идем наиболее удобным и коротким путем. Достигнув источника, они всегда указывали его нам и, прежде чем утолить жажду, неизменно спрашивали у нас разрешения. Право же, подлинная вежливость, искреннее гостеприимство необразованных дикарей и их исключительная щедрость могут заставить покраснеть более цивилизованных людей. Какой контраст между добротой, с которой относятся к европейским путешественникам бесхитростные обитатели дебрей (когда их не пугают и не посягают на их предрассудки), и поведением тех же европейцев, захватывающих их страну и лишаящих аборигенов всего достояния».

Несмотря на содействие австралийцев, к концу марта 1841 года экспедиция очутилась в тяжелом положении: часть лошадей пала, люди и уцелевшие животные устали и ослабели.

Однако Эйр, его помощник Бакстер и трое аборигенов продолжали упорно идти вперед. Недостаток воды австралийцы восполняли утренней росой.

В конце апреля 1841 года случилась беда. В отсутствие Эйра двое аборигенов убили Бакстера и ушли, забрав все запасы продовольствия. Вряд ли случайно, что их жертвой стал не Эйр, а именно Бакстер. Эйр, как мы видели, относился к коренным жителям с уважением, Бакстер же вел себя как типичный колониза-

тор. Достаточно сказать, что в начале экспедиции он, не желая утруждать себя поисками проводников, похитил австралийскую женщину, чтобы, используя ее как заложницу, получать сведения об источниках воды. Это едва не привело к кровавому столкновению, и, только отпустив пленницу, Эйр избежал его.

Убийство Бакстера не изменило отношения Эйра к аборигенам. В написанной им книге он решительно осудил «несправедливую, варварскую, противоречащую христианству систему колонизации Новой Голландии (Австралии.— *Авт.*)» и, основываясь на своем опыте правительственного чиновника, заявил: «За все три года, что я был резидентом... не произошло ни одного серьезного случая нападения туземцев на европейцев».

Такая позиция Эйра объясняется, видимо, и тем, что экспедиция все же достигла цели благодаря ее третьему австралийскому участнику — уже упоминавшемуся юноше Вайли. Он добровольно остался с Эйром и, по существу, спас ему жизнь: без его умения находить воду и охотничьей сноровки англичанин погиб бы от голода и жажды.

2 июня 1841 года Эйр и Вайли поднялись на борт французского китобоя «Миссисипи», который они заметили с прибрежного утеса. Капитан предложил доставить их в любой порт Южной Австралии. Однако Эйр вернулся на берег, желая во что бы то ни стало пройти до порта Олбани в бухте Кинг-Джордж. За ним последовал и Вайли. Он был родом из тех мест и послужил Эйру проводником на последнем участке пути.

В исследовании Австралии видное место наряду с англичанами занимают путешественники из других стран Западной Европы. Тропическую Австралию, можно сказать, открыл немецкий исследователь Людвиг Лейхгардт. В 1844 году экспедиция, которую он возглавил, выступила из Брисбена на восточном побережье Австралии. Лейхгардт поставил целью пересечь всю северо-восточную часть материка и достичь Порт-Эссингтона на берегу Арнемленда. Помимо европейцев в экспедиции участвовали двое аборигенов — Гарри Браун и Чарли Фишер. Их взяли в качестве подсобной силы, но очень быстро они стали совершенно незаменимы как проводники и следопыты.

Коренные австралийцы, как никто, умеют находить, казалось бы, совершенно незаметные следы. В любой местности они без труда также определяют, как давно прошел оставивший следы человек или зверь. Хотя в тропической Австралии сравнительно негустые леса, путешественники-европейцы и американский негр Калев, участвовавший в экспедиции, нередко отставали от проводников. Заблудившихся неизменно отыскивали австралийцы. Лейхгардт писал, что Джон Мэрфи и Калев наверняка погибли бы осенью 1844 года, если бы Чарли «благодаря своему природному дару не отыскал их едва заметные следы и не пошел по ним».

В дальнейшем, отправляясь на рекогносцировку местности, руководитель экспедиции неизменно брал с собой обоих следопытов. «В результате,— писал он,— мы сэкономили много времени. Найдя подходящий источник воды, я не должен был больше возвращаться на место последней стоянки, чтобы уведомить своих спутников, а посылал к ним одного из австралийцев».

Однажды Лейхгардт и оба австралийца оторвались от остальных участников экспедиции и их целых четыре дня не могли отыскать.

«В одиночку я едва ли нашел бы лагерь экспедиции,— сообщает Лейхгардт.— Нас спасло удивительное умение находить раз виденное место, которым обладали как Браун, так и Чарли... Их воспоминания отличались поразительной точностью и распространялись на мельчайшие детали. Они гораздо лучше, чем я, запоминали причудливо растущие и сгруппированные деревья, обломанные сучья, небольшие неровности почвы и многое другое».

И в этой экспедиции не обошлось без столкновения с аборигенами, в котором погиб помощник Лейхгардта. Но обычно коренные жители встречали путешественников радушно. Когда на последнем участке пути землепроходцы отклонились на север, встреченные ими аборигены вывели их прямо к Порт-Эссингтону. Австралийцы доставляли путешественникам в большом количестве дикий мед, научили их употреблять в пищу некоторые местные растения.

25 марта 1846 года было днем торжества экспедиции. Весь Сидней вышел встречать героев, вернувшихся из Порт-Эссингтона морским путем. В празднич-

ной суматохе никто, однако, не вспомнил о заслугах Брауна и Фишера: они ведь были «черными».

Но эти скромные люди продолжали самоотверженно служить науке. В 1848 году они приняли участие в попытке осуществить новый грандиозный замысел Лейхгардта: пересечь Австралийский материк с востока на запад. Никто из восьми участников экспедиции не вернулся. Поиски их не дали результатов. Они исчезли бесследно, но никогда не изгладится след, оставленный в географической науке Людвигом Лейхгардтом и его австралийскими друзьями Брауном и Фишером.

Первыми пересекли Австралийский материк с юга на север английский офицер Роберт О'Харра Берк и его спутники. В феврале 1861 года путешественники почти достигли устья реки Флиндерс, впадающей в залив Карпентария, а затем повернули назад.

Обратный путь через безводные каменистые пустыни в водоразделе рек Флиндерс и Куперс-Крик оказался не под силу крайне истощенным людям. Большинство верблюдов пало. 21 апреля 1861 года передовой отряд экспедиции наконец достиг базы на реке Куперс-Крик, где Берк раньше оставил нескольких своих спутников с запасом продовольствия. Из положенной в условленное место записки выяснилось, что за несколько часов до возвращения Берка люди ушли на юг. Считая головной отряд Берка погибшим, они забрали с собой почти все продовольствие.

Берк и пришедшие с ним У. Уиллс и Джон Кинг очень скоро погибли бы от голода и жажды, если бы не аборигены. Они делились с европейцами тем немногим, что имели, прежде всего лепешками из зерен местного растения нарду. Однако питательность этих лепешек была весьма невелика, и путешественники продолжали слабеть. В конце июня скончался Уиллс, на другой день — начальник экспедиции.

Но Джон Кинг выжил — его спасли аборигены, как бы принявшие спутника в свой род. Кинг так описал их трогательную заботу о нем:

«Чувствуя, что мой запас нарду иссякает, и будучи не способен собирать зерна этого растения, я разыскал аборигенов, приходивших к нам в лагерь (кстати сказать, путешественники всякий раз отгоняли гостей холостыми выстрелами. — *Авт.*). По пути я стрелял ворон

и ястребов. Услышав выстрелы, туземцы вышли мне навстречу, угостили нарду и рыбой. Затем взяли птиц, которых я подстрелил, и приготовили для меня. Потом показали шалаш, где я должен был спать вместе с тремя неженатыми мужчинами».

На следующее утро австралийцы стали знаками расспрашивать Кинга о случившемся. «Они, видимо, почувствовали сильное сострадание ко мне, поняв, что я остался один, и дали мне много еды», — писал Кинг.

После того как англичанину удалось вылечить женщину, страдавшую от нарыва, австралийцы стали не только кормить его, но и брать с собой на рыбную ловлю. «С этого времени они смотрели на меня как на одного из своих».

«Им очень хотелось узнать, где лежит мистер Берк, и однажды, когда мы ловили рыбу в ямах неподалеку от этого места, я показал им его тело. Увидев останки мистера Берка, вся группа зарыдала, а затем прикрыла труп ветвями кустов. После этого они стали обращаться со мной еще лучше».

Между тем на поиски пропавших участников экспедиции было направлено несколько поисковых групп. Одна во главе с А. Хауиттом достигла покинутого лагеря и, ознакомившись с оставленной Берком запиской, двинулась по его следам. Неизвестно, однако, удалось ли бы Хауитту найти Кинга, если бы приютившие его австралийцы, заметив приближение поисковой группы, не поспешили навстречу.

Спасение Кинга имело большое значение для науки. Он привел группу Хауитта к месту захоронения Уиллса, где были зарыты журналы экспедиции.

Хауитт записал имена старейшин рода, приютившего Кинга: Чукулоу, Мунгалли, Токуунтер, Питчери, Прурикоу, Борокоу. Старуху, которая была особенно внимательна к Кингу, звали Каррауоу.

Только благодаря этим людям научные результаты экспедиции Берка не постигла судьба последней экспедиции Лейхгардта. Имена их должны войти в историю географической науки наряду с именами Берка, Уиллса и Кинга.

ПОКОРИТЕЛИ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

От острова к острову

Когда первые европейские корабли под командой Магеллана вошли в воды Микронезии, их встретили в открытом море ладьи островитян. Земля, к которой пошел Магеллан 6 марта 1521 года после беспримерного плавания через безбрежный океан,— остров Гуам в Марианском архипелаге. Марианским его окрестили лишь в 1668 году, первооткрыватели же называли Гуам и ближайшие к нему острова то Разбойничьими, то островами Латинских парусов.

Название «острова Латинских парусов» не только поэтично, но и вполне конкретно исторически. О треугольных парусах говорится в первом описании океанийцев и их ладей, составленном историографом экспедиции Магеллана — Пигафеттой.

«Лодки напоминают собой фязолеры (венецианские быстроходные лодки.— *Авт.*), но они уже, некоторые окрашены в белый и красный цвета. Напротив паруса лежит заостренное в конце бревно, к нему накрест прикреплены жерди, опускающиеся в воду, чтобы уравновесить лодку. Парус изготавливается из сшитых вместе пальмовых листьев и напоминает собой латинский парус. Рулем служит лопасть, похожая на лопатку булочника, с куском дерева на конце. Корма служит также и носом; в общем они напоминают дельфинов, которые перескакивают с волны на волну».

Это первое описание океанийцев и их ладей — важный исторический документ. Но автор его не смог подняться выше своих предрассудков и высокомерно назвал ладьи океанийцев «лодчонками».

От этого термина тянется нить к долго бытовавшей в науке легенде о Пацифиде — гигантском материке,

который некогда был поглощен волнами Тихого океана.

Уже первые европейские путешественники заметили, что жители различных архипелагов Полинезии, разделенных сотнями, а то и тысячами миль, понимают друг друга. Позднее, когда Океанией заинтересовались ученые-лингвисты, выяснилось, что языки Полинезии и Микронезии входят в одну семью. К той же семье относятся и языки меланезийцев, хотя на Новой Гвинее, Новой Британии и Соломоновых островах распространены также языки папуасской семьи.

Сторонники теории Пацифиды пытались на основании этих фактов доказать, будто океанийцы — потомки жителей древнего материка, уцелевшие на сохранившихся от него участках суши. «Лодчонки» Пигафетты вполне укладывались в эту схему, рожденную пренебрежением к народу мореплавателей.

Спор вокруг Пацифиды был решен геологией: в настоящее время установлено, что если такой материк и существовал, то задолго до появления человека.

По данным радиоуглеродного анализа, опубликованным в 1967 году, острова Океании были заселены сравнительно недавно: самые древние останки человека обнаружены на острове Сайпан в Марианском архипелаге. Они относятся к 1527 году до н. э. Заселение Полинезии началось значительно позднее.

Благодаря содружеству наук все более четко вырисовывается один из величайших подвигов в истории человечества: открытие, исследование и заселение Океании самими океанийцами.

Откуда же появились в Океании океанийцы?

В 1816 году в Полинезии, а затем и в Микронезии побывала русская кругосветная экспедиция О. Е. Коцебу. Участником ее был немецкий писатель и натуралист, выходец из Франции Адальберт Шамиссо. Этот необыкновенно одаренный человек, обладавший блестящими лингвистическими способностями, обратил внимание на родство океанийских языков с индонезийскими. Позднейшие исследователи подтвердили правильность гениальной догадки. Современная наука объединяет эти языки в малайско-полинезийскую семью.

Археологические раскопки и данные радиоуглеродного анализа показывают, что прародиной современ-

ных океанийцев была Юго-Восточная Азия. Оттуда же происходят все их культурные растения (кроме батата) и домашние животные. С глубокой древности южная часть Индокитайского полуострова и современная Индонезия были населены негро-австралоидными племенами. Под давлением монголоидов, нахлынувших с севера, часть негро-австралоидов двинулась в Океанию и заселила острова Меланезии. Радиоуглеродный анализ позволяет, конечно приближенно, датировать эти события. Заселение центральной части архипелага Новые Гебриды началось приблизительно в 905 году до н. э., южной его части — в 420 году, Новой Каледонии — в 847 году и островов Фиджи — в 46 году.

За негро-австралоидами в Меланезию последовали монголоиды, которые вытеснили их из Индонезии. Из смешения этих элементов образовался полинезийский антропологический тип.

Расстояние между архипелагами Меланезии невелико. Поэтому заселение их выходцами из Индонезии не требовало совершенных судов и высокого навигационного искусства. Меланезийцы (за исключением жителей островов Фиджи, соседствующих с Полинезией) не были народом мореходов. Однако для рыболовства и каботажного плавания, для посещения других островов своего архипелага меланезийцы строили и строят лодки. На Новых Гебридах это обычно однодеревки, выдолбленные из ствола хлебного дерева. Каждая лодка снабжена балансиром (аутригером), выполняющим функции поплавка. Сейчас новогебридцы ходят только на веслах, но прежде применяли и паруса из листьев. На Соломоновых островах встречаются лодки, сшитые из досок, иногда без балансира и паруса. На обоих архипелагах большие лодки вмещали до сорока гребцов.

Итак, меланезийцы родственны жителям Полинезии и Микронезии по языку. Велико сходство (при всем различии уровней) и материальной культуры трех частей Океании. Это относится, в частности, и к плавучим средствам их жителей.

Советские ученые считают, что именно Меланезия была тем тигелем, где в результате смешения монголоидов и негро-австралоидов возник новый антропологический тип — полинезийцы.

Как же шло исследование Океании после открытия

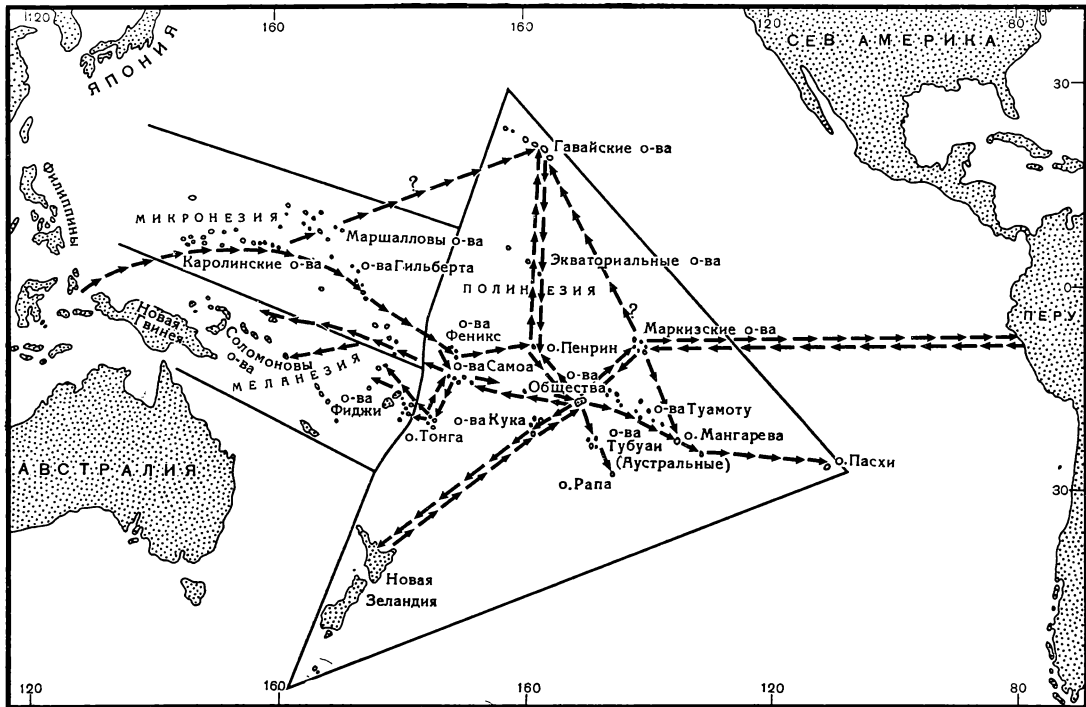
и заселения островов Меланезии предками ее нынешних жителей?

Среди ученых имеются сторонники двух путей заселения Полинезии: южного и северного. Южный путь лежит через Меланезию, жители которой, как я уже говорил, никак не являются народом мореходов. Однако необыкновенно высокий уровень мореплавания у фиджийцев заставляет призадуматься. Сама природа поставила перед ними задачу освоения безбрежного океана, простирающегося к востоку от их архипелага. Многие ученые считают, что именно отсюда предки нынешних полинезийцев двинулись навстречу солнечному восходу. Данные радиоуглеродного анализа, однако, не подтверждают эту схему постепенного движения с запада на восток. Правда если следы первых насельников Фиджи относятся к 46 году до н. э., то на островах Самоа люди появились около 1 года н. э. Тут как будто все сходится. Но дальше начинаются явные неувязки. Маркизские острова, лежащие далеко к востоку от Самоа, заселялись со 130 года до н. э., Гавайи — даже с 300-го. На острове Пасхи — восточном форпосте Полинезии и всей Океании — первые следы человека относятся к 400 году н. э., а на Таити, расположенном в Центральной Полинезии, — к 1010-му.

Не может считаться полностью доказанной и увлекательная гипотеза новозеландского ученого Те Ранги Хироа о полинезийском треугольнике, или «осьминоге».

Те Ранги Хироа согласен с тем, что предки полинезийцев когда-то жили в современной Индонезии. Но он утверждает, что они миновали на своем пути Меланезию и двигались «северным» путем, через Микронезию. Оттуда они, по его мнению, попали прежде всего на архипелаг Общества. Главный остров этого архипелага с подветренной стороны — Раиатеа — стал, как он думает, центром дальнейшего расселения полинезийцев. Именно этот остров он отождествляет с Гавайки — легендарной прародиной полинезийского народа, о которой говорится во многих мифах и сказаниях. Гавайки-Раиатеа представляется новозеландскому ученому головой спрута, от которой во все стороны вытянулись щупальца — пути переселенцев.

Гипотеза Те Ранги Хироа столь же уязвима для критики, как и теория южного пути. Начать с того, что

Полинезийский треугольник. Северный микронезийский путь и теоретический южный путь переселения предков полинезийцев. Из книги «Народы Австралии и Океании», М., 1956.

радиоуглеродный анализ не подтверждает мнения об архипелаге Общества как голове спрута, протянувшего свои щупальца ко всем архипелагам Полинезии.

Но еще до применения радиоуглеродного анализа научная добросовестность заставила Те Ранги Хироа выдвинуть контраргументы, ставящие под сомнение его собственную гипотезу. Если предки полинезийцев миновали Меланезию, то откуда появились на коралловых островах Полинезии хлебное дерево, банан, ямс, таро? Они не могли очутиться там без участия человека, а за исключением таро, ни одно из них не произрастает на атоллах Микронезии. Нет и домашних животных полинезийцев — свиней, собак, нет и кур. Все это выходцы из индо-малайской области.

Поэтому наряду с основным — северным — путем заселения Полинезии Хироа признает и вспомогательный — через меланезийский архипелаг Фиджи, отличающийся развитым мореходством. Он полагает, что именно этим путем попали в Полинезию культурные растения и домашние животные.

Интересную попытку примирить противоположные взгляды океанистов предпринял советский ученый С. П. Толстов. Он не противопоставляет «северный» путь «южному», а совмещает обе гипотезы, считая, что мореходы, заселившие Полинезию, могли следовать по любому из них. Хотя их походы растянулись, вероятно, на длительный срок, это не отразилось на антропологическом и языковом единстве жителей Полинезии.

Конечно, переселение в совершенно новые условия не могло не наложить отпечаток на культуру полинезийцев, которую на Западе иногда пренебрежительно третируют как культуру каменного века. Действительно, до появления европейцев все орудия океанийцев делались из камня. Но это никак нельзя поставить в вину жителям островов, где не было и нет железа. Искусство обработки металлов, безусловно известное предкам океанийцев, выродилось по той простой причине, что им нечего было обрабатывать. И гончарное искусство прекратило свое существование, потому что в Океании не было глины.

Итак, деградация, регресс? Ни в коей мере. Предки океанийцев действительно растеряли многое из своего культурного багажа, но зато приобрели совершенно новые навыки и знания.

Прежде всего это сказалось в судостроении, мореходстве и тесно связанных с ними практической астрономии, гидрологии, метеорологии.

Постепенно, на протяжении веков, меланезийцы с островов Фиджи и полинезийцы в целом становились народом мореплавателей. Медленно, но верно Великий океан входил в их плоть и кровь. Плавая как рыбы, эти люди перестали бояться волн. Повседневное общение с морем выработало у них способность ориентироваться даже вдали от берегов. Это не мистическое «шестое чувство», якобы свойственное одним людям или народам и отсутствующее у других, а сумма наблюдений и навыков, которые передаются из поколения в поколение.

Борьба с морской стихией вырабатывала у островитян выдержку, волю и любознательность. Физический и нравственный облик народа-морехода складывался в этой борьбе, которая не только была для него трудом, но и занимала досуг.

Ограниченность территории островов Полинезии толкала их жителей ко все новым переселениям, которым по необходимости предшествовали плавания разведочного характера. Общая площадь полинезийской суши (без Новой Зеландии) всего 27 тысяч квадратных километров, то есть меньше, чем, скажем, территория Бельгии или Швейцарии. Полагают, что на этой территории ко времени появления европейцев проживало около миллиона человек. Следовательно, плотность населения составляла почти сорок человек на квадратный километр. Такой плотности могут позавидовать иные государства современной Европы, например Швеция и Норвегия.

Не удивительно, что в неурожайные годы смельчаки пускались в океан — либо на поиски новых земель, либо для поселения на уже известных им островах. Еще в середине XIX века на острове Ротума имелись большие суда, которыми в прошлом пользовались переселенцы. Американский офицер Д. Портер, в начале XIX века побывавший на Маркизских островах, сообщал, что в этом архипелаге засуха нередко продолжалась несколько лет подряд. В такие времена, писал он, ладьи отправлялись на поиски других островов, а жрецы ходили из дома в дом, дребезжащим голосом уведомляли жителей о том, что друзья их нашли землю,

изобилующую хлебным деревом и кокосовыми орехами, и предлагали последовать за ними. В результате в океан отплывали целые флоты с запасом пищи и воды, а также свиньями, домашней птицей и молодыми растениями. По утверждению Портера, за несколько лет с Вашингтоновых и Маркизских островов отплыло более восьмисот мужчин, женщин и детей.

Хотя хозяйство океанийцев было в основном натуральным, в нем практиковался обмен. Особенно тесные торговые и политические связи установились между архипелагами Тонга (Полинезия) и Фиджи (Меланезия), отстоящими друг от друга на 200 миль, а также Тонга и Самоа (по прямой линии — 360 миль).

Тонганцы покупали на островах Фиджи суда, которые изготовлялись на заказ, а также сандаловое дерево. В обмен они доставляли китовый ус, тапу (материя из луба), палицы. Молодежь с островов Тонга отправлялась на Фиджи для обучения военному делу и проводила там несколько лет. Тонганцы занимались и посреднической торговлей: ходили на архипелаг Самоа за красными перьями — их выменивали на циновки, — а затем доставляли перья на Фиджи. Они перевозили огромные камни для гробниц своих вождей.

Морская торговля была развита и в Микронезии. Жители острова Яп (Каролинский архипелаг) отправлялись за 300 миль на острова Палау за «каменными деньгами» (диски кальцита диаметром до трех с половиной метров).

Перенаселенность и необходимость в торговом обмене были не единственными причинами, побуждавшими мореходов отправляться в дальние плаванья. Поиски новых земель были обусловлены и социальным строем островитян. У них издавна выделилась верхушка в лице вождей и жрецов, появились зачатки эксплуатации человека человеком, а с нею и государственности.

Войны и набеги соседей заставляли побежденные племена отправляться в неведомую даль. Распри в верхушке общества, постоянная борьба за власть приводили к изгнанию отдельных родовых старейшин. А у изгнанников был один путь: в открытый океан. Нередко вожди со своими отрядами бороздили моря и с завоевательными или пиратскими целями.

Викинги солнечного восхода

Все это очень напоминает средневековую историю скандинавов. Особенно разительно сходство с викингами у тонганцев, которые совмещали мирную торговлю с пиратскими набегами на ближние и дальние острова. От них не отставали и таитяне. Английский мореплаватель Джеймс Кук был свидетелем того, как целый флот, насчитывавший около восьми тысяч воинов, отправился с Таити на завоевание другого острова.

Как мы видели, причин (к ним следует отнести и простую любознательность) для поисков новых земель, для совершения географических открытий у океанийцев было более чем достаточно.

Но как же обстояло дело с реальными возможностями для таких открытий?

Выше говорилось о том, что Пигафетта неправильно именовал плавучие средства океанийцев лодчонками. На мой взгляд, неверно называть их и лодками, как это делается порой в нашей литературе. Ибо тогда придется применить тот же термин к европейским кораблям, на которых совершались великие открытия XV—XVI веков.

Жители островов Фиджи и полинезийцы изобрели или усовершенствовали несколько типов морских судов, отлично приспособленных к условиям плавания в Тихом океане. Наряду с ладьями для рыбной ловли и военных действий существовали специальные суда для дальних путешествий.

Среди полинезийских судов преобладали одиночные и двойные долбленые ладьи, ладьи с балансиром (отходящим от корпуса «коромыслом», как называли его русские мореплаватели XIX века), иногда с двумя. В межостровных плаваниях применялись также плоты.

У нас нет никаких сведений о типах судов, которыми на первых порах пользовались предки полинезийцев, пишет Те Ранги Хироа. Однако можно не сомневаться в том, что известные нам полинезийские суда в основном строились по тем древним образцам, которые оказались удачными.

На первый взгляд выдолбленная из дерева лодка, с которой соединен поддерживающий ее балансир,—

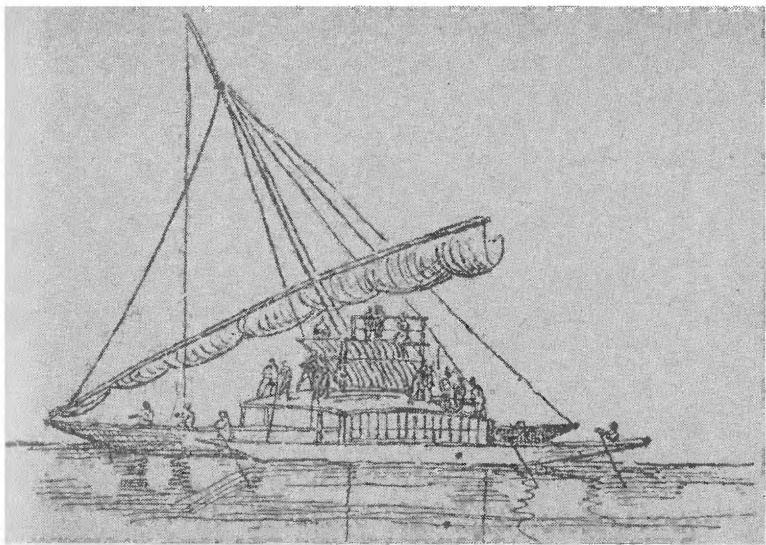
сооружение довольно простое. Но если учесть, что для постройки такого судна надо срубить дерево, разрезать его на куски определенной длины, а затем придать им внешнюю форму и выдолбить изнутри каменным теслом, то проникнешься уважением даже к самому простому челноку. Выдолбленные из целых стволов маленькие рыболовные лодки были так узки, что легко переворачивались. Чтобы придать корпусу большую устойчивость, стали применять балансир в виде длинного куска легкого дерева, державшегося на поверхности воды на небольшом расстоянии от лодки. Обычно балансир соединялся с корпусом лодки двумя поперечными перемышками, которые прикреплялись одним концом к верхним краям обоих бортов лодки, а другим — к балансиру. В Полинезии балансиры крепились самыми различными способами.

Лодки, выходившие в открытое море на лов бонито и глубоководной рыбы, нуждались в надежной защите от морских волн, перекачывавшихся через борт. Поэтому на верхнюю часть долбленого челнока островитяне нашивали доски, увеличивая его надводную часть. Для перевозки людей с запасами пищи и воды строились более крупные суда; в этих случаях на борта нашивали несколько ярусов досок. При дальних плаваниях и переправе военных отрядов с острова на остров балансир заменяли двойной лодкой. Так возникли двойные лодки, на которых полинезийцы открыли острова Тихого океана.

Ладьи с двойным корпусом, соединенные дощатым настилом (на нем обычно устраивали жилое помещение), уступали судам с балансирами в скорости хода, но значительно превосходили их грузоподъемностью.

Крупнейшим достижением океанийских судостроителей было создание фиджийцами «друа» («калия» островов Тонга). Это модификация двойной ладьи, в которой второй сигарообразный корпус представляет собой скорее балансир. Суда этого типа имеют много общего с микронезийской парусной ладьей с одним балансирами.

Интересные наблюдения над микронезийскими ладьями сделал известный русский мореплаватель Ф. П. Литке. Он отметил, что благодаря большой длине в сравнении с шириной ладьи «лавируют с удивительной выгодой».

Океанийская ладья (архипелаг Тонга)

Литке подметил также, что суда эти никогда не дают течи, так как пазы между досками хлебного дерева и отверстия, в которые продеты соединяющие их веревки, замазаны очень надежной известкой, приготовляемой из прожженного мадрепорового камня.

Рассказал он и о том, как смело и ловко действуют микронезийцы, когда ветер и волны опрокидывают их ладьи. В этом случае моряки, плавая в воде, сначала освобождают мачту и свертывают парус. Затем часть моряков становится на коромысло (балансир), погружая его в воду, и поворачивает лодку до половины. Другие хватаются за край площадки на другом борту и скоро совсем выпрямляют ладью.

Еще в XVIII веке океанийские суда по многим показателям вполне могли конкурировать с европейскими. Так, английский корабль «Индевр», на котором Кук совершил свое первое плавание в Океанию, имел около 32 метров в длину, а на Таити сам Кук видел двойную ладью несколько большей длины. Миссионер Вильямс упоминает 35-метровое судно. При выходе из Плимута на борту «Индевра» находилось девяносто восемь человек, тогда как некоторые суда фиджийцев

брали триста-четырееста. В трюме такой ладьи взрослый мужчина мог стоять во весь рост. А вмещал трюм до 50 тонн груза.

Как же приводились в действие суда океанийцев? Силою ветра и силою мускулов специально отобранных натренированных людей. Весла-гребки не имели уключин, и гребцы сидели лицом вперед, как на байдарке. К концу XVIII века в составе европейских флотов уже не было галер — явление, конечно, положительное. Однако парусные суда полностью зависели от ветра, и, попав в штиль, корабли прерывали плавание иной раз на целые недели. Океанийские мореплаватели, напротив, не боялись безветрия, хотя не забывали о парусном оснащении. Независимо от размера судна парус всегда ставился один. «Его сшивали из плетеных циновок, а форма была двоякая. В Центральной Полинезии применяли шпринтовый парус, закрепленный на вертикальной мачте, в Западной — „латинский“, который растягивался между двумя реями, подвижно соединенными под острым углом и подвешенными к мачте так, что вершина острого угла находилась у носа лодки». Высота мачты порою превышала 20 метров. На друа и калиах мачта устанавливалась таким образом, что судно могло идти под парусом и кормой и носом вперед даже против ветра.

При посещении островов Тонга Дж. Кук сделал следующую запись:

«Я получил возможность удостовериться в истинности факта, который прежде мне представлялся сомнительным: могут или нет их большие парусные суда делать поворот при смене галса, или им достаточно только перекинуть парус и затем идти так, что носом становится та часть лодки, которая была кормой. Одно из тех каноэ, что подошли к нам, действовало таким образом».

Вывод Кука подтверждается опытами, проведенными в 1960—1961 годах. О них сообщает Ч. Бэхтол — автор статьи в «Журнале Полинезийского общества». В искусственных бассейнах, где ставились эксперименты с моделями океанийских судов разных типов, были воспроизведены аэродинамические условия тропических широт, в которых действовали океанийские мореплаватели.

Бэхтол сообщает, что испытанные модели всех ти-

пов могут успешно идти против ветра. При этом каное с V-образным или круглым дном и большим рулевым веслом способны держаться под углом 45 градусов к ветру, что примерно соответствует достижениям современных парусных судов.

Скорость хода океанийских судов (особенно ладей с балансиром) всегда поражала европейских мореплавателей. Кук отмечал, что тонганские каное все без исключения обгоняли его корабли. Американский мореплаватель первой половины XIX века Уилкс говорил, что фиджийские суда ходят с невероятной скоростью: до 12—14 узлов. Некоторые микронезийские суда делали 15, 18 и даже 22 мили в час. Французский мореплаватель Бугенвиль, как и Дж. Кук, рассказывает, что океанийские ладьи буквально кружились вокруг его кораблей, которые не стояли на якоре, а шли под парусами. Во время посещения Маршалловых островов русским кораблем «Рюрик» (1819) островитяне легко обгоняли его, а затем спускали паруса, чтобы он смог поравняться с ними.

Удивительная остойчивость двойных ладей и ладей с балансиром привлекла внимание и современных судостроителей. В Советском Союзе и в других странах Европы, а также в Америке суда с двумя корпусами применяют при спасательных работах. Кроме того, у нас стали строить такие суда — их называют катамаранами — и для перевозки пассажиров и грузов: наличие двух корпусов намного увеличивает емкость судна. Строят у нас теперь и спортивные лодки с отходящим в сторону поплавком-балансиром, на которых, как и на катамаране, можно уверенно чувствовать себя в любую погоду.

Французский мореплаватель Э. Бишоп проверил возможности ладьи с двумя корпусами. На таком судне, построенном на Таити, он благополучно прошел через три океана, обогнув мыс Доброй Надежды, и прибыл в город Канн на французском побережье Средиземного моря.

Чтобы совершать дальние плавания, мало, однако, иметь суда. Надо еще овладеть искусством судовождения, навигации.

При каботажном плавании океанийцы имели возможность ориентироваться по приметам, которые недоступны органам чувств европейцев: по запахам,

цвету воды, отблескам на небе, облакам над островами, лежащими еще за горизонтом, и т. д.

Однако в открытом море, вдали от берегов, все это не могло им помочь. В основе навигационного искусства океанийских кормчих — этих подлинных капитанов дальнего плавания, — так же как и у мореходов других стран, лежит знание начатков астрономии.

На островах Полинезии эти знания нередко были монополией тех или иных родов, принадлежавших к верхушке общества, и передавались по наследству. В Микронезии же они становились достоянием широкого круга людей.

Один старик с островов Гилберта рассказывал в 1942 году, как он лет шестьдесят тому назад четырнадцатилетним мальчиком изучал астрономию. Это происходило в мужском доме. Карниз изображал восточный горизонт, крыша — небо, коньковая балка — меридиан, верхушка столба — звезду Ригель. Строительные балки как бы делили небо на участки, и каждое созвездие имело свое воображаемое место на крыше. Он изучил сто семьдесят восемь звезд и созвездий, указывал их место на стропилах, высоту их над карнизом (горизонтом) при восходе и заходе солнца в любое время года. Лишь после этого он перешел к изучению звезд на небе и маршрутов к различным островам.

И в Полинезии — даже в колониальный период — астрономические познания распространялись за пределы узкого круга посвященных.

В 1882 году один миссионер отплыл на парусной шхуне с островов Санта-Крус. На шхуне находились трое местных ребят. Старший сообщал товарищам названия звезд и поразил миссионера своими познаниями. В любое время дня и ночи все трое — даже самый младший, мальчик лет десяти, — могли указать, в каком направлении находится их родная земля. Дети не ошибались и тогда, когда шхуна удалилась на сотни миль от архипелага Санта-Крус.

В одном полинезийском предании описывается сильный шторм, в который попадает ладья. Но кормчий не боится бури. Стоя во весь рост, он поет песню. В этой песне мореплаватель просит богов не о тихой погоде — в такой милости он не нуждается. Пусть и дальше бушует ветер — лишь бы он развеял тучи.

Тогда кормчий снова увидит звезды, по которым поведет свое судно.

Океанийцы прекрасно изучили звездное небо — им было известно множество светил. Знали они и о таком факте, чрезвычайно важном для моряка: вид звездного неба постепенно меняется по мере продвижения судна с севера на юг или с юга на север.

Способность океанийцев ориентироваться в открытом море нередко казалась европейцам чудесной, таинственной. Однако никакого чуда тут не было. Европейские и американские моряки в XVIII веке и много позднее определяли свое местоположение в море с помощью инструментов, которые наводили на небесные светила. Океанийцы же, не имея таких приборов, определяли свое местоположение «на глазок», с помощью визуального наблюдения за теми же светилами.

Океанийцы прекрасно знали направления ветров, постоянно дующих в Тихом океане, а также течений, включая подводные. Еще в глубокой древности они заметили, что под влиянием пассатов направление волн на обширных пространствах океана остается неизменным. Кормчие зорко следили за тем, чтобы нос судна всегда оставался под определенным углом к этому направлению. И судно не сбивалось с заданного курса.

Конечно, у океанийцев не было научной метеорологии и гидрологии. Но разве в Век великих открытий могла идти речь о метеорологической науке? Что же касается научной гидрологии, то она зародилась только в XIX столетии.

Друг россияв

Попытки принизить значение морских походов и географических открытий океанийцев объясняются в первую очередь расистским высокомерием. Однако причина эта не единственная. В ходе прогресса науки и техники человечество не только многое узнает, но кое-что и забывает. Поныне остается загадочным происхождение некоторых исполинских памятников. Любопытно, что с началом космической эры появились гипотезы, авторы которых приписывают, например, знаменитые изваяния острова Пасхи (Рапануи) пришельцам из других миров. Понадобилась специальная

экспедиция Т. Хейердала на этот остров, чтобы окончательно установить факт создания памятников самими островитянами, имевшими лишь примитивные каменные орудия. Людям, вооруженным современной техникой, этот факт кажется бóльшим чудом, нежели появление на уединенном острове в Тихом океане пришельцев из иных галактик.

А тем, кто привык пользоваться достижениями современного судостроения и навигационного искусства, зачастую кажется невероятным, чтобы океанийцы, не имея никаких инструментов, могли на парусных «лодках» поддерживать связь между островами, разделенными огромными расстояниями.

Вот почему для нас вдвойне ценны свидетельства первых европейских путешественников по Океании, нанесших ее на современную карту мира. Эти люди познакомились с океанийскими мореплавателями до уничтожения их культуры колонизаторами. К тому же моряки парусного века стояли несравненно ближе к своим океанийским братьям по профессии, нежели наши современники. Даже те из них, кто был заражен расистскими предрассудками, не могли не отдать должное достижениям океанийцев. Во время важных исследовательских экспедиций XVIII—XIX веков возникло содружество европейских и океанийских мореплавателей, которое не получило дальнейшего развития из-за вторжения колонизаторов в островной мир.

В первой половине XIX столетия выдающиеся открытия в Океании были сделаны русскими путешественниками. Большинство из них с уважением относилось к самобытной культуре островитян, искало дружбы с ними. Объяснялось это прогрессивными настроениями части русского морского офицерства и тем, что Россия не имела колоний в Океании.

Особый интерес представляют экспедиции выдающегося русского мореплавателя О. Е. Коцебу. Участник этих экспедиций А. Шамиссо научился изъясняться с островитянами, первым обратил внимание на родство между языками Океании и Индонезии. Это открытие поныне является неборимым оружием в руках сторонников азиатского происхождения океанийцев.

Отношения дружбы и взаимного уважения, установившиеся между участниками экспедиции О. Е. Коцебу и жителями Микронезии, помогли русским морепла-

вателям обнаружить острова, ранее неизвестные в Европе.

1 января 1817 года корабль «Рюрик» под командованием О. Е. Коцебу подошел к острову Меджит, который он назвал островом Нового года. То была первая земля в цепи островов Ратак (восточная часть Маршалловых), которую обнаружила и нанесла на карту экспедиция О. Е. Коцебу. Около месяца русские провели в группе коралловых атоллов Вотье, которой дали наименование островов Румянцева.

Здесь-то и началась дружба наших мореплавателей с местными жителями, которые до того никогда не видели европейцев, но приняли диковинных гостей согласно законам гостеприимства.

Хотя Коцебу по привычке называл островитян «дикарями», повествование его полностью опровергает такую характеристику:

«Один из моих проводников, человек пожилой, который, по-видимому, имел много природного ума, весьма мне понравился. Этот новый друг и учитель именовался Лагедиак; я назвал его другом потому, что в несколько часов узнал от него больше слов, чем от других в несколько дней... Так как он умел делать себя понятным, то я старался получить от него некоторые сведения об этих островах; так, например, он сказал мне, что остров этот называется Отдиа и что по нему именуется и вся группа. День ото дня их язык делался для меня понятнее, ибо я заметил, что в нем нет соединительных частей речи. Я пригласил своего друга посетить меня завтра на корабле и выразил это следующими словами: „Илдиу, Лагедиак, ваедок оа“ (Завтра, Лагедиак, приди на корабль); он понял, отвечал: „Инга“ (Хорошо) — и обнял меня от радости, что я понимаю его язык; но сам я обрадовался еще больше его, особенно потому, что такой восприимчивостью приобретал величайшую доверенность дикарей.

Я решил провести несколько месяцев на Отдиа как для исследования на гребных судах южной части этой группы островов, так и для подробнейшего ознакомления с языком и обычаями этого достопримечательного народа; мне кажется, что при открытии какой-либо земли или острова весьма важно и нужно приобретать такие познания о жителях тех земель, об их нравах и обычаях; я в самом деле не имел впоследствии при-

чины сожалеть о потере времени, *поскольку это дало мне возможность сделать новые открытия* (выделено мной.— Авт.)».

Возможность эта представилась, когда Лагедиак и другие островитяне пришли по приглашению О. Е. Коцебу на «Рюрик».

«Я пригласил его (Лагедиака.— Авт.) сесть подле себя и, употребив все свои сведения в их языке, спросил, неизвестны ли ему кроме этой группы островов еще и другие. Долгое время мои толкования и пантомимы были тщетны, наконец он понял меня и, указав на юг, сказал: „Инга эни эф-эф“ („Да, острова там“); радость моя при этом известии увеличивалась еще тем, что пониманию языка этих дикарей я обязан открытием неизвестной группы островов.

Я приказал поставить пель-компас; все собрались около инструмента и рассматривали его со вниманием; Лагедиак не спускал глаз с магнитной стрелки, которая поворачивалась сама собой без малейшего прикосновения, и несколько раз расспрашивал меня, каким образом это происходит. Но как я мог дать ему понятие, если бы даже он совершенно понимал наш язык; как объяснить вещь, о которой я сам желал иметь полное знание? Он легко понял, что поворачивается только ящик, а стрелка остается неподвижной, ибо тотчас подметил, что она указывает на *N* и на *S*. Я еще раз попросил его показать положение неизвестной группы островов. Направление компаса было к *SW*, и я сейчас записал этот румб на доске. Искусство писать было для дикарей новым явлением, возбуждившим у них не только внимание, но и размышление.

Я старался растолковать Лагедиаку, что все наши слова могут быть нанесены на доску, и, написав его имя, сказал: „Это Лагедиак“. Он крайне испугался увидев себя представленным столь странными фигурами, и, казалось, опасался, что посредством этого чародейства примет такой вид...

Я старался втолковать Лагедиаку, чтобы он изобразил на доске всю группу островов Отдиа; он взял в руки грифель и начертил кругообразную группу, обозначив под ветром пять проходов, которые называл „тиер“; потом повернул диоптры (визеры компаса.— Авт.) к высокому острову на *SW* и сказал: „Еф-эф руо тиер“ („Там два прохода“). Это известие обрадовало

меня потому, что теперь мы могли не возвращаться прежним путем, а найти проход удобнее и безопаснее пролива „Рюрика“. Я упросил Лагедиака начертить и другую группу островов, именуемую им „Эрегуп“, он сделал круг, состоявший из семнадцати островов, и обозначил несколько проходов под ветром; потом указал на *O* и объявил, что если отплыть отсюда с восходом солнца, то к заходу уже можно быть там. Итак, по его описанию, эта группа находилась недалеко от группы Отдиа, и я нимало не сомневался, что открою ее без всякого затруднения».

Несколько дней спустя Коцебу вернулся к этой теме:

«2 февраля дул крепкий восточный ветер, сопровождавшийся дождем, но к вечеру небо прояснилось. Я воспользовался хорошей погодой для посещения моего приятеля Лагедиака, от которого надеялся получить ясное описание группы островов Эрегуп. Он изобрел весьма остроумный способ дать точное понятие о нем. Начертив на песке круг, который имел вид группы Отдиа, он разложил по окружности большие и малые камни, изображавшие острова, и, обозначив проходы, сказал: „Вот Отдиа“. Изобразив потом таким же образом группу Эрегуп, он объявил, что я в один день плавания к *SW* могу достичь до нее (впоследствии я удостоверился в точности его показания). Затем я постарался выведать, встретятся ли какие-либо острова, если плыть к *NO*, *S* или *W*. К моему немалому удовольствию, он меня понял, опять принес кучу камней и стал обозначать к северу от Отдии три меньшие группы, в расстоянии одна от другой первые две на один день, а последняя на два дня плавания; эти группы он именовал Айлу, Удирик и Бигар. На *NW* в расстоянии одного дня плавания он обозначил еще одну группу, именуя ее „Лигиеп“. Окончив описание севера, он обратился на юг, обозначил там еще пять групп островов в расстоянии одна от другой на один или два дня плавания и именовал их Кавен, Аур, Медиуро, Арно и Милле».

Достоверность сведений, сообщенных Лагедиаком, была подтверждена дальнейшими исследованиями русской экспедиции: тогда же, в феврале 1817 года, она открыла группы атоллов Эрикуб (острова Чичагова) и Кавен, или Малозлап (острова Аракчеева), коралло-

вый остров Аур и, наконец, группу атоллов Аилук (острова Крузенштерна).

Но не только в этих практических результатах ценность бесед О. Е. Коцебу с Лагедиаком. Письмо было совершенно неизвестно жителям Маршалловых островов, и даже самые умные и смелые из них, как Лагедиак, относились к нему с суеверным страхом. А вот осмотр европейского корабля и его оборудования никакого ужаса не вызвал. Лагедиак быстро освоился с никогда прежде не виданным компасом.

Техники разных национальностей в наше время быстро находят общий язык при помощи чертежей. Карта, составленная Лагедиаком для Коцебу, играла роль такого чертежа. Кстати, она не была импровизацией, озарением, внезапно снизошедшим на «дикаря». Жители Маршалловых островов и иных островов Микронезии издавна пользовались картами, сделанными из прутьев и прожилок пальмовых листьев. Течения обозначались переплетениями этих материалов, острова — белыми раковинами.

Это не значит, разумеется, что Лагедиак и его товарищи не нашли на «Рюрике» ничего достойного удивления. Мне хочется только подчеркнуть, что удивление это было вполне осмысленным.

В дневнике Коцебу есть запись, относящаяся примерно к тому же времени. Из нее видно, что океанийская ладья, отвалившая от берега одновременно с русским кораблем, шла так же быстро, как и «Рюрик».

В другом месте Коцебу говорит:

«Удивительно, каким образом дикари проплывают 56 миль против пассата к такому пункту, как Мяди, который видим едва на расстоянии 6 миль. Поскольку они лавируют, то на переход тратят два дня и одну ночь, направляя свой курс только по видимым простым глазом звездам; такого искусства не достигли и европейцы».

Шамиссо тоже удивлялся тому, что лодки, построенные жителями Каролинских островов, «гораздо лучше наших кораблей идут в бейдевинд».

Лагедиак — не единственный океанийский помощник О. Е. Коцебу. Островитяне как бы передавали друг другу своеобразную эстафету дружбы с его экспедицией. 10 февраля 1817 года, как уже указывалось, «Рюрик» подошел к атоллам Кавен. Здесь русские мо-

реплаватели познакомились с местным вождем Лабелеоа, который направил их на остров Аур, лежащий южнее.

На Ауре путешественники познакомились с мореплавателем Каду; тот упросил Коцебу взять его на борт «Рюрика». Каду был уроженцем Каролинских островов, пережившим подлинную одиссею. О. Е. Коцебу рассказал об этом удивительном плавании.

Каду родился на острове, удаленном на 1300 миль от Аура. Однажды с тремя другими микронезийцами он отправился в парусной лодке на рыбную ловлю. Внезапно рыбаки попали в жестокий шторм и целых восемь месяцев блуждали по морю, пока не достигли острова Аур. Если позволял ветер, они все время шли под парусами и лавировали против северо-восточного пассата, полагая, что находятся под ветром своего острова. Этот-то пассат и принес их к Ауру. Время они определяли по луне, завязывая при каждом полнолунии узел на веревке. От голода они почти не страдали, так как с ними были рыболовные снасти, но жажда давала себя чувствовать, хотя островитяне не упускали случая собрать про запас пресную воду. Если запас истощался, а дождя все не было, Каду, как искусный водолаз, нырял на большую глубину, где вода менее солонa. С собой он брал скорлупу кокосового ореха, в которой было проделано небольшое отверстие — через него Каду набирал воду.

Когда их лодка приблизилась к Ауру, все четверо находились в состоянии крайнего истощения. К этому времени они давно уже лишились парусов и носились по океану в ожидании смерти. Жители Аура на нескольких лодках поспешили на помощь каролинцам и вытащили их полуживыми на берег.

Несмотря на переживания, выпавшие на его долю, Каду сохранил любовь к морю, большую любознательность и пытливость. К удивлению постоянных жителей Аура, он обратился к Коцебу с просьбой взять его на борт «Рюрика». В составе русской экспедиции микронезиец совершил плавание к Алеутским островам, а затем вернулся на Аур.

Трудно переоценить услуги, оказанные Каду его русским друзьям. Он обучил Шамиссо нескольким микронезийским диалектам, выступал в роли толмача при переговорах с островитянами, назвал мореплава-

телям десятки островов и облегчил открытие их для Европы. Он помогал собирать сведения о метеорологии и гидрологии этого географического района.

«По нашим замечаниям, которые подтвердил и Каду,— читаем мы в книге Коцебу,— на Радаке господствует *ONO* ветер, в сентябре иногда и *SW*; этот последний нередко превращается в жестокий шторм, вырывающий с корнем кокосовые и хлебные деревья и опустошающий лежащие в западной части группы острова, которые, по уверению Каду, иногда поглощаются волнами».

В другом месте говорится: «По рассказам Каду, группа Бигар образует круг, состоящий из одних рифов, за исключением двух малых островов; третий остров, как он говорил, находится посреди лагуны, образуемой группой. Все острова скудно покрыты землей, произрастает только мелкий кустарник, под ветром (то есть с подветренной стороны.— *Авт.*) острова находятся входы в лагуну, удобные для лодок». Какая четкость, какая точность в сообщаемых сведениях!

Географический кругозор Каду был чрезвычайно широк — на западе ему был известен район вплоть до островов Палау. В Маршалловом архипелаге Каду знал не только группу Ратак, где встретился с русскими, но и лежащую к западу от нее цепь островов Ралик. Подробные сведения об этих островах были получены также от вождя Лангемуи в группе атоллов Аилук, куда «Рюрик» прибыл 28 февраля 1817 года.

Состояние корабля не позволило путешественникам немедленно проверить полученные сведения. Прошло восемь лет — и 18 октября 1825 года к этим ранее неизвестным в Европе островам подошел другой корабль под русским флагом. То было «Предприятие», на котором О. Е. Коцебу совершил новое плавание в Океанию. Так подтвердилась абсолютная достоверность сведений, сообщенных Каду и Лангемуи. На карте мира появились новые группы атоллов. Это Ронгелап и Бикини, которым О. Е. Коцебу присвоил имена Римского-Корсакова и Эшшольца — участников экспедиции на «Предприятии».

Люди, которые помогли русским мореплавателям открыть для науки атоллы Бикини, числятся на Западе «дикарями». Между тем Шамиссо писал о глубоко укorenившемся отвращении Каду к войне, к человеко-

убийству. «Больше всего нравилась ему миролюбивая отважность нашего предприятия, с коим он совокуплял намерение доставлять открываемым народам все, что им нужно и полезно... [Каду] уважал стремление наше к исследованиям и помогал нам в том по возможности».

В наше время атолл Бикини приобрел печальную известность — в 1954 году американские империалисты произвели здесь опытный взрыв термоядерной бомбы. Тучи радиоактивных осадков распространились во всех направлениях. Мир узнал о страшной участи японских рыбаков, которые, хотя и находились в сотнях миль от места взрыва, стали его жертвами: некоторые из них заболели неизлечимой лучевой болезнью, двое умерли.

От последствий взрыва едва не погибли и семеро рыбаков, жителей Маршалловых островов, над которыми после второй мировой войны была установлена опека США. Рыбаки эти находились на безмоторной парусной шхуне. Излучения от ядерного взрыва вывели из строя единственный компас на их суденышке. Проблуждав сто дней по волнам океана, как некогда блуждал Каду, рыбаки, пройдя свыше 1800 миль, достигли наконец островов Новые Гебриды.

Если мы сравним поведение этих миролюбивых людей и ненавистника войны Каду с поступками колонизаторов-атомщиков, то неизбежно придем к выводу, что дикарями являются как раз последние.

Плавание Каду с Каролинских островов на Маршалловы, как и путешествие современных нам рыбаков с Маршалловых на Новые Гебриды, было вынужденным, непреднамеренным.

Однако во время экспедиции Коцебу выяснилось, что Каду еще у себя на родине слышал о существовании островов Ратак и Ралик — об этом он сам рассказывал Шамиссо. Следовательно, кто-то из каролинцев побывал на Маршалловых островах и сумел возвратиться домой, пройдя 1500 миль в один конец. Кстати, каролинцы отчетливо представляли себе, что можно найти путь домой по безбрежному океану. Один из спутников Каду — старый вождь с острова Яп, разделивший с ним ужасы вынужденного странствования по волнам, — долго упрашивал русских взять и его на борт «Рюрика». Однако ему было в этом отказано из-

за преклонного возраста. Тогда он обратился к мореплавателям с просьбой сообщить его соплеменникам о судьбе их вождя, чтобы они построили специальное судно и пришли за ним.

Шамиссо пришел к следующему выводу: «Плыватели с сих (Каролинских.— *Авт.*) островов, обретающие опять дорогу от Радака в свое отечество и предпринимающие с другой стороны путешествия к Филиппинским островам, откуда также возвращаются, доказывают нам через то самое, что мореплавание их объемлет пространство в 45 градусов долготы или около, что составляет самую большую ширину Атлантического океана». О плаваниях каролинцев на Филиппины, лежащие на расстоянии свыше 1000 миль от их родины, было, кстати, известно уже в XVII веке.

Каду, разумеется, не был ученым в нашем понимании этого слова. Он с явной неохотой отвечал на вопросы географического характера, но не потому, что хотел что-либо скрыть,— просто он привык к иной системе запоминания и передачи информации. «Песни, которые он (Каду.— *Авт.*) пел на разных языках и коим научился у народов, между коими плавал, были, так сказать, книгой, в которой он справлялся и искал доводов (доказательств.— *Авт.*) к своим повествованиям»,— писал Шамиссо.

В одной из этих песен говорилось о посещении родины Каду кораблем белых людей, на котором находились, в частности, Самуил, Моремал и Луи. Сам Каду этих людей не видел, имя Моремал — явно неевропейского происхождения. Однако все, о чем говорилось в песне, нашло свое подтверждение, когда «Рюрик» прибыл на остров Гуам. Испанский губернатор острова — Луис де Торрес — был, по рассказу Шамиссо, человеком образованным. От него Шамиссо узнал ряд любопытных подробностей о каролинских мореплавателях.

В 1788 году каролинец Тамар Умар Луйто «на двух лодках снова обрел путь к острову Гуаму, о котором весть сохранилась с давних времен в одной песне». Вернувшись на родину, он через год снарядил уже целую флотилию из четырех судов и благополучно достиг Гуама. Однако на обратном пути все суда погибли. В 1804 году де Торрес воспользовался заходом на Гуам американского судна и сам отправился на атолл

Ламотрек, откуда приходила каролинская флотилия. Прибытие американского судна с испанским чиновником на борту, естественно, произвело глубокое впечатление на островитян. Они сложили по этому поводу песню, в которой фигурировали Луи (де Торрес), Самуил (капитан бостонского судна Самуил Болл) и Моремал (суперкарго Томас Борман).

Каролинцы объяснили, что после 1789 года перестали ходить на Гуам, будучи уверены, что испанцы убили Луйто и его товарищей.

Получив соответствующие заверения от Луиса де Торреса, они согласились возобновить прежние связи. Характерно, что испанцы не располагали на Гуаме необходимыми плавучими средствами, а потому поддержание регулярного морского сообщения взяли на себя каролинцы. Ежегодно в апреле их флотилия отплывала на Гуам для менового торга и пять дней спустя прибывала на остров. В мае они возвращались на родину, чтобы достигнуть ее до наступления сезона неблагоприятных ветров.

Самое любопытное то, что каролинцы меняли готовые изделия («сооружаемые ими на своих островах суда, потребные для испанцев») на железо. «Те же самые каролинцы производят на собственных своих судах перевозку вещей, отправляемых на Тиниан и Сайпан, и поддерживают затруднительные без того сношения Марианских островов между собой».

Как видим, потомки конкистадоров, истребивших коренных жителей Марианских островов — опытных мореходов, были буквально вынуждены идти на поклон к ближайшим их родичам — каролинцам.

Результаты экспедиции Луйто не ограничились установлением регулярного сообщения между Каролинским архипелагом и Гуамом. Находясь на Гуаме, он сообщил сведения о многих островах (включая даже численность населения) испанскому губернатору — предшественнику де Торреса. На основании его слов губернатор составил карту, копия которой была передана прибывшему на Гуам испанскому адмиралу Эспиносе.

Каду продолжал помогать русским мореплавателям при исследовании Каролинских островов. В 1827—1828 годах этот архипелаг посетил шлюп «Сенявин» под командой Ф. П. Литке.

Карта Каролинского архипелага, в водах которого еще в XVI—XVII веках побывали испанские мореплаватели, была невероятно запутанной, мифические земли соседствовали на ней с реально существующими. За две кампании «Сенявина» было описано двадцать шесть групп или отдельных островов, из них двенадцать—открыты вновь.

Ф. П. Литке широко использовал сведения, полученные в свое время от Каду, а также информацию, которую охотно предоставляли ему островитяне: с каролинцами у участников экспедиции установились вполне дружественные отношения.

«Помянутые известия и определения (сделанные европейскими путешественниками.— *Авт.*) весьма облегчили нам дело, послужив, так сказать, опорными пунктами, к которым мы могли относить как мои работы, так особенно сведения, в разных местах от островитян получаемые, руководствуясь которыми могли мы располагать плавание так, чтобы оставить возможно меньше островов без определения»,— писал Ф. П. Литке.

Подобно Коцебу и Куку, Литке отметил «рассудительное любопытство островитян». Последние «тщательно осматривали все части судна («Сенявина».— *Авт.*), измеряли его высоту, длину мачт и прочее».

Экспедиция Ф. П. Литке еще раз показала возможность мирного взаимовыгодного сотрудничества между европейцами и океанийцами, которой сознательно пренебрегли колонизаторы.

Вместе с тем наблюдения Ф. П. Литке снова подтвердили высокий уровень навигационного искусства жителей Микронезии.

«Плаванья ведут естественно к наблюдению светил, которыми они вместо компаса руководствуются,— писал он.— Они имеют названия для всех главнейших звезд, для разных времен дневного течения солнца, для каждого дня лунного месяца. Горизонт разделяют они на двадцать восемь точек, различаемых по именам светил, которые близ этих точек восходят или заходят. Самый натуральный и верный способ для того, кому не случается значительно менять широты».

Помощник Кука

Западноевропейские путешественники редко так сближались с океанцами, как О. Е. Коцебу и А. Шамиссо. Большинство из них и не стремилось к этому, и только наиболее дальновидные понимали, какие выгоды можно извлечь из сотрудничества с «викингами солнечного восхода», как поэтично назвал своих земляков Те Ранги Хироа. Такое сотрудничество восходит если не к XVI веку, когда европейцы впервые появились в водах Океании, то, во всяком случае, к началу XVII столетия.

21 декабря 1605 года из Кальяо (Перу) вышла в океан испанская флотилия под командованием Педро Фернандеса де Кироса. Испанский флотоводец был одержим идеей открыть Южный материк и даже уверил себя и многих современников и потомков в том, что это ему удалось (на самом деле он принял за сказочный материк, якобы занимающий четверть земной суши, небольшой остров Эспириту-Санто в архипелаге Новые Гебриды). Если бы Кирос захотел установить дружественный или хотя бы деловой контакт с островитянами, эта легенда скорее всего была бы тут же развеяна. Однако конкистадоры предпочли дружбе разбой, зверское истребление мирных людей.

Кирос достиг Эспириту-Санто 27 апреля 1606 года. Несколько ранее (9 апреля) экспедиция открыла остров Таумако из группы Дафф, к востоку от архипелага Санта-Крус. Здесь произошла встреча Кироса с вождем по имени Тумаи, которая вопреки обыкновению конкистадоров завершилась не кровопролитием, а установлением нормальных, мирных отношений. Возможно, это объяснялось мужеством Тумаи. Когда испанцы дали залп (правда, холостой) по толпе выпавших на берег островитян, он один не тронулся с места. Хотя пришельцы не знали языка Тумаи, а вождь, естественно, не говорил по-испански, он не только назвал им более шестидесяти островов, расположенных в этом районе, но и указал, в каком направлении и сколько дней нужно идти до каждого острова.

Несмотря на гостеприимство Тумаи, испанцы, отправляясь в обратный путь, вероломно захватили четырех островитян. Один был доставлен в Мексику, где его окрестили и дали ему имя Педро. Педро подробно

рассказал о многих островах, лежащих вблизи Таумако, о дальних путешествиях, которые предпринимали его родичи на легких судах.

В числе островов, известных и Тумаи и Педро, был Маниколо. Раньше считалось, что это — Ваникоро, один из островов в архипелаге Санта-Крус. Новозеландский ученый Парсонсон доказал, однако, что речь идет о другой, куда более далекой земле.

Описывая ее Киросу, Педро говорил, что его соплеменники отправляются туда за деревом для ладей, что на этом острове есть большая гавань удлинённой формы с узким входом.

Судя по этим признакам, речь шла об острове Вануа-Леву в архипелаге Фиджи, куда жители Западной Полинезии издавна плавали за высокими деревьями с очень твердой древесиной. Что касается гавани, то только бухта Натеуа на этом острове соответствует описанию Педро. К тому же на острове Вануа-Леву есть местность, именуемая Виникоро. Расстояние между Тикопией (самый южный остров архипелага Санта-Крус) до ближайшего из островов Фиджи составляет 720 миль в один конец.

Педро называл в числе прочих земель Мекарелеле — очевидно, Нукулаэлаэ, один из островов группы Эллис,— и весьма красочно описывал его население. Расстояние между этим островом и Тикопией — 840 миль.

Сейчас трудно судить о том, удалось ли Киросу использовать сведения, полученные от Тумаи и Педро. Во всяком случае, уже на третий день после ухода с Таумако испанцы открыли остров Тикопиа (Тукопия), а еще через четыре дня — острова Меролава и Гауа в группе Банкс (Кирос назвал их островами Сан-Маркос и Санта-Мария).

Упадок испанского могущества привел к тому, что уже в начале XVII века подданные мадридского властелина прекратили исследования Тихого океана. Однако в семидесятых годах XVIII века в Океанию было вновь направлено несколько экспедиций. В 1775 году, например, из Перу на Таити совершил переход корабль «Агила» под командованием капитана К. Лангары. Один из подчиненных ему офицеров — Хосе Андиа-и-Варела — оставил интересные записки о навигационном искусстве островитян. Содержащиеся в них сведе-

ния заимствованы у таитянина Пукуро, который отправился с испанцами в Перу, и двух других островитян, плававших на «Агиле».

«У островитян нет компаса, но они круг горизонта делят на шестнадцать румбов... Выходя из гавани, кормчий отсчитывает должные румбы, ведя отсчет с востока. Он знает, в каком направлении нужно вести судно, учитывает, дует ветер с кормы в левую или правую скулу или под острым углом к заданному курсу. Он знает, откуда идет волнение на море и в какой мере все эти обстоятельства влияют на его курс, и избирает выгодный путь, учитывая снос под ветер. Задача осложняется, если день облачный, ибо тогда у кормчего нет ориентиров. Если ночь тоже облачная, он прокладывает курс, пользуясь теми же приметам. И поскольку направление ветра меняется чаще, чем направление волн, он пользуется флюгерами-султанами из перьев или пальмовых волокон, которые помогают ему следить за ветром и соответственно управлять парусами... Ясной ночью островитяне идут по звездам, и это для них легче всего, ибо по многим звездам они определяют не только курс, на котором лежат те или иные острова, но и местоположение нужных им гаваней. И они идут прямо на вход в гавань, ориентируясь на звезды, которые восходят или заходят над нею, и „ловят“ эти звезды с такой же сноровкой, как самые сведущие штурманы из цивилизованных стран...

Больше всего меня поразило то, что два индейца (так испанцы называли океанийцев.— *Авт.*), которых я взял на Раиатеа, каждый вечер предсказывали погоду на следующий день, включая направление ветра, штиль, дождь, безоблачное небо, волнение и т. д., причем ни разу не ошиблись.

Такой дар предвидения достоин зависти; ибо, сколько ни писали об этом наши мореплаватели и космографы, они не могут похвастать подобными достижениями».

Расстояние между Раиатеа и Таити невелико — всего 125 миль, но и на этом участке Андиа-и-Варела смог наблюдать навигационное искусство островитян в действии. И хотя он отнюдь не был лишен расистских предрассудков, не смог скрыть свое восхищение и даже зависть.

С записками Андиа-и-Варелы перекликаются путе-

вые дневники французского путешественника Луи Антуана де Бугенвиля. В 1766—1769 годах де Бугенвиль успешно осуществил первое кругосветное плавание с научной целью. На Таити он взял с собой во Францию сына вождя. Этот юноша по имени Аотуру обладал замечательным даром ориентироваться и на море и на суше. В Париже он так и не научился французскому языку, но зато безошибочно находил дорогу в огромном городе, столь непохожем на привычную ему обстановку.

В апреле 1768 года, вскоре после отплытия с Таити, де Бугенвиль записал в дневник:

«Двумя днями позже мы получили неоспоримое доказательство того, что обитатели островов Тихого океана общаются между собой даже на значительные расстояния. В безоблачном небе сверкали звезды. Внимательно их разглядывая, Аотуру указал нам яркую звезду в поясе Ориона, говоря, что если взять направление на эту звезду, то через два дня мы увидим богатую землю, где он бывал и где у него есть друзья... Задетый тем, что меня не трогают эти доводы, он бросился к штурвалу, с управлением которым уже ознакомился, и хотел, несмотря на протесты рулевого, повернуть нас, чтобы заставить идти в направлении указанной им звезды... Отказ причинил ему большое огорчение... Накануне этого дня он, не задумываясь, назвал на своем языке бóльшую часть ярких звезд, на которые мы ему указывали; тогда же мы убедились, что ему прекрасно известны фазы луны и различные приметы, по которым можно предсказать изменение погоды на море».

Как выяснилось, Аотуру хорошо знал не только звезды, но и кометы. Последние отнюдь не внушали островитянам суеверного ужаса, какой веками вызывали в Европе.

Аотуру назвал Бугенвилю множество островов. «До самого дальнего острова, о котором говорил мне Аотуру, не менее пятнадцати дней пути», — отметил французский мореплаватель.

Из бесед с Аотуру и сведений, собранных на Таити, де Бугенвиль сделал следующий вывод: «Более сведущие представители этого народа... имеют собственную номенклатуру самых замечательных созвездий. Им знакомо суточное движение, и они руководствуются

им, находясь в открытом море, во время плавания от острова к острову. В ходе такого плавания... земля совсем теряется из виду. Днем компасом им служит солнце, а ночью — звезды, которые между тропиками всегда чрезвычайно ярки».

Сведения о навигационном искусстве океанийцев, сообщаемые де Бугенвилем и Андиа-и-Варела, представляют большую ценность для науки. Однако нет оснований утверждать, что эти мореплаватели сделали открытия, пользуясь информацией, полученной от островитян.

Иное дело — великий английский путешественник Джеймс Кук, в достижениях которого большую роль сыграл замечательный полинезийский мореплаватель Тупиа. Неправильно обвинять Кука в том, что он умолчал о нем, хотя великий путешественник не оценил должным образом помощь, полученную от Тупиа. Ему и в голову не пришло, например, присвоить имя полинезийца хотя бы одной из земель, которые он открыл, следуя советам Тупиа.

Знаменательная встреча Дж. Кука с уроженцем острова Раиатеа — Тупиа, из рода прославленных мореплавателей, произошла в июле 1769 года в таитянской бухте Матаваи. Вынужденный покинуть юношей родину из-за вторжения враждебного племени, Тупиа нашел убежище на Таити и здесь благодаря уму и знаниям скоро занял выдающееся положение. Любопытность, стремление побывать в дальних странах толкнули Тупиа на смелое решение: он обратился к Куку с просьбой, чтобы тот взял его в Англию.

Кук понял, что Тупиа человек способный и знающий, и взял его на борт своего корабля. Так началось творческое содружество английского и полинезийского мореплавателей, являющееся чрезвычайно важным эпизодом в истории географической науки. О нем рассказывает сам Кук:

«Перед нашим отплытием некоторые туземцы просили взять их с собой; они могли принести пользу в ходе наших будущих открытий. Мы решили взять одного из них, по имени Тупиа — вождя и жреца. Большую часть времени, которое мы пробыли на острове, он находился с нами, и мы имели возможность оценить его. Тупиа оказался человеком смышленным. Расположение островов, их богатства, законы и обычаи

населения он знал гораздо лучше, чем любой из местных жителей, поэтому он был наиболее пригоден для наших целей. Из этих соображений... я взял его на борт вместе с юношей, его слугой».

Огромный интерес для науки представляет карта, составленная Тупиа. На нее полинезиец нанес семьдесят четыре острова. О каждом из них Тупиа сообщил, под каким румбом и на каком расстоянии от Таити он находится. Недостаточное знание Куком и его спутниками полинезийского языка и другие объективные причины крайне затрудняют расшифровку карты в настоящее время (оригинал ее утрачен). Однако новозеландский ученый Биглехол считает, что из семидесяти четырех островов и сейчас можно с достаточной точностью определить сорок-пятьдесят (острова эти расположены в радиусе 1500 миль).

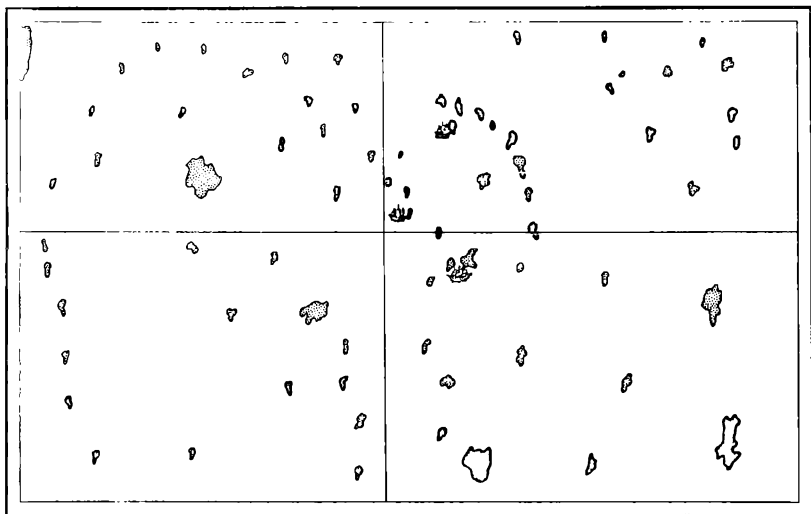
Кук, разумеется, не испытывал трудностей при пользовании картой Тупиа, ибо в течение почти полутора лет мог непосредственно консультироваться с ее автором (Тупиа умер от тропической лихорадки в конце 1770 года, когда «Индевр» стоял в Батавии (Джакарта)).

Естественно, что наиболее точно полинезийский мореплаватель указал местонахождение островов родного ему архипелага Общества. Менее точны, но достаточно определены его сведения о западной части архипелага Туамоту, о Маркизских островах, южной группе островов Кука и островах Тубуаи. Кое-что знал он и об архипелагах Самоа, Тонга и Фиджи.

Уже через несколько дней после выхода с Таити экспедиция на «Индевре» обнаружила в архипелаге Общества четыре земли из числа указанных Тупиа (в том числе и его родной остров — Раиатеа). Впрочем, Кук не может считаться первооткрывателем этих островов, так как незадолго до него там побывал де Бугенвиль. Благодаря указаниям Тупиа в том же архипелаге 30 июля 1769 года был открыт ранее неизвестный островок. «Тупиа назвал этот остров Мауруа (Маупити)», — писал Кук.

Именно в этот период Кук пришел к чрезвычайно важному выводу относительно мореплавания океанийцев:

«Как нам удалось установить, и в этом сходятся все, кто говорил нам подобное, в своих проэ или

Карта Кука, составленная по карте Тупия

Из книги «Charts and Views Drawn by Cook and his Officers and Reproduced from the Original Manuscripts», Cambridge, 1955

пахи (так называл Кук плавучие средства островитян.— *Авт.*) туземцы путешествуют от острова к острову, проходя сотни лиг (1 лига равна 3 милям.— *Авт.*); днем компасом им служит солнце, ночью — луна и звезды. Когда факты подтвердят наше предположение, станет ясно, как заселялись земли в этих широтах. Если жители Ульетеа (Раиатеа.— *Авт.*) посещали острова в 200 или 300 лигах к западу, можно не сомневаться, что в свою очередь население последних могло побывать на других, более западных; так мы можем проследить их путь от острова к острову вплоть до Ост-Индии.

Д о б а в л е н и е.

Тупия рассказал нам, что в этих широтах в течение ноября, декабря и января господствуют западные ветры с дождем и, поскольку местным жителям хорошо известно, как следует использовать в своих целях ветры, для них не составляет большого труда плавать в различных направлениях и вести торговлю.

Доказательством правильности этого вывода Кука

и вместе с тем торжеством навигационного искусства океанийцев было открытие 14 августа 1769 года острова Руруту (Хитироа или Охитироа) в архипелаге Тубуаи. К этому острову, расположенному в 350 милях к юго-западу от Таити, привел «Индевр» именно Тупиа. Дж. Кук не говорит этого прямо, но его дневник не оставляет в том никаких сомнений:

«Тупиа сообщил мне, что здесь расположено еще несколько островов; они лежат на *S*, *W* и *NW*, а в трех днях пути при курсе на *NO* находится остров Маннуа (Птичий), до него от Ульетеа четыре дня пути, на день меньше, чем до Охитироа. *По описанию я легко смогу найти этот остров* (здесь и далее выделено мной.— *Авт.*). Когда мы покидали Ульетеа, Тупиа стремился на запад, где, по его мнению, было много островов, большую часть которых он посетил. С его слов нам стало ясно, что, видимо, два из них были открыты капитаном Уоллисом и названы им островами Боскавен (Тафахи) и Кеппл (Ниотобутабу); они лежат не более чем в 400 лигах к западу от Ульетеа. Тупиа сказал, что туда идти десять-двенадцать дней, если же считать обратный путь, это отнимет тридцать и более дней. Он добавил, что пахи, то есть большие проз, быстроходнее нашего корабля; думаю, что все это правда, проз с легкостью проходят 40 и более лиг в день.

Самый южный остров, на котором удалось побывать Тупиа, лежит в двух днях пути от Охитироа и называется Моутоу (Тубуаи, в 115 милях к *OSO* от Руруту.— *Авт.*). Правда, Тупиа сообщил, что его отец однажды рассказывал об островах, расположенных южнее Моутоу...

У меня есть основания доверять Тупиа во всем, ибо, когда мы покидали Ульетеа, чтобы следовать к югу, он предупредил, что, отклонившись немного к востоку (нам мешал ветер), мы сможем увидеть остров Маннуа, а если пойдём курсом, которого тогда придерживались, то окажемся у Охитироа. Дальнейшие события подтвердили его слова».

Как известно, одной из основных задач экспедиции Кука были поиски мифического Южного материка. Инструкция лордов адмиралтейства обязывала командира «Индевра» после завершения астрономических наблюдений на Таити (в связи с прохождением Ве-

неры через солнечный диск) вести поиски материка между этим островом и 40-м градусом южной широты. Если же в названном районе материка не окажется, идти к Новой Зеландии и обследовать ее.

Общение с Тупиа укрепило Кука во мнении, что поиски в названном районе не могут дать результатов. Он, правда, не решился отклониться от курса, после открытия острова Руруту продолжал идти на юг и 1 сентября 1769 года достиг 40-го градуса. Из записи, сделанной на следующий день, видно, однако, что Кук уже не рассчитывал наткнуться на огромный материк, в существование которого продолжали верить в Англии, но не верили в Океании.

«Я решил идти к югу, пока дуют умеренные западные ветры, хотя мы и не надеялись встретить землю, но, так как погода стала очень бурной, я отказался от своего намерения и пошел на север...» — гласит запись от 2 сентября 1769 года.

7 октября «Индевр» достиг восточного побережья Северного острова Новой Зеландии, так и не найдя никакого Южного материка.

Хотя совершенно очевидно, что после открытия Руруту Тупиа превратился из кормчего в пассажира, ему принадлежат большие заслуги и в исследовании экспедицией Кука Новой Зеландии.

Нет прямых доказательств того, что Тупиа знал о существовании этой обширной земли, заселенной в стародавние времена его родичами. Однако, исследуя сохранившуюся копию карты Тупиа, Биглехол пришел к выводу, что одно из названий на ней представляет собой соединение двух слов: Те Ван Пунаму (маорийское название Южного острова) и Театеа (Белый). По мнению Биглехола, «белый» может означать покрытые снегом горы. Новая Зеландия, видимо, была известна на Таити.

Дж. Кук решительно отвергал возможность заселения Новой Зеландии аборигенами Америки и подчеркивал сходство обычаев, верований и языка жителей Новой Зеландии и архипелагов Южных морей.

Кук отметил, что в языке новозеландцев мало слов, неизвестных на тропических островах. При этом он ссылаясь на список, составленный главным натуралистом экспедиции Бенксом, который «изучил этот язык лучше всех наших людей».

Отнюдь не умаляя значения труда Бенкса, следует, однако, обратить внимание на другую запись Кука, сделанную значительно ранее — почти сразу после того, как «Индевр» достиг Северного острова Новой Зеландии. Из нее видно, что Тупиа заговорил с маори на своем родном языке и они поняли его.

Естественно, что Тупиа, который быстро овладевал английским языком, выполнял в Новой Зеландии функции толмача. Но этим отнюдь не ограничиваются его заслуги. Злосчастное пристрастие Кука и некоторых его спутников к применению огнестрельного оружия вполне могло погубить великого мореплавателя еще в Новой Зеландии — на восемь лет раньше его гибели на Гаваях. Этого не произошло в значительной степени благодаря красноречию Тупиа.

Уже на следующий день после прибытия к острову Северный англичане несколько раз открывали огонь по аборигенам и даже ходили на них в штыковую атаку, хотя повода для кровопролития не было никакого. Затем матросы с «Индевра» захватили лодку с островитянами. Кук, очевидно, и сам понял, что зашел слишком далеко, и высказал в своем дневнике убеждение, что гуманные люди осудят его за стрельбу.

Одумавшись, он приказал на следующий день отпустить пленников, предварительно одарив их. После этого несколько матросов под командой офицера были посланы на берег за дровами. Вслед за ними высадился и сам Кук в сопровождении Бенкса и Тупиа.

«Едва мы переправились через реку,— пишет Кук,— как сто пятьдесят — двести вооруженных местных жителей собрались на берегу. Тупиа обратился к ним с пространной речью, а их соплеменники показали все, что мы им подарили... Это, кажется, убедило туземцев в наших добрых намерениях».

Несколько позднее в дневнике была сделана запись о переговорах Тупиа с новозеландскими вождями: «Тупиа объяснил причину нашего прихода сюда, он постарался втолковать им, что мы не тронем их, если они будут вести себя мирно».

А вот и третья запись: «Спустившись с холма, мы увидели, что у шлюпки рядом с Тупиа и матросами стояли туземцы. Они вели себя на диво просто и дружелюбно. Во всех поездках нас сопровождал Тупиа, и он всегда оказывал нам неоценимые услуги».

Плавание вокруг Новой Зеландии, составление необычайно точной карты ее берегов — одно из замечательных достижений экспедиции на «Индевре» и лично Кука. Кроме того, Кук с помощью Тупиа тщательно собирал географические сведения, которыми располагали новозеландцы, и делал из них надлежащие выводы. Он, например, пришел к мысли о том, что Новая Зеландия представляет собой два острова, разделенные узким проходом (ныне пролив этот носит его имя). Однако Кук окончательно утвердился в своем предположении после бесед с местными жителями, которые вел через Тупиа. Несколько дней спустя «Индевр» вошел в пролив.

Усердие Тупиа, его бескорыстная помощь экспедиции объяснялись, видимо, тем, что он испытывал уважение к смелым мореплавателям и хотел посетить их страну. Ни он, ни новозеландские информаторы Кука не подозревали, что прокладывают путь колонизаторам, захватчикам. Конечно, островитяне знали и войну, жертвой которой стал сам Тупиа, и жестокие обычаи, но были свободны от таких благ буржуазной «цивилизации», как мошенничество и отвратительное лицемерие.

Тупиа не мог знать, что секретнейшая инструкция лордов адмиралтейства предписывала Куку провозглашать новооткрытые земли владениями короля Великобритании и Ирландии якобы «с согласия туземцев», которые никогда и не слыхивали об этом джентльмене.

Одна из записей Кука, относящаяся к пребыванию на Северном острове Новой Зеландии, наглядно раскрывает механику обмана им Тупиа и жителей этого острова:

«С помощью Тупиа я постарался втолковать старику и его соплеменникам, что *мы хотим установить на острове столб как свидетельство нашего пребывания здесь раньше других кораблей.* Туземцы не имели ничего против и обещали не уничтожать этот знак... В самой высокой точке острова установили столб и укрепили на нем британский флаг. Проход я назвал проливом Королевы Шарлотты и от имени Его Величества вступил в официальное владение близлежащими островами; за здоровье Ее Величества была распита бутылка вина, а пустую бутылку мы подарили старику (он

тоже поднялся на холм), она ему страшно понравилась».

Разумеется, ни этот старик, ни Тупиа не могли разгадать подлинный смысл зловещей церемонии, послужившей прелюдией к оргии грабежей и убийств, аренной которых стали острова Новой Зеландии, когда во владение ими вступили колонизаторы. Поэтому Тупиа совершенно искренне и дружественно помогал английским мореплавателям.

Преждевременная смерть полинезийского кормчего положила конец этому сотрудничеству. Незадолго до своей кончины он еще раз поразил англичан: по созвездию Ориона совершенно точно определил, в каком направлении лежит остров Таити.

Оставшаяся в наследство от Тупиа знаменитая карта несомненно повлияла на дальнейшие исследования Кука в тропической части Океании, во многом предопределила его планы. Впоследствии Кук открыл и нанес на карту некоторые земли, указанные Тупиа.

Главное, однако, не в конкретном перечне земель, открытых Куком уже после смерти Тупиа, а в общем направлении поисков английского исследователя. Дж. Кук еще при жизни полинезийца сделал выводы из своей первой экспедиции:

«Если континент («Южный материк». — *Авт.*) не будет обнаружен, мореплаватель может направить свои помыслы к открытию тех бесчисленных островов, которые, как мы уже говорили, расположены в пределах тропических областей к югу от экватора, и предпринять эти поиски, как на то я уже указывал, опираясь на надежные источники.

Было бы разумно направить для этой цели корабль, пока жив Тупиа, ибо, если он окажется среди исследователей, последние получат огромные преимущества по сравнению с любыми другими, ранее побывавшими ради открытий в этих морях. Ведь с помощью Тупиа вы всегда найдете людей, которые проведут вас от острова к острову, и вы, безусловно, встретите дружеский прием и сумеете пополнить запасы на любом берегу, где вам доведется побывать. Это поможет мореплавателю осуществить поиски наиболее полно и совершенно и, кроме того, сохранить время, ибо не будет у него необходимости спешить, что обычно вызывается недостатком съестных припасов. Я прила-

гаю список островов, о которых нам сообщил Тупиа и некоторые другие туземцы. Они же пытались указать нам их местоположение по отношению к Таити или острову Святого Георгия, но во многих случаях на них нельзя полагаться. На всех помеченных знаком Тупиа был сам, и в истинности его слов у нас нет оснований сомневаться. Его знания южных морей весьма обширны...»

Приведя затем список островов, названных Тупиа, Кук продолжает:

«Этот перечень составлен по карте, вычерченной Тупиа собственноручно; он говорил нам примерно о ста тридцати островах, но на его карту нанесено только семьдесят четыре. Приблизительно столько же называли туземцы с Таити, но в сообщениях тех или иных лиц названия и количество островов давались по-разному. Разнобой... вызван тем, что жители не знают, как правильно произносится то или иное наименование. Несомненно, что действительно насчитывается такое количество островов, и вероятно, что еще больше их расположено где-нибудь в великом Южном море и что на многих из них не был ни один европеец».

Эта запись в путевом дневнике Кука — не только признание исключительной широты географических познаний Тупиа, но и программа действий самого Кука. Во второй экспедиции (1771—1775) он, конечно, не случайно пытался заменить умершего кормчего другими полинезийцами. На острове Хуахине, куда в свое время привел англичан Тупиа, Дж. Кук взял в состав экспедиции юношу Омаи, а на острове Раиатеа — его сверстника Ойдиди. Ойдиди совершил на корабле Кука «Резолюшн» плавание вокруг Тихого океана и в 1775 году вернулся на родину. К сожалению, ни Омаи, ни Ойдиди не обладали познаниями Тупиа и не принесли экспедиции большой пользы.

Но карта Тупиа продолжала служить Куку. Выполняя инструкцию лордов адмиралтейства, английский путешественник продолжал, правда без особого энтузиазма, искать Южный материк и, можно сказать, окончательно стер его с карты.

Вместе с тем он неутомимо продолжал «поиски островов», о которых писал в связи с картой Тупиа в дневнике первого путешествия, и действительно нашел и нанес на карту Тихого океана множество земель,

ранее неизвестных европейцам: Новую Каледонию, южную группу Новых Гебрид, остров Норфолк, ряд островков в архипелаге Тонга, в южной группе островов Кука и в западной части архипелага Туамоту.

Тень Тупиа продолжала сопутствовать Дж. Куку и в третьем его путешествии. 8 августа 1777 года, то есть почти через семь лет после смерти полинезийца, был открыт остров Тубуаи, лежащий к югу от Таити. Биглехол доказал, что этот остров нанесен на карту Тупиа, но под его древним названием — Моутуоу.

Открытие Тубуаи еще раз подтвердило достоверность сведений, сообщенных Тупиа. С другой стороны, и этот кормчий и другие мореплаватели с островов Общества, которых опрашивал Дж. Кук, единодушно утверждали, что к северу от Таити лежит еще много островов. Прибытию Кука на Таити предшествовал эпизод, свидетельствовавший о возможностях океанских мореходов: Кук побывал на островах Тонга, где со слов местных кормчих записал названия девяти семи островов, расположенных между островами Общества и Новыми Гебридами. Многие из этих островов принадлежали к архипелагам Тонга и Фиджи. Указан был также архипелаг Самоа (в 520 милях от Тонга), острова Футуна (в 500 милях), Ротума (в 775 милях) и Вайтупу (в 1000 милях). Конечно, познания тонганцев объяснялись тем, что местные мореплаватели не только побывали на всех этих островах, но и вернулись на родину. В то время ни один европеец еще не достиг островов Самоа, Вавау и Фиджи.

Тонганец Финоу — уроженец острова Намука — убедил Кука изменить маршрут и идти не к центральному острову архипелага Тонга — Тонгатапу, а на северо-восток — к островам Хаапай. Через двое суток Финоу сам привел корабли Кука к коралловым атоллам, на которые еще не ступала нога европейца. Кормчим английской экспедиции снова стал полинезиец.

Не удивительно, что, покидая архипелаг Общества, Кук надеялся в ближайшее время открыть новые земли в приэкваториальной части Тихого океана. И действительно, уже 23 декабря 1777 года он увидел близ экватора небольшой остров, названный островом Рождества. А 19 января следующего года корабли экс-

педиции подошли к Гавайским островам, о существовании которых в Европе никто не знал (за исключением, быть может, некоторых испанских мореплавателей, которые тщательно засекретили свои открытия).

Гавайские острова стали местом гибели Кука 14 февраля 1779 года. Официальная английская версия, исходящая от спутников великого мореплавателя, возлагает вину за смерть его на островитян. Кук действительно был убит гавайцами, но рассказ о гибели мореплавателя, слышанный О. Е. Коцебу от очевидца Калемаку, существенно отличается от английской версии: причинами нападения островитян явилась попытка Кука силой увести на корабль местного вождя и огонь, открытый по гавайцам со шлюпок экспедиции. Кто знает, как закончился бы этот день для Кука, если бы подле него находился Тупиа? Как не хватало Куку этого человека, которого он считал «проницательным, чувствительным, искренним...».

Аборигены и в XIX веке продолжали вносить свой вклад в исследование Океании европейцами. В 1823 году английский миссионер Джон Уильямс, прошедший шесть лет на архипелаге Общества, занялся исследованием южной группы островов Кука и совместно с капитаном Д. Диббсом открыл острова Митиаро и Мауке. Затем он решил разыскать другой остров той же группы — Раротонга. О существовании этой земли было хорошо известно на Таити, где о ней в семидесятых годах XVIII века узнали испанцы. Однако она не была нанесена на европейские карты, поэтому некоторые историки считают Уильямса первооткрывателем и этого острова. Путь к нему указал миссионеру вождь Рома-Тане с острова Атиу, раскрывший перед путешественником еще одну особенность навигационного искусства полинезийцев.

«Заметив, что Рома-Тане отличается необычайной рассудительностью, я спросил, слышал ли он о Раротонге, — писал Уильямс. — „О да, — ответил он. — Туда только один день и одна ночь пути от Атиу. Мы знаем этот путь“. Эти сведения восхитили нас; но когда мы спросили, в каком направлении лежит остров, он в первый раз указал одно, а во второй — другое. Но вскоре все объяснилось: отправляясь в путешествие, туземцы не отплывают от любой части острова, как это делаем мы, а пользуются, так сказать, „отправ-

ными пунктами“. В этих пунктах у них есть „вехи“, по которым они и ориентируются, пока не появляются звезды. Обычно они выходят в море с таким расчетом, чтобы ориентироваться по небесным светилам, когда сухопутные вехи исчезают вдаль. Зная об этом, мы решили принять план туземцев и подвели судно свое к отправному пункту. Оказавшись там, вождь пожелал увидеть вехи на берегу, для чего судно стали постепенно поворачивать. Когда его вехи оказались на одной линии друг с другом, он воскликнул: „Вот так! Вот так!“ Я немедленно взглянул на компас и установил, что курс судна — *SWW*. Курс этот оказался столь точным, как если бы Рома-Тане был идеальным штурманом. Расстояние составило 133 мили».

На острове Раротонга Уильямс с помощью местных жителей, пользовавшихся только каменными орудиями, построил судно европейского типа и совершил на нем переход на Раиатеа и Таити.

Не только океанийцам, но и многим западноевропейским и американским мореплавателям приходилось находить путь в океане без всяких навигационных приборов. Как правило, их вынуждало к этому кораблекрушение. Не имея практических навыков океанийцев, они испытывали куда более серьезные затруднения, нежели островитяне.

Никакое искусство навигации не может, однако, спасти мореплавателя от голода и жажды, если он не умеет сохранять запасы пищи и воды. У океанийцев необходимые навыки вырабатывались столетиями, и в этом отношении они не только не отстали от европейцев XV или даже XVIII века, но и могли кое-чему их научить.

Викинги Востока и Запада

По мере прогресса знаний все труднее отрицать способность океанийцев к дальним путешествиям и открытиям. Однако за последние годы на Западе разгорелась дискуссия о том, были ли их плавания случайными или преднамеренными. Вопрос этот имеет не только академический характер. И дикарь, унесенный на челне в океан, может случайно открыть необитаемый остров и поселиться на нем. Пропаганда теории «случайных открытий» независимо от субъектив-

ных намерений ее сторонников играет на руку колонизаторам, отрицая культурные достижения поработанных или вовсе уничтоженных ими народов.

Наиболее полно эта теория изложена в книге новозеландского ученого Эндрю Шарпа. В первом издании (1957) Шарп устанавливает для преднамеренных плаваний океанийцев 100-мильный лимит (в порядке исключения он повышает его до 200 миль). Под влиянием критики Шарп несколько пересмотрел свои позиции и во втором издании (1964) признал, что двусторонние связи могли поддерживаться между островами, расположенными на расстоянии даже 360 миль друг от друга.

Свои взгляды на историю мореплавания в Тихом океане Шарп переносит и на район Северной Атлантики. По его мнению, древние скандинавы, как и их собратья — мореходы Полинезии и Микронезии, — не были способны к преднамеренным плаваниям на большие расстояния. «Рассказы о посещении Америки древними викингами считались подтверждением аналогичных историй о Полинезии и наоборот, но при ближайшем рассмотрении эта взаимная опора рушится. Даже если когда-либо появятся несомненные доказательства доисторической скандинавской колонизации Северной Америки, они не докажут ничего, кроме того, что отдельные путешественники иногда достигали Америки, совершая переход в один конец».

Последняя фраза рисует Э. Шарпа человеком весьма осторожным — без нее он мог стать предметом насмешек уже в год выхода второго издания своей книги, ибо в том же, 1964 году норвежский ученый Х. Ингстад обнаружил на острове Ньюфаундленд остатки поселка скандинавского типа с кузницей и баней. Мыс на острове именовался на карте XVI века «Мыс Винланда». Радиоуглеродный анализ золы из кузницы указал, что ее возраст — 900 ± 70 лет. Между тем, по данным скандинавских саг, о которых Э. Шарп отзывается с пренебрежением, Винланд был открыт викингом Лейвом Эрикссоном около 1000 года. Совпадение достаточно убедительное!

Кроме того, существуют и вполне достоверные источники о плаваниях в Винланд, о которых Шарп почему-то умалчивает. Это — исландские летописи, показывающие, что древние скандинавы жили в Вин-

ланде несколько десятилетий (постоянный характер строений, раскопанных на Ньюфаундленде,— лишнее тому доказательство).

Дело, однако, не только в открытии норманнами Америки. Шарп, естественно, не подвергает сомнению открытие и колонизацию ими Гренландии, население которой в XIII веке составляло восемь-десять тысяч человек. Между тем гренландские поселения поддерживали прямую связь не только с Исландией, но и с Норвегией. От Норвегии до Фарерских островов — 500 миль, а оттуда еще 1000 миль открытого моря до Гренландии. Плавания норманнов обычно проходили в несравненно более тяжелой метеорологической обстановке, чем путешествия полинезийских мореходов.

История скандинавских поселений в Гренландии и Северной Америке помогает понять еще одну особенность географических открытий океанийцев. Как ни велики были достижения обоих народов в области мореплавания, их примитивное общество не могло постоянно и бесперебойно поддерживать двусторонние связи с вновь открытыми землями. Связь с Винландом оборвалась уже к XII веку, Гренландия была «потеряна» в начале XV века и вновь обретена только в XVI. К этому времени все ее скандинавское население вымерло (причины еще не раскрыты наукой до конца).

Однако память о морских походах викингов и открытых ими землях продолжала жить в народе, разукрасившем подлинную историю этих путешествий блестящими домыслами и фантазией.

И в Океании много островов, которые были открыты, затем потеряны и вновь обретены европейцами. Соломоновы острова, например, обнаружены в феврале 1568 года испанскими мореплавателями Менданы и Гальего. Но испанцы скрывали свои открытия, не умели правильно определить координаты найденных земель — и архипелаг словно канул в пучину океана. Его искали долго и упорно, но лишь в 1767 году — ровно двести лет спустя — английскому мореплавателю Картерету удалось вторично открыть загадочный архипелаг.

Никто, однако, не утверждает на этом основании, что вторичные открытия в XVIII—XIX веках островов Океании, обнаруженных испанцами во второй половине XVI и начале XVII века, носили случайный, не-

преднамеренный характер. С другой стороны, первооткрыватели зачастую руководствовались в своих поисках «сведениями» явно мифического характера. Соломоновы острова искали, чтобы найти сокровища библейского царя Соломона или перуанского инки Тупаки-Юпанки, будто бы открывшего в Тихом океане земли, богатые золотом.

Ао-теа-роа, или Новая Зеландия

Итак, географический кругозор таких океанийских мореплавателей, как Тумаи, Каду, Тупиа, простирался на 1000—1500 миль. Он мог развиваться только благодаря двусторонним связям между различными островами и архипелагами. По-видимому, связи эти имели достаточно длительный и устойчивый характер, иначе народ, не знавший письменности, не сохранил бы сведения о далеких землях.

Это полностью относится и к крупнейшему достижению полинезийского мореплавания — открытию и заселению Новой Зеландии, которую отделяет от Восточной Полинезии более 2000 миль открытого моря.

Новозеландский ученый Те Ранги Хироа пишет об открытии и заселении этой островной страны его предками со стороны матери:

«В противоположность европейским авторам маорийская традиция совершенно спокойно приводит флот (полинезийцев.— *Авт.*) в Новую Зеландию. Тип судна, расстояние свыше 2000 миль, отсутствие карт и навигационных инструментов, противные ветры, необходимость брать с собой запас пищи и питья представляются европейцам почти неразрешимыми задачами. Однако большие ладьи для дальних плаваний длиной свыше 60 футов (18 метров.— *Авт.*) вполне могли вместить достаточное количество провианта и воды. Они были снабжены парусами, в движение их приводили отборные люди, достаточно широкоплечие, чтобы управиться с глубоководным веслом. Наблюдения Кука, Бугенвиля и других европейских мореплавателей показывают, что полинезийские суда вполне были способны делать при попутном ветре 7 миль в час. При такой скорости хода расстояние от Таити до

Новой Зеландии можно было покрыть не более чем за две недели, а с остановкой на Раротонге — и того меньше. Во время второй мировой войны американские летчики, которым приходилось дрейфовать среди Тихого океана на резиновом плоту, с малым количеством еды и питья, выживали по тридцать дней и более. Действительная трудность состоит в том, чтобы понять, *как именно* жрецы-кормчие приводили свои суда к месту назначения. Тот факт, что не одно, а несколько судов нашли путь в Новую Зеландию с целью заселения ее, позволяет отнести это предприятие к категории преднамеренных путешествий. Но подробности о методах, с помощью которых был достигнут успех, не отражены в традиционных повествованиях».

Науке пока не удалось дать совершенно точный ответ на вопрос новозеландского ученого: как именно жрецы-кормчие приводили свои суда к месту назначения — в данном случае в Новую Зеландию.

Посмотрим, однако, что пишут по этому поводу специалисты морского дела, весьма далекие от мифотворчества. Несколько лет назад «Журнал Полинезийского общества» опубликовал статью капитана Г. Хейена, который отрекомендовался моряком-практиком, имеющим опыт плавания по Тихому океану на парусных судах.

Опровергая мнение Э. Шарпа о том, что заселение Новой Зеландии было результатом случайных плаваний из Восточной Полинезии, Хейен пишет:

«Если бы подобные путешествия объяснялись тем, что ладьи сбивались с курса или уносились штормами, то почти невероятно, чтобы кормчий продолжал идти на юг, несмотря на понижение температуры и непривычные условия плавания. Вероятнее, что он пошел бы по ветру, будь то на север или на юг, взяв курс по звездам. Если он все же шел на юг, то есть все основания полагать, что через несколько дней, заметив значительную разницу в температуре, он изменил бы курс и поплыл снова на север. Если бы он отдался на милость стихии, то ветры, волны и течения не привели бы его в Новую Зеландию.

Вероятнее всего, что такой кормчий закончил бы свое путешествие на восточном берегу Австралии — но в Австралии не найдено ни одного поселения маори».

Хейен указал несколько маршрутов, по которым полинезийские мореплаватели могли достигать Новой Зеландии. Из имеющихся данных о скорости парусно-гребных судов океанийцев он делает вывод, что на пути в Новую Зеландию они делали в среднем 120 миль в день. В этих условиях для прямого перехода с Таити (острова Общества) на Северный остров Новой Зеландии (расстояние 1037 миль) требовалось более семнадцати суток. Между тем полинезийские суда выдерживали четырехнедельные плавания. Однако гидрометеорологическая обстановка на данном маршруте столь сложна, что, по мнению Хейена, полинезийские мореплаватели не могли ходить в Новую Зеландию этим путем.

Однако он полагает, что если в тот период уже был установлен контакт между различными архипелагами, то путешественники, вышедшие с островов Общества, могли делать остановки на Раротонге, Тонгатапу или на обоих островах. Это значительно сокращало длительность плавания. По расчетам Хейена, при той же скорости хода полинезийцы могли дойти с Тонгатапу до Новой Зеландии вдвое быстрее, чем с Таити,— всего лишь за восемь и семь десятых суток (поэтому возможно, что тонганцы открыли Ао-теа-роа).

«С ноября по март,— пишет капитан Хейен,— гидрометеорологические условия благоприятствуют переходам небольших судов с Тонгатапу на Новую Зеландию. Циклоны редко заходят так далеко на юг, а шквалы бывают в среднем не более трех дней из ста. Между полосой юго-восточных пассатов и берегом Новой Зеландии преобладают умеренные восточные ветры. Течения несильные, но переменчивые, в целом благоприятные для мореплавателей, средняя скорость судов не превышает 10—15 узлов.

Плавание носит вполне естественный характер; ладьи могли смело проходить через полосу юго-восточных пассатов, а затем брать курс на юг, который выводил их к Северному острову Новой Зеландии. Угол между Тонгатапу и крайними точками побережья Новой Зеландии — 20 градусов, что допускает значительные ошибки при определении долготы. После выхода из зоны пассатов курс на юг легко контролировать путем наблюдения за околополярными звездами ночью и за солнцем днем...

В оптимальных условиях такое путешествие можно было совершить за девять или десять дней. Течение могло отклонить ладью от курса на этом участке не больше чем на 50—60 миль».

Для обратного перехода самыми благоприятными были, вероятно, весенние и осенние месяцы. Ладьи могли свободно идти на север, пользуясь западными ветрами, а затем смело брать курс на архипелаг Тонга через зону юго-восточных пассатов.

«Примечательно, что все длительные путешествия, приписываемые полинезийцам, как легендарные, так и истинные, предпринимались в северном или южном направлениях,— продолжает автор, считающий, что островитяне не могли посещать Южную Америку.— Плавания с севера на юг представляются естественными. Древние мореплаватели, конечно, сознавали, сколь ограничены возможности их ладей и собственные познания в навигационном искусстве... Вместе с тем они могли предпринимать длительные путешествия, зная, что вернутся на родной остров, взяв другой курс...»

Другой автор, Г. Денинг, указывает на ряд второстепенных признаков, которые могли помочь полинезийским мореплавателям достигнуть заветной цели — Новой Зеландии. В сентябре, когда не бывает западных ветров, длиннохвостые кукушки совершают перелет с Таити и островов Кука в Новую Зеландию. Птицы летят низко над морем и издают продолжительные резкие крики, особенно ночью. К востоку от Новой Зеландии тянется длинная полоса водорослей, которая становится гуще по мере приближения к островам.

Чрезвычайно убедительные доказательства возможности преднамеренных путешествий полинезийцев в Новую Зеландию содержатся в статье капитана Б. Хилдера, также опубликованной в «Журнале Полинезийского общества», хотя по непонятным причинам он стоит на точке зрения Э. Шарпа.

«Если прародители маори прибыли из района Раротонги,— пишет он,— то их легенды о преднамеренном переселении в Новую Зеландию предполагают предшествующее путешествие, после которого по крайней мере один хороший кормчий достиг островов Кука, независимо от того, откуда он первоначально отправился. Для человека, находящегося на Раро-

тонге, Северный остров Новой Зеландии представляет собой мишень протяжением 15 градусов, ибо он тянется на 450 миль, а расстояние между островами — 1500 миль. Это неплохая мишень, если кто-либо укажет правильный курс. При скорости 5 узлов путешествие займет всего двенадцать дней.

...Если мореплаватели когда-либо брали курс прямо на Новую Зеландию, то он должен был почти совпадать с направлением, указываемым вехами на острове Атиу для плавания на Паротонгу... Не вызывает сомнений, что точный курс с Атиу на Паротонгу приведет, если следовать ему дальше, на Новую Зеландию».

Особый интерес представляет анализ Хилдером новозеландских сказаний, которые, оказывается, вовсе не лишены смысла с чисто навигационной точки зрения.

«Не все ладьи, достигшие Новой Зеландии, пристали к восточному берегу Северного острова, некоторые подходили к западному. Я подозреваю, что окончательные курсы этих ладей, взятые при приближении к земле, нашли отражение в различных версиях навигационных указаний, которые приписываются первооткрывателю Купе. Судя по различным легендам, они состояли в следующем. В день Оронгонуи месяца Та-тау-уруора (28 ноября) держи вправо от заходящего солнца, луны или Венеры; держи влево от заходящего солнца; держи на восходящее солнце.

Эти указания могут иметь смысл только в том случае, если кормчие знали, что им нужно спуститься на север до широты 35 градусов. На этой параллели Южный Крест больше не заходит, а лишь касается горизонта. Это случается в полночь в первые дни октября, в десять часов вечера 1 ноября и в четверть девятого 28 ноября. Если ладьи, находившиеся на этой широте, могли взять курс на запад, то рано или поздно достигали Новой Зеландии. Распределение зон переменных ветров в это время года может объяснить, почему во многих легендах говорится о гребле.

Далее, мореплаватели могли получить указание плыть к югу столько-то дней и недель или до тех пор, пока не наступит заметное похолодание, а затем поворачивать к западу, держа курс на заходящее солнце».

Сопоставим эти слова с замечанием Хейена, сторонника теории преднамеренных плаваний в Новую

Зеландию: «В полинезийских водах преобладающее течение направляется на юго-запад и поворачивает на юг или юго-юго-запад близ Новой Зеландии».

Выходит, что указаний, приписываемых первооткрывателю Купе, достаточно. При плавании из Восточной Полинезии в Новую Зеландию сложные навигационные проблемы возникали только на подходе к цели путешествия.

Как видим, полинезийские предания по достоверности ничуть не уступают скандинавским сагам. Это, кстати, относится и к хронологии событий. Жители Океании уделяют исключительное внимание своей генеалогии. Изучая генеалогию маори — аборигенов Новой Зеландии, — ученые пришли к выводу, что открытие их страны древними полинезийцами произошло в начале (по другим сведениям — в середине) X века. На жизнь одного поколения они кладут двадцать пять лет.

Прародиной маори, согласно их преданиям, был остров Гавайки. Он несомненно находился в Полинезии — маори и жители полинезийских островов отлично понимают друг друга. Однако лингвистический анализ названия «Гавайки» не дает возможности точно определить, откуда отплыли ладьи первооткрывателей Новой Зеландии. По многим косвенным признакам Гавайки отождествляют с островами Общества.

Предания, мифы, генеалогия — все это как-то неопределенно. Но вот в 1962 году археологи раскопали на острове Маупити (архипелаг Общества) могилу взрослого мужчины. Вместе с человеческими останками были обнаружены украшения, тесла, рыболовные крючки. В докладе об археологии, представленном Международному конгрессу по изучению стран Тихого океана (Токио, 1966), говорилось, что эти предметы отличаются от традиционных таитянских, но почти идентичны с теми, которые древнейшие насельники Новой Зеландии закапывали со своими покойниками. Таким образом, существовала «восточнополинезийская разновидность древнемаорийской культуры».

Самое удивительное, однако, то, что радиоуглеродный анализ — одно из достижений физики второй половины XX века — подтверждает сведения, полученные путем анализа генеалогических преданий. Древ-

нейшие маорийские захоронения относятся примерно к 1000 году н. э. К этому же периоду (IX—X века) относятся захоронения, раскопанные на острове Маупити.

Повторилось то, что произошло на Ньюфаундленде, — легендарные мореплаватели обрели плоть и кровь. Первооткрыватель Новой Зеландии Купе становится таким же историческим лицом, как современник его Лейв Эйрикссон — первый европеец, ступивший на землю Америки.

Купе сделал свое открытие случайно. Легенда рассказывает о том, как Купе, рассердившись на кальмаров, которые унесли его приманку во время рыбной ловли, поклялся убить их вожака Уеке-а-Муту-ранги. Он гнался за стаей кальмаров до тех пор, пока не очутился далеко к югу от родного острова и не увидел землю с высокими холмами, окутанными дымкой.

Подробности мифологического характера (погоня за вожаком кальмаров и поединок с ним) навеяны реальной действительностью, романтикой труда полинезийских рыболовов, которых ветры и течения так часто относили к неведомым землям.

По преданию, именно к плаванию Купе восходит маорийское название Новой Зеландии. Жена Купе, находившаяся с мужем и пятью детьми на борту ладьи «Мата-Хоруа», увидела далеко в море длинное белое облако. Такой представилась ей земля, к которой держала путь ладья. Длинным белым облаком (Ао-теа-роа) и называли мореплаватели открытую ими островную страну.

Предание сохранило и маршруты, по которым следовали ладьи экспедиции Купе — «Мата-Хоруа» и «Таури-Ранги» (последней командовал Нгаке). Миновав восточное побережье Северного острова, они вошли в пролив, отделяющий его от Южного. Здесь Купе удалось убить кальмара, в погоне за которым он преодолел столько опасностей. Открыв два небольших острова, названных по имени его дочерей Матиу и Макаро (нынешние Сомс и Уорд), Купе прошел вдоль западного берега Северного острова. Затем он отплыл обратно на Гавайки и благополучно вернулся на родину, указав соплеменникам, как добраться до открытой им земли.

На этом сходятся все рассказчики, но полного еди-

нодушия между ними нет. По одной версии, Купе видел на Ао-теа-роа только птиц и насекомых. По другой — в местности Таранаки (район современного Нью-Плимута) он встретил высоких темнокожих людей с плоскими носами. Они прибыли на остров в трех ладьях.

Это описание довольно точно соответствует антропологическим признакам меланезийцев. Поэтому некоторые ученые считают, что первыми насельниками Новой Зеландии были не полинезийцы, а меланезийцы. Для нас, однако, важно, что и те и другие — океанийцы.

Судя по генеалогическим преданиям, плавание Купе происходило около 925 года. Эта дата не расходится с данными радиоуглеродного анализа, точность которого ± 70 лет.

Следующее путешествие полинезийцев к берегам Ао-теа-роа предание относит к середине XII века. На сей раз экспедицией руководил кормчий Тои, который отправился из Гавайки на поиски двух своих внуков, унесенных в океан во время лодочных гонок. Сначала он побывал на острове Паротонга, а затем пошел дальше на юг, достиг земли Ао-теа-роа и поселился на берегу залива Пленти. Там его нашел один из пропавших внуков, по имени Уатонга. На их ладьях имелись большие запасы продовольствия, но не было семян культурных растений, а также домашних животных, которых обычно везли полинезийцы при переселении на другие острова. По преданию, дед с внуком не вернулись на Гавайки, а остались на Ао-теа-роа и женились на местных женщинах.

Археологические раскопки показывают, что первые насельники Новой Зеландии были прежде всего охотниками. Добычей им — и важнейшим источником питания — служила гигантская бескрылая птица моа.

Моа — может быть, из-за легкости охоты на нее — была быстро истреблена маори. Не исключено, что это создало на Ао-теа-роа своеобразную продовольственную проблему. Свиной и домашней птицы спутники Купе и Тои с собой не привезли, быть может потому, что свиньи, как отмечал Дж. Кук, не выдерживают переселения из тропической Полинезии в более южные широты, где значительно холоднее. Так или иначе, на Новой Зеландии к моменту появления европейцев не

было домашних животных, кроме собак (которых полинезийцы употребляют в пищу).

Разумеется, маори и после истребления моа могли охотиться на птиц, ловить рыбу, собирать раковины и съедобные растения, но среди них, конечно, продолжала жить память о земледельческой культуре прародины.

Во всяком случае, в народе сохранилась память о двух путешествиях с Ао-теа-роа на Гавайки за саженцами батата. По одной версии, к берегу Северного острова была прибита ладья с двумя братьями — Тауката и Хоаки, которые впервые познакомили островитян с этим вкусным и питательным растением. Те направили на Гавайки специальную экспедицию за бататом. Ладья, посланная с Ао-теа-роа, достигла берегов Гавайки, но не вернулась. Участники экспедиции возвратились около 1350 года на борту одного из судов флотилии, которую снарядили жители земли их предков.

Путешествие это — одна из самых замечательных страниц в истории полинезийского и мирового мореплавания. Напомним, кстати, что крупнейшим достижением европейских моряков в XIII—XIV веках было открытие в Атлантике Канарских островов, расположенных совсем недалеко от европейского материка.

Народная память сохранила названия ладей и даже кормовых весел, имена кормчих и рулевых. Племена маори ведут свои родословные от команд этих ладей.

Современные маори — народ земледельческий. Необходимость освоить обширные пространства двух островов, открытых их предками, приспособиться к климату и природным условиям, весьма отличным от полинезийских, отдалила их от моря и привязала к земле еще до нашествия колонизаторов.

И все же сказания о плавании полинезийской армады полны специфических деталей, которые передавались из рода в род от предков-мореходов.

Хотуроа — кормчий ладьи «Таинуи» — готовился отплыть от Гавайки в ночь Оронго, 27-ю ночь лунного месяца, соответствующего октябрю — ноябрю, пишет Те Ранги Хироа. Старики советовали Хотуроа отложить плавание до следующего месяца, когда пройдут бурные дни таматеа (с 6-й по 9-ю ночь), но Хотуроа

гордо ответил им: «Я отправлюсь в путь немедленно и встречу дни таматеа в открытом море». Преодолев шторм, ладья приблизилась к заливу Пленти (Северный остров Новой Зеландии), направилась вдоль берега на запад и достигла залива Хаураки. Затем полинезийцы перетащили свою ладью волоком через перешеек и вдоль восточного берега острова направились к югу, миновав устье реки Ваикато. В конце концов переселенцы высадились на западном берегу Северного острова.

Те Ранги Хироа установил длину этой ладьи. В одном сказании говорится, что она равнялась росту двенадцати высоких мужчин, положенных голова к голове, то есть составляла около 90 футов (27 метров). По тому же преданию, «Таинуи» вытащили на берег и уложили на склоне невысокого холма. У носа и кормы были поставлены каменные вехи, которые сохранились. Измерив расстояние между ними, Те Ранги Хироа получил 70 футов (21 метр). Цифра вполне вероятная, поскольку некоторые европейцы своими глазами видели ладьи длиной 100 футов (30 метров).

На ладье «Те Арава» находился один из вождей жителей Гавайки — Тама-те-капуа, кормчим же был ученый жрец Нгаторои-ранги. Ладья, достигнув восточного побережья залива Пленти, направилась на север, обогнула мыс Северный, а затем поплыла к югу вдоль западного берега. Потомки ее команды заселили район к югу от острова Мокау до Нью-Плимута.

Ладья «Матаатуа», которую вел кормчий Тороа, добралась до залива Пленти, а затем направилась вдоль берега на запад. Потомки полинезийцев, находившихся в этой ладье, заселили район от Уакатане до мыса Ранавей, а также лесную местность в глубине Северного острова.

О ладье «Курахаупо» данные сказаний противоречивы. По одним сведениям, она потерпела крушение у островов Кермадек и ее пассажиры и команда были приняты на борт ладьи «Аотеа», по другим — достигла берегов Ао-теа-роа. Племена, ведущие свое происхождение от команды этой ладьи, занимали до прихода колонизаторов район Таранаки.

Ладьей «Такитуму» командовал Таматеа. Достигнув залива Пленти, она направилась на север, от мыса Северного повернула на юг, пошла вдоль западного

берега и достигла реки Вуонгануи, а затем озера Таупо. Сыновья Таматеа поселились в районе бухты Поверти и залива Хок, а позднее их потомки перебрались на Южный остров.

Ладья «Токомару», на которой прибыли предки Те Ранги Хироа, по одним сведениям, совершила плавание под командой Манана, по другим — ею командовал Тама-арики, а кормчим был жрец Ракеиора. От восточного берега залива Пленти она направилась к мысу Северный и, обогнув его, пошла вдоль западного берега на юг. Племена, которые ведут свое происхождение от команды и пассажиров этой ладьи, заселили местность от реки Мокау до района к югу от Нью-Плимута.

Ладья «Аотеа» отплыла с Гавайки в неблагоприятное время года, и на долю находившихся на ее борту полинезийцев выпало особенно много злоключений. Ветер отнес ее в сторону от маршрута других ладей, но она все же пристала к островам Рангихатуа — видимо, нынешним Кермадек. О том, что эти необитаемые сейчас острова в прошлом посещались полинезийцами, свидетельствуют найденные там поломанные тесла и метательные камни.

Именно на «Аотеа» были доставлены в Новую Зеландию клубни батата. По преданию, жена Тури — красавица Ронгоронго — хранила их в двойном поясе, который носила вокруг талии, чтобы согреть теплом своего тела. Эта подробность слишком реалистична, чтобы оказаться плодом вымысла. Вместе с тем она подтверждает, на мой взгляд, наличие двусторонних связей между Ао-теа-роа и Гавайки, то есть Новой Зеландией и Полинезией. При отсутствии таких связей вряд ли могла возникнуть легенда, смысл которой, по сути дела, в том, что при переходе на Новую Зеландию необходимо охранять семена и клубни полинезийских растений от холода. Следовательно, маорийские сказители имели достаточно четкое представление о разнице между климатом страны Ао-теа-роа и их прародины — Гавайки.

Кстати, согласно маорийским преданиям, ладья «Хороута», упоминаемая в песне, была построена непосредственно на Ао-теа-роа, совершила переход на Гавайки специально за бататом, а потом вернулась обратно, к заливу Пленти. От полинезийцев, прибывших

в этой ладье, ведут свою родословную племена, жившие на юг от мыса Ранавей, примерно до Гисборна.

Расселение полинезийцев по двум обширным островам (сначала Северному, а потом Южному) потребовало от них больших усилий, покорения незнакомой природы, приспособления всего своего жизненного уклада к изменившимся условиям. Не удивительно поэтому, что с середины XIV века и вплоть до появления европейцев страна Ао-теа-роа пребывала в состоянии изоляции. Ни сказания, ни иные источники не сохранили сведений о каких-либо попытках маори достигнуть своей прародины после прихода полинезийской армады.

А жители Гавайки со своей стороны не пытались более совершать плавания к далекой южной земле. При нынешнем состоянии исторической науки едва ли возможно объяснить это явление. Судя по сказаниям, важной причиной отправления флота около 1350 года была племенная вражда, распри в верхушке полинезийского общества. Это напоминает повествования скальдов о причинах, которые заставляли древних скандинавов искать новые земли и селиться на них.

В Западной Европе дальние морские походы, которые предпринимали на свой страх и риск смельчаки со своими родичами и отрядами воинов, становились невозможными по мере развития феодального общества. В Полинезии то же явление было вызвано другими причинами.

Северное направление

История открытия и заселения полинезийцами Гавайских островов чрезвычайно напоминает то, что было рассказано о Новой Зеландии. Только здесь мореплаватели шли не на юг, а, вероятнее всего, на север.

Когда отец новозеландской этнографии Перси Смит впервые записал в прошлом веке генеалогические предания маори, он обратил внимание на знаменательный факт: древнейшие предки жителей Новой Зеландии, Гаваев, Таити и Раротонги носят одни и те же имена, причем все они жили двадцать пять поколений назад.

У маори и гавайцев это Хуа, у таитян и раротонгцев — Хиро.

Первооткрывателем Гавайского архипелага считается Опу'у-ка-хонуа. При подсчете поколений получается, что он высадился на Гавайях около 225 года до н. э. Между тем, по данным радиоуглеродного анализа, заселение этих островов произошло около 300 года н. э. Расхождение, как видим, велико.

Второе открытие Гавайских островов, согласно легенде, было сделано около 450 года н. э. мореплавателем Гавай'и-лоа. Имя этого путешественника, а также его отца и деда совпадает с названиями местностей в Новой Зеландии. О его происхождении и плавании рассказывают столько разных чудес, что установить реальную основу чрезвычайно трудно. Важно, однако, что все сказители сходятся в одном: острова, открытые Гавай'и-лоа, были уже заселены. В сказании говорится, что он вернулся на родину за семьей и воинами, а затем совершил новое плавание на Гавайи и остался там.

От полуполюгендарных первооткрывателей Гаваев сохранились довольно конкретные навигационные указания относительно обратного пути на прежнюю родину.

«Легенды, относящиеся к этому периоду (XII век н. э.— *Авт.*), рассказывают о многочисленных плаваниях на Таити и обратно...— пишет Те Ранги Хироа.— При плавании к югу курс держали так, что Хокупа (Полярная звезда) находилась прямо за кормой. Когда мореплаватели достигали Пико-о-уакеа (Пуп пространства), Полярная звезда погружалась за кормой в море, звезда Неуе указывала путь на юг, а созвездие Хуму становилось в зените».

Конечно, мореплаватель не найдет архипелаг, расположенный более чем в 2000 миль от островов Общества и Тонга, руководствуясь только этими указаниями. Но по ним видно, что гавайские мореплаватели знали, что картина звездного неба меняется при переходе через экватор. А экватор лежит примерно на полпути от Гаваев до островов Центральной и Восточной Полинезии.

Начало XII века ознаменовалось появлением на Гавайях многих вождей со своими отрядами воинов. Пуна-нуи поселился на Кауаи, Неуа-Лани и Мауеке — на Оаху, Калана-ну'хуа и другие — на Мауи, Хика-по-

лоа — на острове Гавайи. Некоторые из них прибыли на новую родину вместе.

Мореплаватели доставили на Гавайские острова свиней, собак, домашних птиц, семена и клубни культурных растений (в частности, таро). Кормчий Каха'и отправился на старую родину и привез оттуда хлебное дерево, которое стали разводить на острове Оаху.

Последние плавания с Гавай'и (местное произношение полинезийского названия «Гаваики») на архипелаг, открытый, по преданию, Опу'у-ка-хонуа, совершил жрец Паао. Судя по гавайским генеалогиям, это произошло в 1275 году. В дальнейшем сношения между Гавайскими островами и Центральной и Восточной Полинезией прекратились и возобновились только пять столетий спустя после экспедиции Дж. Кука.

Всего семьдесят пять лет отделяют плавание Паао от последнего похода полинезийского флота на Ао-теа-роа. Это еще раз наводит на мысль о том, что какие-то изменения, происшедшие в XIII—XIV веках, привели к прекращению связей Центральной и Восточной Полинезии с наиболее отдаленными землями, которые заселили ее сыны.

О связях между Гаваики и Гавайями свидетельствуют не только полинезийские предания и легенды, но и исследования современных специалистов морского дела, в частности работа капитана Хейена, упомянутая выше. По его мнению, прямой переход с Таити на Гавайи мог совершаться за шестнадцать дней, а с острова Нукухива (Маркизский архипелаг) — немного более чем за тринадцать дней. Хотя плавание по первому маршруту более продолжительно, Хейен считает его вполне естественным и соответствующим погодным условиям. Близость к широте Гавайских островов можно было определить по высоте Полярной звезды над горизонтом. Направление ветров и течений особенно благоприятствовало такому плаванию.

На переходе Нукухива — Гавайи юго-восточный и восточный пассаты позволяют ладье идти на север. Достигнув полосы северо-восточных пассатов, та же ладья, следуя по ветру, оказывается у Гаваев или неподалеку от них с наветренной стороны. На обратном пути, если мореплаватели минуют Нукухиву, они почти наверняка заметят острова Туамоту, расположенные в 450 милях к юго-западу.

Полинезийский Колумб

О многих полинезийских мореплавателях сложены сказания и легенды, память о них жила и живет в веках. Однако самый выдающийся из них остался неизвестным. Мы не знаем, как его звали, когда он жил. Но великий подвиг полинезийского Колумба нельзя подвергнуть сомнению. Чтобы убедиться в этом, не надо изучать фольклор, исследовать метеорологические и гидрологические условия; достаточно на одном из островов Полинезии отведать вкусного питательного батата, за которым, по преданиям, отправлялись на старую родину потомки мореходов, переселившихся на Гавайи и в Новую Зеландию.

Батат, как и сами мореходы, имеет свою прародину, но находится она не в Океании и даже не в Азии, а в далекой Южной Америке. Вопрос этот решен ботаниками. Он имеет большое значение для истории географических открытий.

Сладкий картофель не мог быть завезен в Полинезию испанскими завоевателями страны инков: они не бывали на Гавайях и в Новой Зеландии, где эта культура появилась задолго до появления европейцев в Тихом океане.

Значит, она была доставлена в Океанию до открытия Америки Христофором Колумбом. Тур Хейердал, взгляды которого расходятся с мнением большинства ученых, согласен, однако, с тем, что полинезийцы побывали в древнем Перу — на южноамериканской родине батата.

Мы знаем, пишет Хейердал, что в эпоху расцвета навигационного искусства полинезийцев, то есть примерно в XIII веке, дальность плавания их судов позволяла преодолеть расстояние Гавайи — Таити и обратно (2300 миль).

Расстояние от острова Пасхи (Рапануи) до Южной Америки меньше (оно составляет 2030 миль.— *Авт.*).

«Не только возможно, но и весьма возможно,— продолжает норвежский ученый,— что отдельные парусные суда полинезийцев смогли пробиться к Южной Америке».

Те Ранги Хироа полагает, что ладья, доставившая батат, отправилась в путь незадолго до начала

XIII века, причем не с острова Пасхи, а из Центральной Полинезии.

Хотя остров Пасхи и ближе к Америке, экспедиция не могла быть снаряжена на этом острове из-за отсутствия строевого леса, необходимого для сооружения большой ладьи. Остров Пасхи не мог быть использован и в качестве промежуточной базы, ибо любой путешественник, который проплыл бы по морю более 1000 миль, направляясь с ближайшего острова Восточной Полинезии, остался бы на острове Пасхи и не пошел бы дальше. Те Ранги Хироа полагает, что экспедиция надеялась обнаружить землю недалеко от отправного пункта, но, поскольку в восточных морях почти нет островов, мореплаватели были вынуждены продвигаться вперед, пока не достигли южноамериканского берега.

Ближайшими островами, с которых такая экспедиция могла отправиться в путь, были Мангарева и Маркизские. Экспедиция с Мангаревы должна была встретить на своем пути остров Пасхи и обосноваться там. Но даже если бы ладья продолжала свой путь, она достигла бы американского берега южнее Перу, а там к батату не применяется название «кумар» (на диалекте северного Перу батат именуется «кумар», а в Полинезии — «кумара»). Свободное открытое море между Маркизскими островами и Северным Перу не давало возможности сделать остановку в пути. Поэтому новозеландский ученый считает, что мореплаватели, достигшие Южной Америки, отправились в путь с Маркизских островов.

Правда, от Маркизских островов до Северного Перу более 4000 миль. Это значительно превышает все известные данные о дальности плавания океанийских ладей. Однако, по мнению Те Ранги Хироа, при наличии благоприятного ветра они могли идти со скоростью 7 миль в час (что вполне допустимо) и проделать путешествие за три недели с небольшим.

Необычные условия жизни на огромном и совершенно чужом материке заставили океанийцев пуститься в обратный путь через океан. С собой они везли бесценное сокровище — клубни кумара.

За последнее время ученые предприняли попытку установить хотя бы самую приближенную дату этого необыкновенного путешествия. Новозеландский ученый

Макнэб отмечает, что в местности Пунта-Гранде (Перу) батат, по данным радиоуглеродного анализа, культивировался уже около 2500 года до н. э. Около 1850 года до н. э. в той же местности появилась низкосортная кукуруза. Около 750 года н. э. в сельском хозяйстве Перу произошел переворот — был введен новый, значительно улучшенный сорт этого растения.

Макнэб считает, что полинезийско-перуанские контакты происходили до этой даты, ибо, познакомившись с новым сортом кукурузы, полинезийские мореплаватели, конечно, взяли бы его с собой, как и батат. Низкосортная кукуруза, которая выращивалась до 750 года, могла не привлечь их внимания.

Новозеландский ученый приходит далее к выводу, что океанийский Колумб происходил с островов Западной Полинезии, ибо, по данным радиоуглеродного анализа, заселение Восточной началось около 950 года.

Это интересная и убедительная гипотеза. Но кем же все-таки был мореплаватель, подаривший своему народу батат?

Сказания и генеалогические предания океанийцев, как и скандинавов, повествуют большей частью о подвигах представителей правящей верхушки, выделившейся из недр родового общества. А если путешественник не был знатен и не вел свой род от богов? Не потому ли остался он неизвестен, как тысячи и тысячи умельцев, изобретателей, художников и иных тружеников и творцов, чьему гению и дерзанию человечество обязано всем?

И сейчас простые океанийцы остаются отважными мореплавателями.

Несколько лет назад в Англии состоялось очередное ежегодное присуждение золотой медали Королевского Общества человеколюбия. Медаль выдается за величайший в пределах Содружества наций акт героизма при спасении людей. На сей раз ее получил полинезец по имени Тиху Макимаре, уроженец острова Манихики.

Приключение началось обыденно. Четверо друзей отправились на парусной лодке в плавание, которое должно было продлиться всего восемь часов. Шестидесять четыре дня спустя трое из них достигли суши, пройдя 2000 миль по величайшему из океанов.

Ветер унес лодку за 1000 миль от берега. Но это

было еще не самое страшное. Однажды люди, уже истощенные четырехнедельным плаванием и голодной диетой, очутились в воде — лодка перевернулась. Тут-то и показал себя во всем блеске ловкости, ума, сноровки и подлинной самоотверженности полинезиец Тиху Макимаре. Нырря бесчисленное число раз, он голыми руками развязал набухшие от воды узлы канатов, убрал паруса.

После этого ему удалось, снова перевернув лодку, поставить ее в нормальное положение. Между тем один из товарищей Тиху Макимаре обессилел и стал тонуть. Макимаре еще раз нырнул и вытащил его.

Приближается время, когда освободившиеся от колониального гнета океанийцы снова станут народом мореходов — подобно норвежцам, потомкам викингов Запада. Их ученые вместе с учеными других частей света полностью восстановят истину о подвигах тех, кто первыми открыл и заселил бесчисленные острова Великого океана. И тогда на картах Океании появятся имена отважных, которые донесли до нас древние сказания.

На земле маори

Итак, после переселения на Ао-теа-роа потомки полинезийских мореплавателей — маори отказались от дальних плаваний. Но прибрежные племена продолжали выходить в море на ловлю рыбы, а те, кто заселил внутренние области, совершили еще один подвиг, достойный их мужественных предков: землепроходцы-маори подробно обследовали два больших острова Новой Зеландии, стойко преодолев многочисленные препятствия, которые воздвигала на их пути природа: плоскогорья, изрезанные глубокими депрессиями, цепи крутых и высоких гор, вершины которых порою покрыты снегом, непроходимые болота. Особенно изобилует грозными преградами Южный остров — на его карте и сейчас еще имеются «белые пятна».

История исследования европейцами Новой Зеландии очень напоминает то, что происходило в Австралии. И здесь аборигены охотно делились с пришельцами своими познаниями, выручали их из бед, принимали активное участие в экспедициях, организуемых англичанами. И здесь колонизаторы оплатили местным жи-

телям злом за добро. Они использовали сведения, полученные от аборигенов или с их помощью, для того, чтобы лишить гостеприимных хозяев земель отцов и дедов. Только отчаянное сопротивление маори (война продолжалась тридцать лет — с сороковых по семидесятые годы XIX века) спасло остатки этого народа от участи австралийцев: маори отстояли часть своих земель и заставили колониальные власти признать за ними некоторые права.

Английские исследователи рано получили карту Новой Зеландии, составленную маорийским вождем Ту-ги. В 1793 году он по просьбе лейтенанта Хенсона с корабля «Дедал» нарисовал ее на полу жилого помещения. Как указывает новозеландский альпинист и историк Макклаймонт, при сравнении ее с куковской картой контуры Северного острова оказались достаточно точными; поэтому вождя убедили перечертить карту на бумагу и сделать добавления и уточнения в той ее части, которая изображала Южный остров. В глубине этого острова было указано озеро (Уакатипу), в окрестностях которого добывался камень для изготовления топориков.

Первыми европейскими исследователями внутренних районов Новой Зеландии и одновременно разведчиками колонизаторов явились миссионеры. Маори не распознали их коварных планов и оказали им всяческую помощь. В 1814 году в заливе Бей-оф-Айлендс высадился главный капеллан Нового Южного Уэльса Сэмюэл Марсден. С помощью аборигенов он проник свыше чем на 50 километров в глубь Северного острова. В дальнейшем к Марсдену присоединились миссионеры Батлер, Паки и Шеферд. Вождь Те Хинаки помог Батлеру совершить восхождение на гору Веллингтон (так было положено начало альпинизму в Новой Зеландии). В 1820 году — опять-таки при помощи маори — миссионеры совершили переход от реки Темс до Тауранги и открыли бухту Манукау.

Некоторые участники первых английских экспедиций, не выдержав тягот пути, опасно заболели и были спасены аборигенами.

Во время экспедиции 1833 года маори долго несли миссионера Уильямса по болотам. При этом аборигенами руководило не религиозное рвение — креститься они отказались, — а обычай гостеприимства.

Хорошо известно, как отблагодарили миссионеры своих друзей и спасителей. Марсден положил начало жульнической скупке земель у бесхитростных маори (сам он приобрел участок для миссии за два железных топора). Вождь племени нгапухов Хонги-Хака сообщил ему ценные сведения о внутренних районах страны, о горячих целебных источниках, больших озерах и заснеженных горных вершинах. Марсден и другие миссионеры привезли его в Лондон, где этого честолюбца снабдили огнестрельным оружием, которое он использовал для разжигания кровавых войн. А распри между маори были использованы колонизаторами для дальнейшего захвата их земель.

В сороковых годах XIX века наибольший вклад в исследование Северного острова был сделан, пожалуй, миссионером Уильямом Коленсо. В 1841 году он прошел пешком вдоль восточного берега от залива Хокк бухте Поверти. Затем отправился в глубь страны и достиг озер Таравера и Рото-Ити, окруженных горячими ключами (за двадцать лет до этого о них рассказал Марсдену Хонги-Хака). Затем он по реке Уайката спустился к Окленду на западном берегу острова и оттуда совершил морем переход к заливу Бей-оф-Айлендс.

Коленсо и на реках и на море прибегал к помощи маорийских ладей. И хотя к этому времени маори никак не могли сравниться в навигационном искусстве со своими предками-полинезийцами, английский путешественник назвал их «замечательными мореходами».

В 1844—1852 годах Коленсо жил в миссии Нейпир на восточном берегу Северного острова и тщательно исследовал его восточную окраину. В 1845 году с помощью проводника-маори, побывавшего в плену у жителей внутренней части страны, он предпринял первую попытку форсировать горный хребет Руахине. Перейти через хребет ему не удалось, но он изучил большой участок труднопроходимой местности.

Во второй половине сороковых годов на Южном острове была предпринята экспедиция, которую Макклаймонт называет «величайшим предприятием в исследовании Новой Зеландии». В 1846 году маори Кеху, землемер Бруннер и топограф Чарлз Хефи совершили две вылазки из населенного пункта Нельсон на северном берегу к западному побережью.

В феврале 1846 года Кеху повел европейцев через

горы к озеру Роторуа, которое они впервые нанесли на карту. Затем экспедиция, по-прежнему ведомая Кеху, направилась на запад к истокам реки Мэнглс и следовала по ее течению до слияния с рекой Буллер. Здесь недостаток продовольствия заставил исследователей вернуться в Нельсон. Один из участников экспедиции писал: «Кеху — первоклассный проводник по лесу. Он не только блестяще ориентируется, но и отличный стрелок... прекрасно управляет с каноэ, ловит диких птиц. Наверняка замечательно ведет себя на переправе».

В марте 1846 года Кеху, Бруннер и Хефи вышли из Нельсона, миновали бухту Голден-Бей и направились в глубину острова к реке Уэст Уангануи. Отсюда, карабкаясь по утесам, они вышли к реке Буллер, а затем взяли направление на юг, к реке Грей.

Наиболее трудное и важное в то время для науки путешествие Бруннер совершил с Кеху и его женой в 1846—1848 годах. Путешественники досконально исследовали большую часть западного побережья Южного острова, нанесли на карту все течение реки Грей и, наконец, нашли залежи угля. Маршрут, пролежавший по сильно пересеченной местности, оказался чрезвычайно тяжелым, исследователям пришлось долгое время питаться съедобными папоротниками и моллюсками. Можно сказать без преувеличения, что только благодаря обоим маори Бруннер возвратился в Нельсон. В январе 1848 года английский землемер поднялся на одну из вершин хребта Виктория. Ему показалось, что он видит вдаль на востоке Кентерберийские равнины. К счастью, маори разъяснили Бруннеру, что он ошибается, и повели его не по горам, где не было пищи, а по долине реки Инангахуа. Так они достигли Буллера. Из-за постоянной сырости и дождей Бруннер простудился, затем у него отнялась половина тела. Много дней Кеху и его жена не просто поддерживали, а буквально несли англичанина.

Однако научные результаты экспедиции Бруннера — Кеху не удовлетворили колонизаторов. Для них всего важнее было найти проходы в Южных Альпах для перегона овец с Кентерберийских равнин в северо-восточной части острова к гаваням западного побережья (цепь Южных Альп тянется вдоль всего побережья). Для решения этой проблемы геодезист Дж. Гамильтон, уже известный нам австралийский пу-

тешественник Дж. Эйр (поставленный во главе администрации Новой Зеландии) и четверо маори обследовали в конце 1849 года хребет Каикоура к северу от Кентерберийских равнин.

12 ноября они начали восхождение на самую высокую гору этого хребта — Тапуэнуку. Тринадцать часов путешественники поднимались по снегу без специального альпинистского снаряжения. Один из маори — Уирему Хоэта — сорвался со скалы и погиб. К сожалению, имя этого мученика науки никак не увековечено в Новой Зеландии. За Уирему Хоэта едва не последовали еще один маори и Дж. Эйр. Первому удалось зацепиться за скалу, второго спасла обитая железом палка. Из-за наступивших сумерек альпинисты спустились на 200 метров, а затем утром снова пошли на штурм вершины и взяли ее.

Только в 1857 году был найден проход через Южные Альпы, который столько лет искали колонисты. Сейчас он носит имя Леонарда Харпера, который пересек Южный остров с востока на запад, поднявшись по реке Хурунуи, а затем достигнув через этот проход реки Тарамакау. Следует, однако, отметить, что маори отлично знали проход Харпера под названием Хурунуи. Проводником Харпера на этом участке его маршрута был Таинуи — брат маорийского вождя Тарапухи, который встретил их у устья Тарамакау. Отсюда Харпер и Тарапухи совершили длительный переход на юг вдоль западного побережья, причем англичанин получил от маори ценные сведения о реках и горных проходах.

Вскоре на плато Отаго было обнаружено золото. Вслед за овцеводами в южную и юго-западную часть острова хлынули золотоискатели. И те и другие беззастенчиво захватывали земли коренных жителей, прогоняя прочь или уничтожая законных хозяев.

Одного прохода Харпера было явно недостаточно, чтобы пропускать к побережью и обратно во внутреннюю часть острова Южный поток людей, скота и различных грузов. Во время начавшейся золотой лихорадки было найдено еще несколько проходов через Южные Альпы. Особенно отличился английский путешественник А. Баррингтон, однако не один он. Еще Дж. Гамильтон предложил опросить маори, не знают ли они проходы через Южные Альпы. Миссионер Сток

последовал его совету и узнал таким образом о существовании прохода в верхнем течении реки Ракайя. Маори наложили на проход табу после того, как в суровую зиму при попытке форсировать Южные Альпы погибла от холода и голода группа людей. Неизмеримо большее число маори погибло впоследствии из-за того, что проходы через Южные Альпы были открыты для колонизаторов.

В Новой Зеландии и Австралии повторилась трагедия, с таким чувством описанная Фенимором Купером: честные следопыты проложили путь бессовестным захватчикам и грабителям.

В стране Папуа

Выше уже говорилось о том, что малайцы знали Австралию. Однако на карте пятой части света вы не найдете малайских названий. Ближайший сосед Австралии — огромный остров Новая Гвинея. Его юго-восточная часть, захваченная английскими колонизаторами, при передаче ее Австралийскому Союзу (1906) была переименована в Папуа. Это название (вернее, страна Папуа) дали всему острову малайские мореплаватели.

Правда, как раз в юго-восточной части острова малайцы, видимо, не бывали, но на протяжении многих столетий поддерживали постоянные контакты с населением другой его половины, которая под названием Западный Ириан входит сейчас в состав Республики Индонезии. Малайцы прозвали коренных жителей острова за их густые мелковолнистые волосы «папу́ва» — «курчавые».

На Суматре и Яве Новая Гвинея была хорошо известна уже в VIII веке, когда царь Шривиджайи — морской державы с центром на Суматре — подарил китайскому императору двух девушек из народа сенк'и. Полагают, что это слово, встречающееся и в китайских источниках, означает людей с мелковолнистыми волосами. Такие люди изображены яванскими скульпторами на памятнике зодчества XIII века — Боробудур. Длительное время Западный Ириан входил в состав индонезийского царства Маджапахит с центром

на Яве. Об этом писал китайский путешественник XII века Чжао Жу-гуа (он называл Западный Ириан «Тун-ки»). К 1365 году на Яве сложился эпос «Нагара-кортагама». В этом произведении в числе владений царя Маджапахита упоминаются Онин и Серан, расположенные на юго-западном побережье нынешнего полуострова Чендравасих в Новой Гвинее.

С XII века в торговлю со страной Папуа включились раджи Молуккских островов. Папуасы со своей стороны бывали на островах Восточной Индонезии. Случалось, что малайские работорговцы совершали нападения на папуасские селения и захватывали их жителей. В целом, однако, отношения между Западным Ирианом и азиатской частью Индонезии были вполне дружественными. На это обратил внимание Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

«Необходимо отметить,— говорил он в 1882 году,— что малайцы острова Целебес (Сулавеси.— *Авт.*), главным образом макасарцы, уже в течение трехсот-четырехсот лет имеют сношения с Новой Гвинеей, равно как и жители островов Серам-Лаут, Серам и Кей так же часто отправляются туда за невольниками, для ловли и покупки у туземцев черепахи, трепанга и жемчужных раковин. Я узнал также, что в тех частях берега Новой Гвиней, которые называются Папуа-Онин, малайцы всегда принимаются туземцами в высшей степени дружелюбно и хорошие отношения установились между ними уже издавна, так что на этих частях берега я, по всей вероятности, встретил бы смешанное население».

Несмотря на столь тесные и длительные связи между Западным Ирианом и другими островами нынешней Индонезийской Республики, первооткрывателем Новой Гвиней считается португалец Жоржи ди Менезиш. В 1526 году он был назначен заместником Молуккских островов, и направляясь с полуострова Малакка к месту новой службы, случайно прошел мимо острова Хальмахера и достиг полуострова Чендравасих в стране Папуа.

Португальцы еще раньше располагали обширной информацией об островах Индонезии и прилегающего района, полученной у малайских кормчих и картографов. Благодаря этому Родригеш, участник первой португальской экспедиции на Молуккские острова 1511 го-

да, с большой точностью нанес на карту Большие и Малые Зондские острова.

Мы не можем сейчас утверждать с полной определенностью, что Родригеш и Менезиш узнали о существовании страны Папуа от малайцев. Но это не менее вероятно, чем то, что в Португалию проникли сведения об Австралии, полученные от тех же малайцев. Примечательно, что Менезиш не дал открытому им острову нового названия, приняв, очевидно, малайское наименование «страна Папуа». Новой Гвинеей ее назвал испанский мореплаватель Иньиго Ортис де Ретес, прошедший вдоль части побережья в 1545 году. Это объясняется скорее всего тем, что португальцы тщательно скрывали географические данные, полученные от малайцев, и испанцы о них не знали.

Внутренние районы огромного острова оставались совершенно неизведанными и через триста лет после появления на картах названия «Новая Гвинея». Да и сейчас исследование страны нельзя считать законченным. Для путешественника этот тропический остров столь же труднопроходим, как и ледяные пустыни Антарктиды.

Вязкие болота, дремучие леса, крутые и обрывистые горные хребты, высокогорная местность в центре острова, разделенная множеством ущелий, — далеко не единственные преграды, которые приходится преодолевать исследователю Новой Гвинеи. Зной, тропические болезни, мириады насекомых на побережье и в долинах огромных рек, ядовитые змеи в непроходимых джунглях оберегают остров не хуже сказочных драконов.

Вот почему Николай Николаевич Миклухо-Маклай, высадившийся 20 сентября 1871 года на берегу залива Астролейб, был первым европейцем, с которым познакомилось население обширного района на северо-востоке Новой Гвинеи.

Научные достижения великого русского путешественника относятся прежде всего к области этнографии и антропологии. Немало сделал он, однако, и для географии. Лев Николаевич Толстой писал Миклухо-Маклаю: «Вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой».

Опыт, о котором говорит Л. Н. Толстой, имеет самое непосредственное отношение к географической науке, ибо наибольших успехов в исследовании неизвестных европейцам земель добивались именно те путешественники, которые умели завоевать дружбу коренного населения.

Правда, географический кругозор папуасов ограничен из-за неблагоприятных природных условий Новой Гвинеи. Однако уже Н. Н. Миклухо-Маклай обнаружил у жителей острова начатки географических познаний. Население берега Маклая знало расположение окрестных деревень, очертания близлежащих островов, бухт и заливов, направление рек. Один из друзей Николая Николаевича — папуас Туй — поправил составленный им набросок карты.

Путешественник не раз отмечал в дневниковых записях, что папуасы оказывали ему большую помощь в экскурсиях по суше и по морю. Во время своего второго пребывания в районе залива Астролейб (1876—1877) Миклухо-Маклай тщательно исследовал большой участок северо-восточного побережья Новой Гвинеи. В июле 1877 года он записал:

«Экспедиция в деревню Телята. Моя шлюпка (дынга) была слишком мала для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экскурсии. Кроме того, она была слишком плоской (низкой) и легко могла быть залита водой при большом волнении. Поэтому я нашел ее неудобной для экскурсии в Телята и решил воспользоваться одним из больших ванг Били-Били. Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно вместительную хижину на платформе, так что в одной из этих пирог я не только мог вместить все свои вещи, включая даже и висячую керосиновую лампу, но нашел место для стола и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги помещался Сале со всеми кухонными принадлежностями. Каждым вангом управляло двое людей: один парусом, другой рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой — Кисему, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливому жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята.

Они изучили эту местность, господствующие ветры, периодичность их, течения, удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил своим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем оставаться в каждой деревне столько времени, сколько это будет необходимо. Каин и Кисем объяснили мне, что все переходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным зюйд-вестом, который иногда бывает очень силен».

В этой записи папуасские друзья русского путешественника предстают как полноправные участники его экспедиции и вместе с тем как опытные мореходы.

На суше они тоже повсюду сопровождали «тамо русса», указывали путь, помогали объясняться с жителями других деревень берега Маклая.

Так же вели себя аборигены берега Папуа-Ковиай в западной части острова, где Н. Н. Миклухо-Маклай побывал в 1874 году. Здесь он открыл «большое и очень интересное озеро Камака-Валлар», которого достиг, перейдя береговой хребет. «Меня сопровождали жители гор Камака, которые называются вуоусирау», — записал он.

Еще при жизни русского друга папуасов восточная часть Новой Гвинеи была поделена между немецкими и английскими колонизаторами, а в Западном Ириане закрепились голландские захватчики. Колонизация Новой Гвинеи, как и любой другой страны, сопровождалась резней, охотой на «черных птиц», как называли работоторговцы аборигенов, порабощением тех, кто оставался в живых. К счастью для новогвинейцев, добраться до их селений в глубине страны было чрезвычайно трудно. И сейчас еще в нагорьях восточной части острова время от времени обнаруживаются неизвестные племена. Природа Новой Гвинеи спасла ее население от участи тасманийцев, маори, аборигенов Австралии.

С другой стороны, природные условия породили большую разобщенность между племенами: жители дальних селений зачастую имеют смутное понятие о

своих соседях, в одной и той же долине порою говорят на нескольких языках, всего же на острове насчитывается семьсот пятьдесят языков.

И все-таки даже на Новой Гвинее аборигены были активными участниками экспедиций, предпринятых западноевропейскими путешественниками. Именно участниками экспедиций, а не только носильщиками, без которых европейцы и американцы, кстати сказать, тоже не смогли бы ступить и шагу.

Это можно доказать на множестве примеров, но я ограничусь одним, относящимся к двадцатым годам нашего века. Речь идет о пересечении Новой Гвинее в самом широком месте с юга на север. Экспедицию возглавляли австралийские офицеры, несшие службу на территории Папуа: Чарлз Кариус и Айвен Чемпсон. Австралийский историк Гевин Саутор пишет об этой экспедиции: «Безусловно, самое важное и самое трудное из всех путешествий, когда-либо предпринимавшихся на Новой Гвинее».

Речь идет, собственно, о двух экспедициях, из которых первая (1926) закончилась неудачей, а вторая (1927—1928) увенчалась полным успехом: поднявшись по реке Флай, путешественники форсировали горные хребты, отделяющие ее от бассейна реки Сепик, по которой затем спустились к морю. Маршрут описан здесь в нескольких словах, но, чтобы проделать его, путешественникам понадобились многие месяцы.

Их путь напоминал спортивное многоборье: тут были и горы, и болота, и реки с порогами и стремнинами, по которым приходилось спускаться на плотах. Впрочем, все это было не ново для исследователей Новой Гвинее. А вот об «острых как лезвие бритвы» известняковых грядах в верховьях реки Флай, примыкающих к хребту Виктора-Эммануила, в то время также почти не исследованному, до Кариуса и Чемпсона имелись лишь отрывочные сведения. Если добавить, что глубокие трещины то и дело перерезали эти гряды и каждый неверный шаг грозил падением в бездну, то невольно вспомнишь картину Дантова ада.

Чем же можно объяснить то обстоятельство, что вторая экспедиция завершилась блестящим успехом? Ответ на этот вопрос дает в предисловии к книге Чемпсона бывший генерал-губернатор территории Папуа — Муррэй, привыкший к тому, что его подчиненные

ведут беглый огонь по аборигенам. «Отмечу один факт, который больше, нежели целые тома, говорит о такте, самообладании и мужестве участников экспедиции: за все время путешествия не было сделано ни одного выстрела. Большая часть маршрута проходила по неисследованной местности, населенной неизвестными племенами, но такт и терпение обеспечивали установление дружественных отношений с аборигенами, даже когда это казалось маловероятным». Муррэй рассказывает, что в одном месте экспедицию встретил отряд лучников, изготовившихся к стрельбе по пришельцам. Однако Кариус не поддался панике и смело направился к ним. В результате ни одна стрела не была выпущена по путешественникам. Если бы австралийские офицеры пошли на столкновение с лучниками, это, как отмечает Муррэй, вызвало бы повсеместную враждебность к ним и экспедиция закончилась бы совершенно иначе.

На судьбы экспедиции сильнейшее влияние оказало активное содействие аборигенов. Поэтому главным достижением первого путешествия надо признать наряду с открытием истока реки Флай установление дружественных контактов с жителями папуасской деревни Боливип и их вождем Тамсимарой.

Селение Боливип расположено на ближних подступах к известняковым грядам, а потому во вторую экспедицию Кариус и Чемпъон направились прямо туда. Гостеприимно встреченные Тамсимарой и другими жителями, австралийцы попросили аборигенов провести их через известняковые гряды и самый хребет Виктора-Эммануила. Тамсимара согласился и с несколькими соплеменниками примкнул к экспедиции. Подъем по едва заметным тропам был труден и изнурителен.

«Наши проводники,— пишет Чемпъон,— если и останавливались, так только для того, чтобы поддержать меня, когда я спотыкался. Это был не просто акт вежливости: один неверный шаг означал здесь падение в пропасть или смерть на известняковых остриях, подобных кольям».

При форсировании хребта Виктора-Эммануила приходилось идти на высоте до 3 километров над уровнем моря. Однако почти голые папуасы стойко переносили холод и сырость.

Наконец Тамсимара и его люди привели австралий-

цев на небольшое заросшее травую плато, откуда открывался изумительный вид. Далеко внизу на территории Западного Ириана виднелась полноводная река, стекающая с высоких гор. То был Сепик — путь к морю и к победоносному окончанию путешествия.

Выполнив свое обещание, жители Боливипа вернулись в родное селение. Об их вожде Тамсимаре Чемпьюн писал:

«Он был выдающейся личностью... Этот дикарь — джентльмен. Без него мы ходили на судно, лишившееся руля, и впоследствии часто жалели о том, что он не остался нашим проводником до конца».

Впереди экспедицию ждало еще много испытаний. В долине реки Сепик Чемпьюн повредил себе колено и наверняка погиб бы, если б не помощь новогвинейцев: участники путешествия — военнослужащие Джигори, Арура и Бариджи, а также пятеро носильщиков несколько дней несли его по горной местности. С опасностью для жизни Джигори и Арура на себе перенесли Чемпьюна по подвесному мосту через реку. В другом случае только благодаря сноровке Аруры путешественники смогли соорудить подвесной мост. Незадолго до окончания путешествия Чемпьюн едва не утонул в реке, когда плот, на котором он спускался, потерпел крушение. В последний момент, уже теряя силы, он на мгновение вынырнул на поверхность. Тут его подхватили сильные руки Джигори и вытащили на мелкое место.

17 января 1928 года в 500 милях от устья Сепика путешественники увидели зрелище, которое сначала приняли за мираж: вверх по реке поднималось экспедиционное судно «Элевала», разыскивавшее их. По словам Чемпьюна, папуасы с криками торжества налегли на весла плотов. Да, это было общее торжество аборигенов Новой Гвинеи и австралийцев английского происхождения, сумевших в этой экспедиции преодолеть расовую рознь, увидеть в папуасах равных себе людей.

СОЛНЦЕ СПРАВА

Путешествие в страну Пунт

Одно из самых замечательных произведений искусства древнего Египта — великолепные красочные рельефы в храме Дейр-аль-Бахари. Возраст их — около трех с половиной тысяч лет.

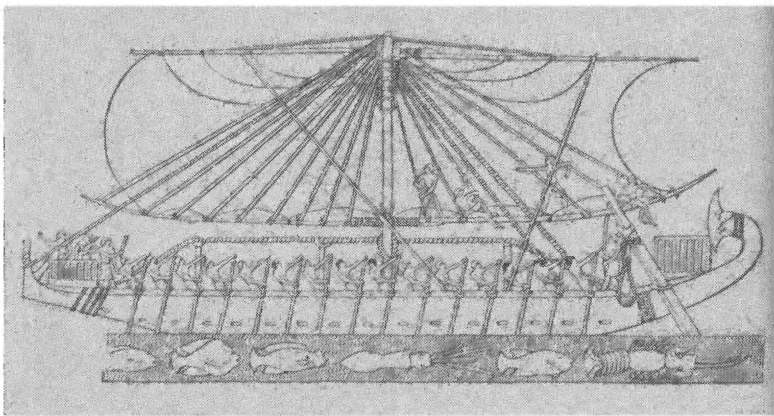
На стенах храма изображены сцены морского путешествия. Пять парусно-гребных судов готовятся к отплытию. Вот они прибывают в чужедальнюю страну, где местный правитель с супругой и свитой торжественно встречает египетских мореплавателей. Посетитель храма видит также погрузку на суда богатств страны Пунт, которые перечислены в сохранившейся надписи. Это — золото, мирра, ладан, коричневое и черное дерево, слоновая кость, шкуры леопардов, живые павианы... Жители Пунта приводят на египетские суда и рабов.

Имена мореплавателей не сохранились в надписях на стенах храма Дейр-аль-Бахари. Зато надписи прославляют царицу Хатшепсут, которая в 1516 году до н. э. направила торговую экспедицию в Пунт.

Местонахождение этой таинственной страны долгое время вызывало споры среди историков и других ученых. В настоящее время преобладает мнение, что Пунт — это современный мыс Рас-Хафун (10 градусов северной широты), расположенный несколько южнее мыса Гвардафуй на восточном побережье Африки, омываемом Индийским океаном, на территории Республики Сомали.

Первое известие о стране Пунт относится к 2900 году. По крайней мере с 2600 года египтяне стали вывозить оттуда золото. Оно добывалось, вероятно, в междуречье Голубого Нила и Собата.

Экспедиция царицы Хатшепсут состоялась после

Древнеегипетский корабль (рельеф в храме Дейр-аль-Бахари)

трехвекового перерыва, вызванного событиями внутренней истории Египта, а затем нашествием варваров — гиксосов. Свержение их владычества сопровождалось возрождением былой мощи древнеегипетского государства. Естественно, что взоры царицы Хатшепсут — смелой и предприимчивой правительницы — обратились к Пунту. Правда, надпись на стене храма утверждает, что прежде египтяне в Пунт не плавали и знали о нем только понаслышке, но это, вероятно, измышление придворного летописца, стремившегося возвеличить свою повелительницу.

Надо думать, что из богатств Пунта царицу интересовало прежде всего золото, для взвешивания которого участники экспедиции взяли с собой специальные весы. Но хотя надпись упоминает о доставке золота и драгоценных камней, больше всего внимания уделяется, так сказать, ботаническим интересам царицы. Хатшепсут задумала посадить на террасе храма Дейр-аль-Бахари благовонную мирру, которая в Египте не растет, но была доставлена в эту страну из Пунта первыми экспедициями. Посланцы царицы привезли с собой тридцать одно дерево в кадках. Расстояние от древнеегипетских гаваней на Красном море до района Гвардафуй — около 1100 миль. При попутных ветрах корабли царицы Хатшепсут могли пройти этот путь за два-три месяца.

Древнейшие плаванья египтян из красноморских портов в страну Пунт были первыми исследовательскими экспедициями в Африке. И предпринимали их не пришельцы с других материков, а сами африканцы.

Какое значение имели эти экспедиции для истории географических открытий? На первый взгляд — никакого. Ведь даже местонахождение таинственной страны Пунт нельзя считать окончательно установленным. И тем не менее открытия, сделанные народами древности, самым причудливым образом влияли на путешественников и мореплавателей позднейших веков.

Тысячелетия назад египетские суда совершали плаванья к берегам не только Восточной Африки, но и Передней Азии. С восточного побережья Средиземного моря вывозили знаменитый ливанский кедр, из которого строили суда для морских путешествий.

Во II тысячелетии до н. э. египтяне господствовали над финикийскими городами, расположенными на побережье современной Сирии. В дальнейшем эти города завоевали независимость и превратились в крупнейшие центры международной торговли.

Финикийцам стало тесно в Средиземном море, и суда их вышли в Атлантику. В то же время они устремились и на восток. Ослабленный Египет не мог противодействовать торговой экспансии финикийцев, но он еще владел территорией, включавшей Суэцкий перешеек. Чтобы преодолеть это препятствие и выйти в Красное море, вчерашние данники Египта нашли базу за его пределами: порт Эцион-Гебер (близ нынешней Акабы) на побережье залива Красного моря. В то время порт принадлежал израильско-иудейскому государству, жители которого не были искушены в мореплавании. Это открывало путь к совместным экспедициям.

В Библии описано несколько таких экспедиций. Важнейшая из них происходила около 945 года до н. э. Она была предпринята Хирамом, царем финикийского города Тира, и царем израильско-иудейского государства Соломоном. Корабли их благополучно прибыли в страну Офир, а затем вернулись в Эцион-Гебер и доставили огромное количество золота, а также драгоценные камни, серебро, слоновую кость, обезьян, павлинов.

Где же находилась страна Офир? По этому поводу

еще больше споров, чем о стране Пунт. Офир искали и в Азии, и в Африке, и в Америке, и даже в Океании («Соломоновы острова»). И сейчас еще многие ученые помещают его в Западную Индию. Другие полагают, что библейский Офир — это древнеегипетский Пунт. Такой точки зрения придерживаются, в частности, советские ученые А. Кифишин, Ю. Кобищанов, И. Андреев.

По-видимому, могут быть правы и те и другие. Анализ названий предметов, привезенных из Офира, показывает, что эта местность находилась, очевидно, в устье Инда. Однако Индия не вывозила золота. Наоборот, на протяжении многих веков она сама ввозила этот металл из Африки. Но ведь по пути в Индию или обратно финикийско-израильская экспедиция могла побывать в Пунте — стране золота.

Где бы ни находилась страна Офир, библейский рассказ на протяжении многих столетий будил воображение (и возбуждал алчность) европейцев. В средние века Библия была настольной книгой образованных людей Западной Европы. И вот из этой книги, каждое слово которой считалось священным, они узнавали, что где-то на Востоке лежит сказочно богатая страна, до которой можно добраться морем. Сам Христофор Колумб, отправляясь в океан, тешил себя надеждой достигнуть страны Офир, которую он отождествлял с Индией.

Еще большее значение для будущих географических открытий имела финикийско-египетская экспедиция, которая состоялась за семьдесят лет до завоевания древнего Египта персами.

Речь идет о плавании финикийян вокруг Африки, предпринятом в 596—594 годах до н. э. по поручению фараона Нехо.

Нехо правильно оценил возможности финикийян. К этому времени их суда превзошли египетские. Суда египтян были чаще всего гребными, финикийские же обычно ходили под парусами, а весла употребляли только при затишьи. Случалось, хотя и редко, что финикийяне отваживались выходить в открытое море, ориентируясь по созвездию Малой Медведицы.

К сожалению, не сохранилось никаких сведений, восходящих непосредственно к участникам или организаторам египетско-финикийской экспедиции. До нас

дошли только скудные данные, записанные «отцом истории» Геродотом. Историк побывал в Египте спустя сто с лишним лет после описываемого плавания.

Поэтому его рассказ вызывал серьезные сомнения. Некоторые западные исследователи и сейчас относятся к свидетельству Геродота более чем критически.

Сообщение Геродота настолько кратко, что его нетрудно привести полностью:

«Ливия, оказывается, кругом омываема водою, за исключением той части, где она граничит с Азией; первый доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив, он отправляет финикийян на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы столпы, пока не войдут в Северное море и не придут в Египет. Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы; по уборке хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геракловы столпы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны»*.

Сведения, показавшиеся Геродоту неправдоподобными, наиболее убедительно доказывают достоверность приведенного им рассказа египетских жрецов. Как известно, солнце движется не по экватору, а по эклиптике, наклоненной на $23\frac{1}{2}$ градуса к экватору. Поэтому к северу от тропика Рака ($23\frac{1}{2}$ градуса северной широты), а значит, и в Греции и в Египте, чтобы увидеть восход солнца, нужно встать лицом к югу. И тогда дневное светило взойдет слева от наблюдателя. А в той части Африки, которая лежит к югу от тропика Козерога, нужно встать лицом к северу — и солнце взойдет справа.

Иное положение между тропиками. Здесь в зависимости от времени года и широты места наблюдателю придется встать лицом либо к югу, либо к северу, и то-

* Ливия — древнегреческое название Африки. Аравийский залив — современное Красное море. Эритрейским морем Геродот называет то Красное море, то омывающую Африку часть Индийского океана, Северным морем — Средиземное.

гда он увидит солнце восходящим либо слева, либо справа.

Исходя из этого, английский автор Дж. О. Томсон в своей книге о древней географии ставит под сомнение рассказ Геродота. «Почему многие так уверены, что повествование о путешествии не может быть выдумкой? Разве не были уже хорошо известны места далеко к югу от тропика (северного.— *Авт.*), вроде Мероэ?» — спрашивает он.

Действительно, Мероэ, то есть область шестого нильского порога, было хорошо известно египтянам. С другой стороны, мореплаватели древнего Египта сталкивались с описанным явлением уже в Красном море.

Спрашивается, однако: если повествование о путешествии вокруг Африки — выдумка, то откуда древним египтянам было известно, что такое плавание возможно? И далее: зачем понадобилось информаторам Геродота вводить в заблуждение греческого путешественника? Чтобы произвести на него впечатление успехами родной страны, они, очевидно, приписали бы «плавание кругом Ливии» своим соотечественникам, а не финикиянам.

«Если вспомнить, какие огромные расстояния часто преодолевали малайцы в Тихом океане на самых примитивных судах, то не приходится сомневаться в возможности плавания вокруг Африки», — пишет по поводу сообщения Геродота Рихард Хенниг. Вместо «малайцы» здесь надо поставить «микронезийцы» или «полинезийцы», тогда этот аргумент станет особенно убедительным.

О достоверности рассказа Геродота надо судить также в свете последующей истории географических открытий. В древневосточных деспотиях подобные экспедиции могли снаряжаться только по приказу или капризу правителя. Для государственного деятеля масштаба Нехо (вспомним его попытку восстановить канал, соединяющий Нил с Красным морем) подобная инициатива была естественной. Преемники же его могли отказаться от организации новых экспедиций вокруг Африки хотя бы потому, что первая не принесла ощутимых практических результатов, а на интересовавший Нехо вопрос о том, можно ли обойти вокруг Африки морем, ответ был уже получен.

Во всяком случае, в эпоху, следовавшую за путешествием финикийян, возможность такого плавания не подвергалась сомнению ни в Азии, ни в Африке. Это видно из сообщений Геродота и других древних авторов о попытке персидского царевича Сатаспа около 470 года до н. э. повторить путешествие, но в обратном направлении, выйдя из Средиземного моря.

По мнению Хеннига, из этой попытки ничего не вышло; Сатасп был человек легкомысленный и, кроме того, не смог бы прорвать блокаду Гибралтарского пролива, которую в VI веке до н. э. установили карфагеняне, чтобы укрепить свою торговую гегемонию.

Для нас, однако, имеют значение не столько реальные результаты плавания Сатаспа, сколько уверенность персидского двора в том, что вокруг Африки можно обойти морем. Между тем от увенчавшегося успехом путешествия финикийян до неудачного предприятия Сатаспа прошло свыше ста лет. Обращает на себя внимание и тот факт, что Сатасп отплыл на египетском судне с египетской командой. Очевидно, в Египте не забыли о финикийской экспедиции, предпринятой по приказу фараона Нехо, и считали возможным повторить ее собственными силами. Важно и то, что Геродот побывал в Египте всего через двадцать лет после авантюры Сатаспа и, следовательно, его рассказ о ней никак не может быть отнесен к категории древних мифов.

В промежутке между плаваниями финикийян и персидского царевича произошло еще одно событие, которое, возможно, было связано с успехом первого.

Около 530 года до н. э. у берегов Западной Африки побывала экспедиция Карфагена, финикийского города, превратившегося к VI веку в могучую державу с первоклассным для того времени флотом. Некоторые ученые ставят под сомнение достоверность сведений об этой экспедиции. К сожалению, до нас дошла лишь часть храмовой надписи, посвященной этому предприятию. Из нее видно, что карфагенский флот, возглавляемый Ганноном, имел целью основать на побережье Африки цепь поселений. Этим, однако, едва ли ограничивались задачи экспедиции. Так, римский естествоиспытатель Плиний указывал, что Ганнон «получил приказание разведать очертания берегов Африки». Другой римский автор, Помпоний Мела, подчеркивает,

ссылаясь на надпись, составленную, видимо, самим Ганноном, что карфагенянин обогнул большую часть Африки и вернулся «не потому, что прекратилось море, а потому, что ему не хватило съестных припасов».

Ганнону, очевидно, не понадобилось бы давать объяснения, звучащие как оправдание, если бы он должен был только исследовать и заселить ограниченный участок побережья Западной Африки: эту задачу он выполнил полностью, дойдя, как полагают, до вулкана Камерун — самой высокой горы западного побережья Африки. А вот если Ганнон намеревался повторить подвиг своих финикийских родичей (о котором, конечно, знал), то ему, естественно, нужно было разъяснить потомству, почему это оказалось невозможным.

Кстати, анализ надписи в карфагенском храме приносит все новые и новые доказательства ее достоверности. Долгое время строки: «носились мы четыре дня и ночью увидели землю, полную пламени», «днем это оказалось величайшей горой», «через три дня, проплыв пламенные потоки...» и т. д. — вызывали недоумение. Теперь, однако, все разъяснилось. Как отмечает Р. Хенниг, «извержение вулкана, которое, по-видимому, наблюдал Ганнон, ни в каком другом месте Западной Африки, кроме района горы Камерун, произойти не могло», ибо «никакого другого вулкана, действующего или извергавшегося в близкую к нам геологическую эпоху, на западном побережье Африки нет, нет там и никакой другой горы высотой несколько сот метров».

Финикийско-египетская экспедиция вокруг Африки и плавание карфагенянина Ганнона имели всемирно-историческое значение.

Что бы ни писали потом кабинетные ученые, среди мореплавателей во все века находились люди, знавшие твердо: если не считать Суэцкий перешеек, Африка представляет собой остров, Индийский океан сообщается с Атлантическим. От I века н. э. до нас дошло любопытнейшее сочинение неизвестного египетского купца — «Перипл Эритрейского моря». Это нечто вроде руководства по торговле и мореплаванию в Индийском океане. Автор его не знал ничего определенного о Восточной Африке к югу от Занзибара. Тем не менее он категорически заявляет: «Далее за этими местами простирающийся океан не исследован: он погибает на

Запад и, простираясь вдоль отдаленных частей Эфиопии, Ливии и Африки по направлению к югу, соединяется с Гесперийским морем» (Атлантическим океаном).

Достижения древних мореплавателей, ставшие известными благодаря античным авторам, во многом облегчили португальцам исследование побережья Тропической Африки и открытие морского пути из Европы в Индию.

Дж. Томсон, ставящий под сомнение известие о плавании Ганнона, тем не менее пишет: «Когда Генрих Мореплаватель (принц Энрики.— *Авт.*) вдохновил португальцев на то, чтобы обогнуть «непроходимый» мыс Божадор (Бохадор.— *Авт.*), им понадобилось около сорока лет для прохождения пути, который Ганнон проделал без всякой подготовки. Сам Генрих, между прочим, верил в то, что древние плавали вокруг Африки, и эта уверенность придавала ему смелость в задуманном деле. Однако он не имел правильного представления о величине этого материка. При Генрихе получила распространение искаженная версия Плиния о том, что Ганнон доплыл до Аравии».

Таким образом, не только действительные подвиги Ганнона, но и преувеличенные представления о них играли положительную роль чуть ли не две тысячи лет спустя. Кстати, «искаженная версия Плиния» возникла, надо думать, под влиянием сообщения Геродота о финикийско-египетской экспедиции VI века до н. э.

Непреходящее значение имело также исследование финикийцами и карфагенянами (а равно и греками) побережья Северной Африки к западу от Египта.

В этой главе я коснусь только исследования ими той части Северной Африки, которая именуется сейчас Магрибом.

Читатели Гомера, конечно, помнят злоключения критянина Евмея, которого финикийский компаньон по торговым делам едва не увез на своем корабле в Ливию, чтобы там продать в рабство. Этот эпизод, как и брань Евмея по адресу мошенника-финикийца, отражает борьбу за господство в средиземноморской торговле между приморскими городами современной Сирии и жителями острова Крит. По мнению советского исследователя И. Ш. Шифмана, текст гомеровского эпоса, сложившийся в IX—VIII веках до н. э., отражает

и те особенности жизни Греции, которые были характерны для более раннего времени — периода крито-микенской культуры. Из этого он делает вывод о наличии весьма ранних торговых связей финикийян с Северной Африкой. В пользу его предположения говорит тот факт, что с Южной Испанией такие связи были установлены уже в XIII—XII веках до н. э.

Первую свою колонию в Африке финикийяне — жители Тира основали на ближних подступах к Пиренейскому полуострову за Гибралтаром, то есть в современном Марокко. Город этот был расположен на правом берегу реки Ликс (Лукус). Его существование доказано археологами, которые раскопали остатки финикийской городской стены из массивных блоков.

Вслед за этим финикийские торговые поселения появились и на Средиземноморском побережье Магриба. Так, молодыми тирийцами была основана Утика (по мнению И. Ш. Шифмана — в 1112 году до н. э.). За нею последовали Гиппон, Хадрумет и Лептис.

Сейчас мало кто вспоминает об этих поселениях, но и школьникам известен древний Карфаген. «Годом рождения» этой крупнейшей и важнейшей финикийской колонии считают теперь 825 год до н. э. В дальнейшем Карфаген стал центром сильного государства, граждане которого много сделали для исследования родного материка, и прежде всего территории современных Туниса и Алжира. Именно карфагеняне были учителями своих врагов и губителей — римлян — в области мореходства.

Финикийяне обычно довольствовались созданием колоний на морском побережье и особенно в устьях рек. Они сравнительно редко проникали в глубь материка, хотя в нынешнем веке были обнаружены три караванные дороги, которые соединяли Лептис (на побережье Большого Сирта) с сахарскими оазисами Гадамес, Мурзук и Мизда.

Карфагеняне как создатели государства стремились укрепиться на обширной территории, населенной ливийскими племенами, и осваивали внутренние области Северо-Западной Африки. Вдали от моря, на территории Туниса, пунийские поселения существовали в пунктах Смират, Аль-Кениссия, Сиди-аль-Хани, Гурса, Загуан, Тебурсук, Беджа, Матер, Тебурба.

В глубине современного Алжира карфагеняне осно-

вали Цирту, ставшую впоследствии столицей нумидийских царей.

Разгром Карфагена римскими завоевателями сопровождался гибелью пунической культуры. Однако географические познания карфагенян были восприняты римлянами, распространившими свою власть на все владения побежденных.

В Атлантике финикияне открыли (до 800 года до н. э.) Канарские острова и Мадейру, которые по существующей географической классификации относятся к Африке. Описание благодатного климата и плодородия острова, открытого финикиянами «в середине океана, против Африки» (Диодор Сицилийский), живо напоминает Мадейру, являющуюся в настоящее время климатическим курортом мирового значения.

Что касается Канарских островов, то особый интерес представляет сообщение Плиния о красильне, устроенной там незадолго до нашей эры мавританским царем Юбой II, владения которого находились в Северо-Западной Африке. Этот царь был, кстати, ученым-географом. Труды его до нас не дошли, но о них с уважением отзывались выдающиеся географы древности Страбон и Помпоний Мела.

«Производство славившегося в древности тирского пурпура всегда было окружено тайной, по сей день нераскрытой,— пишет Р. Хенниг.— При помощи одной пурпурницы, известной и доступной другим средиземноморским народам, финикияне не смогли бы производить свои прекрасные в техническом отношении и славившиеся повсюду пурпурные ткани. Между тем на Канарских островах имелся лишайник, так называемый орсель, содержащий краситель весьма высокого качества и в очень большом количестве. Эту группу при Юбе и Плинии называли „Пурпурными островами“».

Р. Хенниг пытается принизить значение финикийских открытий, утверждая, что важнейшие острова из Канарской группы и Мадейра открыты не финикиянами, а критянами.

«Казавшаяся некогда столь гордой слава финикиян все больше меркнет»,— замечает он.

Для подобного вывода нет оснований. Ведь Р. Хенниг не отрицает, что в древности Канарские острова и Мадейра посещались и финикиянами, и карфагенянами, и автохтонами Северо-Западной Африки.

В открытии и заселении Мадейры и Канарских островов участвовали различные народы Азии и Африки, включая и финикийн. Если в этом славном деле приняли участие и европейцы (критяне), то тем лучше. От этого ничья слава не меркнет.

Вверх по Нилу

Корабли, на которых древние египтяне бороздили Средиземное и Красное моря, — прямые потомки нильских речных судов. Условия плавания по Нилу благоприятствуют парусникам, так как большую часть года в направлении верховий реки дует попутный ветер. Характерно, что и на морских кораблях египтян широкий парус на изогнутых реях ставился только при ветре в корму. Правда, большим препятствием для судоходства были нильские пороги, но для строителей пирамид перевозка деревянных судов по суше, в обход порогов, не представляла особых трудностей.

Столетие за столетием египтяне продвигались все дальше на юг, вступая в соприкосновение с народами негроидной расы. Уже в эпоху Древнего царства (III тысячелетие до н. э.) они достигли Первого порога — примерно в 550 километрах вверх по реке от дельты Нила. Имя фараона Усеркафа было выбито на скалах у Асуана, где ныне наследники древних египтян воздвигли с помощью советских друзей грандиозную плотину для орошения пустыни и производства электрической энергии. Его преемник Сахура организовал первую известную экспедицию в страну Пунт. Таким образом, египтяне одновременно продвигались вверх по Нилу и вдоль побережья Красного моря.

Усеркаф — основатель пятой династии. При следующей династии египтяне преодолевали Первый порог и направились дальше вверх по реке. Крупнейшим путешественником этой эпохи был Хуфхор — правитель нома (области) Первого порога, живший в середине III тысячелетия до н. э. Он четыре раза поднимался вверх по Нилу, причем каждый поход продолжался семь-восемь месяцев. О том, как далеко заходил Хуфхор в глубь Африки, можно судить по списку товаров, которые он привозил с собой. Среди них — черное де-

рево, слоновая кость. Следовательно, номарх пересекал нынешнюю южную границу пустыни.

Особый интерес представляет письмо к нему фараона — ребенка Пиопи II, который вступил на престол в 2500 году. Письмо это приведено в автобиографической надписи Хуфхора в его гробнице. Пиопи II выражает радость по поводу того, что Хуфхор доставил ко двору фараона живого пигмея.

Откуда взялся пигмей? Несколько тысячелетий спустя — в 1870 году — немецкий путешественник Швейнфурт обнаружил на южной окраине нильских болот племени пигмеев (акка). Болота расположены между 8 и 10-м градусами северной широты.

Но даже если Хуфхор не добрался до болот, а купил пигмея где-то севернее, нет сомнений в том, что нильские болота были известны древним египтянам. Об этом можно заключить по надписи Рамсеса II Великого в Луксорском храме:

«Южные области земли негров, простирающиеся так далеко, как болота».

В истории древнего Египта периоды подъема чередовались с периодами упадка. Укрепление могущества древнеегипетского государства всякий раз сопровождалось дальнейшим продвижением на юг.

В период Среднего царства, который начался в конце III тысячелетия и закончился около 1600 года до н. э. владения фараонов достигли Второго нильского порога, где ныне проходит граница между Объединенной Арабской Республикой и Республикой Судан.

В эпоху расцвета Нового царства (XVI век до н. э.) южный рубеж Египта достиг Четвертого порога. Особенно много сделал для этого фараон Тутмос I (1538—1525). Он предпринял большой поход на юг, добрался до обширной излучины Нила, начинающейся у Донголы, и миновал Четвертый порог. Крайняя южная точка, достигнутая Тутмосом I, — это Кургус, где он выбил надпись. Кургус находится примерно в 500 километрах от нынешней столицы Судана — Хартума.

Власть Египта распространялась и на восток. В середине II тысячелетия египетские войска заняли Северную Нубию, где местные жители уже добывали золото в районах Уауат и Куш. Здесь они узнали, что в глубине Нубийской пустыни находится богатейшая страна золота — Акита.

О том, что эта страна была покорена фараонами, известно давно. На папирусе, появившемся около 1400 года до н. э., даже изображен рудничный поселок в Нубийской пустыне, населенный рабами и осужденными. Путь через безводную каменистую пустыню начинался у селения Кубаи на берегу Нила. Дальше до самой Акиты заpastись водой было негде. Легко представить себе, сколько невольных землепроходцев погибло на этом пути! В 1282 году до н. э. фараон Рамсес II повелел вырыть в пустыне артезианский колодец с цистернами для воды. Приказание его было выполнено.

Ученым долго не удавалось найти никаких следов замечательного сооружения. Лишь в 1960 году загадка тысячелетий была успешно решена советскими археологами. Экспедиция под руководством Б. Б. Пиотровского нашла остатки стены, построенной при Рамсесе II, с прославляющей его надписью. Что же касается остатков колодца, то, как выяснилось, они существовали еще в прошлом веке. При подавлении восстания махдистов в Восточном Судане английские каратели сровняли их с землей.

Походы фараонов имели захватнический, грабительский характер. Однако они несли покоренным не только бич надсмотрщика, но и достижения замечательной культуры, созданной африканским народом древнего Египта. Эти достижения помогли поработенному населению современного Судана свергнуть иго фараонов, создать собственные культурные государства, что в свою очередь привело к дальнейшему расширению географического кругозора древних.

Воспользовавшись ослаблением Нового царства, древние суданцы отложились от него и даже завоевали на время самый Египет (VIII век до н. э.). Центром нового государства была Напата, расположенная близ Четвертого порога. В Напатском царстве преобладали представители негроидной расы. Роль негроидных элементов особенно усилилась, когда столица напатских царей была перенесена в Мероэ, то есть в область Шестого нильского порога.

Государство Мероэ, где процветали техника и искусство, было хорошо известно ученым древнего мира. Знаменитый астроном и географ Клавдий Птолемей, творивший в Египте уже в эпоху римского владычества

(II век н. э.), дал следующий заголовок десятой главе своего труда «Руководство по географии»: «Не следует считать, что эфиопы находятся южнее параллели, соответствующей по ту сторону экватора параллели Мероэ». В этой главе он ссылается на сообщения «ездивших туда», то есть в Мероэ. Связи этого государства с Египтом не прерывались до IV века н. э., когда Мероэ было разгромлено царем Аксума (в современной Эфиопии).

Еще больший интерес представляют сведения Птолемея об истоках Нила. Он упоминает о больших озерах в верховьях Нила и о Лунных горах, с которых стекает река. Только в XIX веке подтвердилась правильность этих данных. Нил действительно протекает через крупные озера, а один из рукавов Белого Нила (в верхнем его течении) берет начало в ледниках хребта Рувензори.

Вероятно, сведения об истоках Нила, о великих озерах и высоких горах в глубине Африки достигли Египта через мореплавателей, посещавших порты Восточной Африки на Индийском океане. И в древности и в средние века между этим побережьем и другими странами Индоокеанского бассейна существовали довольно тесные связи.

Бывалые моряки имели довольно верное представление о географии значительной части Африканского материка. Это нашло отражение и в таких деловых руководствах, как «Перипл Эритрейского моря», и в художественной литературе.

В конце X века н. э. в одном из городов Южной Месопотамии или Южного Ирана появилось на арабском языке произведение Бузург ибн Шахрияра «Чудеса Индии». Автор их участвовал, видимо, только в каботажных плаваниях, но водил дружбу и с моряками, которые бесстрашно пускались в открытое море и пересекали безбрежный океан. Рассказы этих смелых людей, обработанные Бузург ибн Шахрияром, составили книгу «Чудеса Индии». Разумеется, по обычаю того времени как сами рассказчики, так и автор приложили к былям немало небылиц. Но все же из этой книги можно извлечь немало ценных сведений о внутренних районах Африки.

Вот что поведал автору капитан дальнего плавания араб Исмаилуйя из Омана. Однажды корабль его был

занесен ветром в страну зинджей. Так арабы называли весь берег Восточной Африки от Сомали до Мозамбика, населенный народами негроидной расы. Исмаилуя и его товарищи никогда на этом берегу не бывали и решили, что африканцы непременно их съедят: недаром у этих людей кожа черного цвета. Но хозяева встретили гостей радушно, разрешили им свободно торговать. В то время многие купцы были одновременно морскими пиратами. Такими оказались и мореплаватели, прибывшие в страну зинджей. Они похитили царя зинджей и за 100 граммов золота продали в рабство.

Прошло много лет... Те же купцы снова приплыли в знакомую страну — теперь они уже не боялись, что их съедят. Каково же было их удивление, когда правителем этой страны оказался тот самый человек, которого они продали в рабство! Царь сумел бежать из плена и вернуться на родину. Каким путем? Не хорошо известным морским, а никому не ведомым сухопутным!

Из Омана, где купцы продали царя зинджей на рынке рабов, он был увезен своим хозяином в Басру, а затем в Багдад. Из Багдада он бежал с караваном паломников в Мекку, а оттуда пробрался с другим караваном в Египет. В Египте он увидел Нил и спросил, где находятся истоки этой великой реки. Ему ответили, что Нил вытекает из страны зинджей.

Царь двинулся вверх по Нилу. Затем, переходя из области в область, он наконец вышел на берег моря и на корабле вернулся в родные места.

Разумеется, рассказ не дает оснований предполагать, что какой-то африканец действительно проделал описанное в нем путешествие. Однако ясно, что арабским и персидским морякам, ходившим в Африку, было кое-что известно и за пределами побережья. Они, конечно, не знали точно, где находятся истоки Нила (рассказчик помещает их в районе Асуана), но направление его течения в книге указано правильно. Справедливо и то, что из района истоков Нила не так уж трудно добраться до побережья Индийского океана. Почти тысячу лет спустя — уже в XIX веке — осуществимость путешествия, которое приписал Бузург ибн Шахрияр царю зинджей, была доказана на практике.

Известия о Лунных горах вдохновляли путешественников XIX века. Вулканический хребет Рувензори был открыт Г. Стэнли. «Под боком у нас, — писал он, —

высились громадные горы, покрытые вечным снегом, которые, по-моему, должны быть те самые Лунные горы, о которых говорит предание».

Разумеется, нет никаких оснований полагать, будто древние египтяне сами побывали в этих местах. Однако предания, записанные Птолемеем — а он жил и трудился в Александрии, — показывают, сколь обширна была территория, о которой они имели некоторое представление.

Отдельные ученые Запада, не довольствуясь фактами, создают фантастические версии о проникновении египтян (или финикийцев) в различные области Южной и Тропической Африки, где они якобы добывали золото.

Советские африканисты Д. А. Ольдерогге и М. А. Коростовцев доказали несостоятельность этих домыслов, равно как и попыток объявить все достижения народов негроидной расы заимствованиями у белых. Прежде такие теории непосредственно служили колонизаторам, теперь же они призваны вбить клин между народами Северной и Тропической Африки и, следовательно, служат неокolonизаторам.

Разумеется, высокая культура Египта оказывала известное, притом благотворное, влияние на народы Африки к югу от Сахары, особенно в Напате и Мероэ. Однако не этим объясняется сходство или даже тождество многих обрядов и верований у древних египтян и, скажем, негроидного населения Западной Африки. Общность эта восходит к глубочайшей древности и распространена у ряда племен и народов.

Культура народов Африки, принадлежащих к различным расам, имеет общую подпочву. Это культурный субстрат, созданный некогда совместными усилиями белых и черных африканцев. Колыбелью древнейшей африканской культуры явилась, очевидно, Сахара.

Гостеприимная Сахара

Примерно восемь тысяч лет назад Сахара не походила на пустыню. На месте сыпучих песков шумели леса, бродили слоны, жирафы, носороги. Большие реки несли свои воды в обширное, ныне не существующее

озеро близ современного города Томбукту на южной окраине пустыни.

Древнейшие жители Сахары были охотниками. Они не знали письменности, но умели живо и выразительно рассказать о себе потомкам. Их рассказы — это замечательные наскальные рисунки, сохранившиеся до наших дней. Первые рисунки на скалах были сделаны около шести тысяч лет назад. По ним можно проследить, как менялись природа Сахары и населявшие ее люди. Постепенно исчезали животные тропического леса, их место заняли обитатели лесостепи — антилопы, газели, дикие кабаны и ослы. Наконец появился крупный рогатый скот и овцы. Рядом с этими животными на рисунках помещены уже не только охотники, но и пастухи, а также земледельцы. На более близких к нам по времени рисунках изображаются колесницы с конями в упряжке, а на еще более поздних появляется «корабль пустыни» — неприхотливый верблюд.

Искусство древней Сахары рассказывает о родстве культур Африканского материка. Наскальные рисунки знакомят нас и с грозными масками, в которых танцевали, да и сейчас танцуют жители Центральной Африки, и с прическами, какие носили некогда женщины Египта. У древней танцовщицы, «Белой госпожи Сахары», многочисленные украшения на руках и ногах напоминают те, какие и теперь еще можно видеть на африканцах негроидной расы, которые живут сейчас к югу от Сахары, откуда они откочевали в незапамятные времена. Быть может, переселение связано с высыханием Сахары, которое началось в IV тысячелетии до н. э. В таком случае представители негроидной расы последовали за великими реками, которые ушли из Сахары, капризно избрав себе другие русла. Как уже упоминалось, древние египтяне восстановили контакты с этими народами только в середине II тысячелетия до н. э.

С I тысячелетия н. э. Сахара стала серьезным препятствием для общения между народами. Однако жители ее не отступили перед стихией, сумели преодолеть это препятствие, оказав неоценимую услугу международной торговле и распространению географических знаний.

Как отметил английский ученый Бовилл, автор исследования о транссахарской торговле, «обмену това-

рами сопутствовал обмен идеями и знаниями, прежде всего знаниями географическими».

Эти знания столетиями собирались по крупицам аборигенами Северной Африки. Прокладке новых караванных путей предшествовали, видимо, разведывательные экспедиции.

Об одной такой экспедиции услышал Геродот во время посещения греческой колонии Кирены в нынешней Ливии. Пятеро насамонов (племя это жило в пустыне и на побережье к югу от обоих Сиртов) совершили переход через Сахару, держа путь на запад. Миновав затем обширнейшие болота, они достигли города, населенного людьми с черной кожей. Мимо города в направлении с запада на восток протекала большая река, в ней водились крокодилы.

Долгое время существовало единодушное мнение, что насамоны достигли великой африканской реки Нигер в районе нынешнего города Томбукту. В дальнейшем, однако, некоторые немецкие ученые — на них ссылается Р. Хенниг — раскритиковали эту версию. По их мнению, насамоны достигли всего лишь района Феццана, подлинного Нигера древние вообще не знали, а Плиний, Птолемей и другие древние авторы принимали за Нигер реку Уэд-Гир, протекающую в районе Атласа.

В греческом городе-колонии Кирене Геродот услышал не только о насамонах, но и о гарамантах — жителях Феццана, которые широко пользовались колесницами, запряженными лошадьми.

Это сообщение Геродота представлялось фантастическим многим из тех, кто принял на веру рассказ о насамонах.

Сейчас, однако, версия о гарамантских колесницах не может быть подвергнута сомнению. «От Феццана до Нигера и от Нигера до Марокко на скалах вдоль нынешних караванных путей встречаются изображения колесниц, которыми широко пользовались гараманты», — говорится в коллективном труде советских ученых «Народы Африки». На этом основании можно заключить, что в I тысячелетии до н. э. лошадь была широко распространена по всей Западной Сахаре. Зоологи считают, что эти кони — местной породы, прирученной именно в Западной Сахаре.

По мнению английского африканиста Б. Дэвидсона, трансафриканский маршрут, соединявший район сред-

него Нигера с районом Красного моря, существовал в древнейшие времена. «Даже в наши дни тысячи паломников из Нигерии ежегодно отправляются по этому пути к Красному морю и обратно. А две тысячи лет назад (то есть как раз в эпоху, к которой относится путешествие насамонов.— *Авт.*) климат и растительность гораздо больше благоприятствовали путешественникам».

С другой стороны, современные критики рассказа о насамонах признают, что те добрались до Феццана. Но ведь Феццан и есть скорее всего страна гарамантов, чьи колесницы определенно достигали Нигера. Это доказывается наскальными изображениями. Почему же насамоны не могли воспользоваться караванным путем тех же гарамантов?

Если бы Геродот посетил Феццан, античная географическая наука бесспорно пополнилась бы важнейшими сведениями о странах Западной Африки, включая долину Нигера. Однако добраться до Феццана из Кирены было почти невозможно.

К тому времени, когда Геродот побывал в Африке, на территории современного Туниса и Алжира уже существовала могучая карфагенская держава. Один из античных авторов передает, что карфагенянин по имени Магон трижды пересекал великую пустыню. В связи с этим Бовилл указывает, что в древности, как и теперь, самым легким путем с побережья в глубь Африки был тот, который начинается на середине расстояния между Большим и Малым Сиртом. Он полагает, что этим путем воспользовался Магон. Во всяком случае, нельзя считать случайным, что в пустынном районе к востоку и западу от современного Триполи существовали сразу три карфагенские фактории. Они были одновременно военными постами, преграждавшими греческим колонистам единственно удобный путь в Феццан.

Карфагеняне поддерживали оживленные торговые сношения с гарамантами. Основным предметом вывоза из внутренних областей Африки к Средиземному морю были драгоценные камни «карбункулы» (возможно, халцедон).

Сокрушив могущество Карфагена, римляне переняли у него торговлю с гарамантами и продолжали закупать в Феццане «карбункулы».

Отношения между Римом и гарамантами не всегда оставались дружественными — периоды мира перемежались вооруженными столкновениями, но римлянам так и не удалось установить господство над Феццаном. Для нас наибольший интерес представляют две экспедиции в глубь Африки, предпринятые римлянами совместно с гарамантами в царствование императора Траяна, около 100 года н. э. Первая, во главе которой стоял легат Нумидии Септимий Флакк, выступила из Феццана и целых три месяца шла на юг. Если это известие верно, римляне обязательно должны были достигнуть Судана.

Больше подробностей дошло о второй римской экспедиции, которой руководил Юлий Матерн. Эта экспедиция отправилась на юг из Гарамы — столицы гарамантов (нынешняя Джерма), причем в ней принял участие их царь или верховный вождь.

По словам Плиния Старшего, участники похода через четыре месяца добрались до Агисимбы в стране эфиопов, как называли тогда всех представителей негроидной расы. Анализ названий, упоминаемых в этом сообщении Плиния, и другие соображения привели английского ученого Родда к заключению, что Агисимба — это Тибести, то есть местность в Сахаре к юго-востоку от Джермы. Если Родд прав, то с помощью гарамантов римляне почти достигли 20-го градуса северной широты, что было для того времени огромным достижением. К западу от Нила они нигде не заходили дальше на юг. Ни арабы, ни турки, овладевшие Феццаном много веков спустя, также не продвинулись на юг за Тибести.

Успеху римско-гарамантской экспедиции, вероятно, содействовало новшество — использование верблюдов вместо лошадей и быков. Полагают, что впервые верблюды были завезены в Африку персидскими завоевателями Египта в VI в. до н. э. Однако на запад «корабль пустыни» продвигался довольно медленно. Юлий Цезарь упоминает о том, что в 48 году н. э. он захватил в числе прочих трофеев двадцать два верблюда. Цифра эта не столь велика, чтобы стоило упоминать о ней, если бы использование верблюдов к западу от Египта не было для римлян новинкой.

Примерно в это время в римскую Африку переселились зената — племя кочевников-берберов. Считают,

что именно они стали первыми разводить верблюдов для транссахарских караванов.

Верблюд несравненно выносливее лошади и быка. К тому же постепенное усыхание Сахары, превращение степи в пустыню привели к исчезновению колесницы, запряженной лошадьми.

Кормчие кораблей пустыни

Для передвижения по пустыне распространение верблюдов имело, вероятно, не меньшее значение, чем изобретение паруса для мореходства. Человеку стали теперь доступны обширные районы, где прежде он был обречен на гибель, чрезвычайно расширился его географический кругозор. Хотя сами римляне не проникали в глубь Сахары к югу от 20-го градуса северной широты, на территории нынешней республики Камерун была обнаружена римская монета IV века н. э.

К римской эпохе относится и строение, раскопанное в центральной части Сахары, в горах Хоггар. В этой усыпальнице находился труп женщины. С ним было захоронено много различных украшений, в том числе римских бус, относящихся к IV веку н. э. По местному преданию, это — Тин Хинан, легендарная прародительница туарегской знати. Берберское племя туарегов происходит, очевидно, от ливийцев — аборигенов Северной Африки, живших к западу от Египта.

Большинство туарегов обитает в степях Западного Судана, но часть их много веков назад откочевала в Сахару. Эти верблюдоводы сделались подлинными хозяевами великой пустыни. Благодаря им после исчезновения с VI века гарамантов вновь расцвела транссахарская караванная торговля, имевшая большое значение и для распространения географических знаний о доброй половине Африки.

Туареги не только служили проводниками купеческих караванов, но и следили за сохранностью колодцев и пастбищ на торговых путях. «Если бы не они, Сахара могла бы надолго превратиться в непреодолимый барьер для общения между людьми, а не в территорию, через которую шел обмен товарами и достижениями культуры», — справедливо замечает Э. Бовилл.

Роль туарегов поэтично охарактеризовал русский писатель-путешественник А. В. Елисеев, побывавший в Сахаре в конце XIX века: «Изумительна деятельность этого вечного странника, этого *первого путешественника в мире* (подчеркнуто мною.— Авт.), вечно скитающегося сам-друг в необозримой пустыне, которая ему становится так же знакомою, как земледельцу его поле или леснику участок его леса. Как ни однообразен местами рельеф Сахары, но туарег никогда не потеряет в нем дороги: земные, воздушные, небесные признаки одинаково руководят им... Направление ветра, бег облаков, полет птицы, не говоря уже о солнце, луне и звездах, ведут туарега лучше карты и компаса».

С завоеванием Северной Африки арабами к туарегам присоединилось кочевое племя берабиш. Туареги и берабиш контролировали торговый путь Сиджилмаса — Уалата. На других трех торговых путях, шедших в меридиональном направлении, распоряжались одни туареги. Это — дороги Гадамес — Гат и далее на юг в страну хауса; древний путь гарамантов Триполи — Феццан — Кавар и далее в страну Борну и берегам озера Чад; и, наконец, Киренаика — Куфра — Вадаи.

Транссахарская торговля росла и ширилась, увеличивался ассортимент товаров, которые перевозились по пустыне из страны в страну. По этим путям перегоняли, правда, тысячи и тысячи рабов, которые устилали своими костями пустыню. Но вместе с тем перевозились и полезные грузы, шел обмен географической информацией.

Царь-путешественник

По арабски «Билад-ас-Судан» означает «Страна черных». Так называли арабы обширную область Африки южнее Сахары (от Сенегала до Нила). В средние века Западный Судан стал очагом африканских цивилизаций, достигших высокого уровня развития. Через саванны Западного Судана протекает река Нигер, которая здесь имела и имеет сейчас такое же значение, как Нил в Египте.

Часть урожая суданских полей издавна шла кочев-

никам пустыни Сахары, лежащей по соседству. В обмен на зерно жители Сахары привозили кожи, а также соль, которая ценилась в странах Западного Судана буквально на вес золота. Соль добывалась (а частично добывается и сейчас) в самой Сахаре — в районах Тегазы и Таодени (последний расположен на полпути между Тегазой и Томбукту). В начале XX века транссахарская торговля стала уже приходить в упадок, не выдержав конкуренции железных дорог и автомобильного транспорта. Тем не менее еще в 1908 году для доставки соли в области, населенные хауса (в современной Нигерии), были сформированы караваны из двадцати тысяч верблюдов.

Кроме соли купцы привозили в Западный Судан товары из стран Северной Африки и даже Южной Европы. Суданские изделия в свою очередь через средиземноморских арабов попадали к европейцам.

Ядром средневековой Ганы, в честь которой названо современное африканское государство, были территории, лежащие к северу от него. Гана существовала уже в VIII веке. Некоторые ученые считают, впрочем, что государство это образовалось еще в III веке. В этой стране, большую часть населения которой составляли сонинке — народ негроидной расы, процветали земледелие, торговля и ремесла. Здесь происходил обмен солью, золотом и другими товарами, который сближал между собой различные области Африки, связывал их с далекой Европой и Азией. Торговые пути от берегов Нигера тянулись не только через всю Сахару в Северную Африку. Начиная с XIII века караваны из Ганы, а затем других государств Западного Судана постоянно передвигались между Нигером и Нилом, ходили от Нигера к Индийскому океану.

Государство Гана погибло в XII веке. На смену ему в Западном Судане пришло другое царство — Мали, которое просуществовало до XVII века. В XIII—XV веках царство Мали было великой африканской державой. О нем знали не только в Африке, но и в Азии и Европе. Власть царей Мали простиралась на все области в верховьях Сенегала и Нигера; границами их владений были Атлантический океан на западе и среднее течение Нигера на востоке, тропический лес на юге и Сахара на севере.

К XIII веку в Мали окончательно утвердилась мусульманская религия. Богатые и знатные малийцы стали совершать паломничество в далекую Мекку. В 1324 году туда отправился царь по имени Канку Муса. Его сопровождали тысячи придворных и слуг. Караван на верблюдах пересек пустыню и достиг египетской столицы — Каира.

В Египте и других странах Канку Муса буквально сорил золотом. Даже через двенадцать лет золото в Египте было дешевле, чем до посещения страны малийским царем.

Весть об этом удивительном событии достигла Западной Европы и не осталась незамеченной географами. В то время на Балеарских островах, входивших в состав королевства Арагон, существовала передовая школа картографов. В 1375 году учеными этой школы был составлен географический атлас. Есть в нем и карта Африки. На ней среди пустыни изображен человек, едущий на верблюде к чернокожему царю, который важно восседает на троне. Из надписи видно, что царь этот — малийский Муса — «самый богатый и благородный в Африке».

Впрочем, гораздо важнее то, что на карте отражены данные о глубинных районах Африки, проникшие к тому времени в Западную Европу. На ней обозначены горы Атлас и проход через них, «ведущий в страну негров — Гвинею». Указаны и города Западного Судана — Томбукту и Гао. Это явилось настоящим откровением для современников, намного раздвинуло границы известной им Африки.

Канку Муса организовал также большую экспедицию для поисков новых земель — только не сухопутную, а морскую. О ней поведал миру арабский автор XIV века аль-Омари. Как рассказал ученому арабу преемник Канку Муса, последний был уверен, что можно дойти до пределов соседнего моря, то есть Атлантического океана, и для проверки этого предположения снарядил двести судов с людьми и столько же других, груженных золотом и запасом продовольствия на два года. Назад возвратилось только судно, шедшее последним. Его кормчий рассказал, что малийский флот встретил в море широкую реку и исчез в ней. Рассказчик же повернул свое судно к берегу.

Речь идет, видимо, о течении в Атлантическом океа-

пе. Чтобы дойти до такого течения, суданским мореплавателям нужно было отдалиться от берега по крайней мере на 120—250 миль. Для XIV века, когда ни европейцы, ни арабы почти не решались плавать в Атлантике, это было большим достижением.

Пытливость Канку Муса — любознательность культурного человека. Недаром он не только управлял своей страной, но и писал книги. В Мали Канку Муса не был одинок. Наука и литература Западного Судана в царстве Мали достигли расцвета. Города Томбукту и Дженне славились по всему Востоку. Уже в XIV веке в Томбукту возник знаменитый университет Санкоре. Слава его еще более возросла, когда в 1460 году Томбукту вошел в состав царства Сонгаи, к которому перешло от Мали господство в Западном Судане.

В конце XVI века царство Сонгаи было разгромлено завоевателями, которые беспощадно уничтожали культурные ценности и людей науки. Войско, захватившее Томбукту в 1590 году, судя по названию, было марокканским. Фактически же его ударную силу составляли испанские авантюристы и другие выходцы из Южной Европы. Культуру Западного Судана постигла судьба цивилизаций ацтеков, майя, инков.

От Испании до Китая

Хотя почти все сочинения суданских ученых погибли, мы знаем о средневековом Западном Судане куда больше, чем о доколумбовой Америке. Объясняется это прежде всего тесными связями между Западным Суданом и арабским миром. Следуя за купеческими караванами, арабские путешественники пересекли Африку из конца в конец.

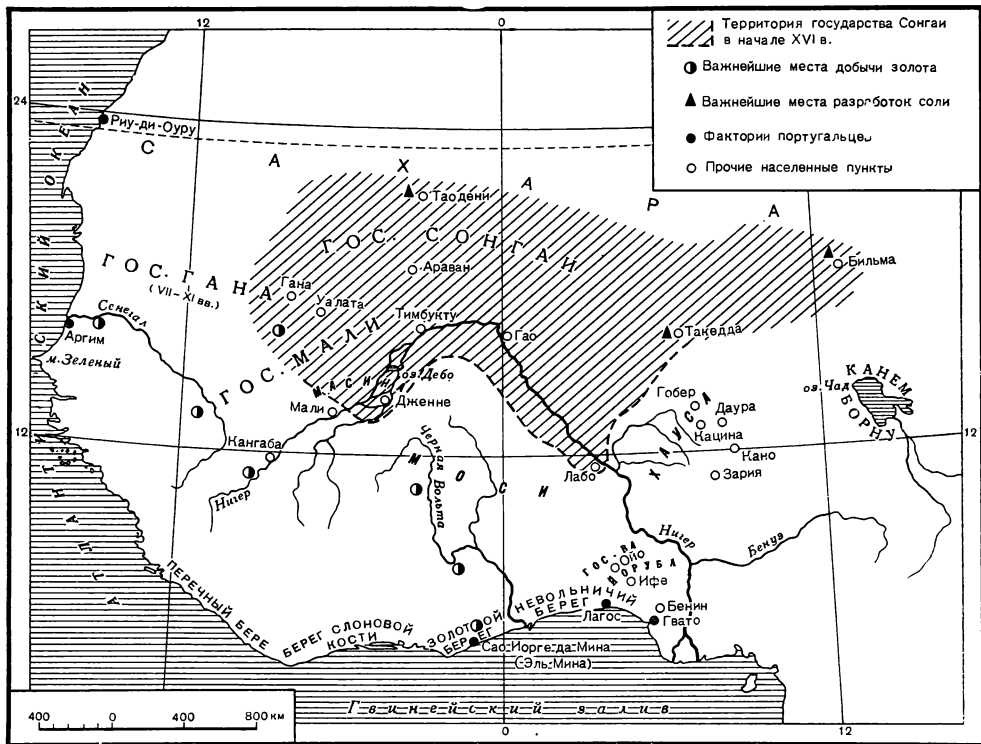
Выдающийся советский арабист академик И. Ю. Крачковский охарактеризовал роль арабов в развитии географической науки, особо отметив изучение ими глубинных районов Африки: «...Можно считать теперь выясненным, что основное значение арабской географической литературы — в новых фактах, сообщаемых ею, а не в теориях, которых она придерживается. Прежде всего надо отметить громадное

расширение масштаба географических сведений сравнительно с предшественниками. Кругозор арабов обнимал, в сущности, всю Европу, за исключением Крайнего Севера, южную половину Азии, Северную Африку до 10-го градуса северной широты и берега Восточной Африки до мыса Кирриантес около южного тропика. Арабы дали полное описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечислением населенных пунктов, с характеристикой культурных пространств и пустынь, с указанием сферы распространения культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых. Их интересовали не только физико-географические или климатические условия, но и в такой же мере быт, промышленность, культура, язык, религиозные течения. Сведения их далеко не были ограничены пределами халифата и значительно выходили за пределы известного грекам мира. Последние плохо знали страны к востоку от Каспийского моря, не имели почти никакого представления о восточном берегу Азии к северу от Индокитая. Арабы же сообщают сведения о пути по суше к верховьям Иртыша и Енисея, о морском берегу Азии вплоть до Кореи... Центральная Африка (Западный Судан.— *Авт.*) в их трудах впервые получила настолько обстоятельное описание, что оно остается непревзойденным до открытий знаменитых европейских путешественников XIX века».

О географическом кругозоре арабов убедительно свидетельствует такая деталь: находясь в Сиджилмесе, на юге Марокко, знаменитый путешественник XIV века Ибн Баттута узнал, что у хозяина дома, где он остановился, есть брат. И с братом этим Ибн Баттута за несколько лет до того встречался в Западном Китае!

Арабская культура средневековья представляла собой сплав культур завоеванных арабами стран, обогащенный вчерашними кочевниками. Крупнейшим представителем этой цивилизации в XI веке был гениальный сын Хорезма — аль-Бируни.

Обобщив сведения, добытые арабскими путешественниками и географами, он смело выступил против авторитета Птолемея, который считал Индийский океан замкнутым морем. Аль-Бируни снова провозгласил, что Африка представляет собой остров, как это было

Государство Сонгаи в XVI веке

некогда установлено египетско-финикийской экспедицией. Он, видимо, располагал сведениями и о странах Африки к югу от экватора, так как писал, что там есть области, где стоит зима, когда на его родине лето.

Примером взаимного проникновения и обогащения различных культур является и труд великого географа следующего столетия аль-Идриси (Абу Абдаллах Мухаммед). Его трактат «Развлечение того, кто пламенно жаждет», посвященный норманнскому королю Сицилии — Рожеру, был закончен в 1154 году.

Сознавая превосходство тогдашней восточной культуры, Рожер пригласил к себе на службу ученого араба из Северной Африки и поручил ему составить описание всех известных стран. В трактате весьма подробно и с большим мастерством описана часть Африки, которая находилась под властью арабов и была лично известна автору.

Аль-Идриси, расспрашивая прибывавших на Сицилию купцов и других бывалых людей, собрал сведения и о внутренних районах материка. Он упоминает, в частности, центры тогдашнего Западного Судана — Гану, Силлау, Такруп.

Многие арабские путешественники побывали в этой части Африки, но далеко не все их сочинения дошли до нас.

Абу-л-Касим ибн Хаукаль ан-Насибби был родом из Северной Месопотамии и начал свои странствия в 943 году. Он посетил многие мусульманские страны и написал «Книгу путей и государств». Книга эта имеет непреходящее значение благодаря описанию в ней части Западного Судана, первому в мировой науке. Ибн Хаукаль посетил Кумби — столицу древней Ганы — и как бы открыл эту страну, по крайней мере для читающей публики. Он может считаться и первооткрывателем великой африканской реки Нигер. Правда, он полагал, что видит перед собой Западный Нил — мифическую реку, которая течет сначала на восток, а затем, достигнув реально существующей нильской долины, поворачивает на север. Ошибка Ибн Хаукаля сродни ошибке Колумба, принявшего Америку за Индию.

В истории путешествий XIV век можно с таким же основанием назвать веком Ибн Баттуты, как XIII — веком Марко Поло.

Полное имя Ибн Баттуты — Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи. Человек, носивший это имя, был подлинным сыном Африки: родился он в 1304 году в Танжере в семье арабизированных берберов и исходил Африку буквально вдоль и поперек.

О путешествиях его по Азии и частично по Европе будет рассказано в других главах. Здесь же я остановлюсь на последнем его путешествии, предпринятом в 1352 году после четверти века почти непрерывных странствий из страны в страну. По словам академика И. Ю. Крачковского, описание его оставалось непревзойденным до европейских путешествий XIX века. Это описание (литературная запись рассказов Ибн Баттуты, сделанная Ибн Джузайа и называвшаяся «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий») — первый труд, посвященный Западнему Судану.

И. Ю. Крачковский подробно описывает маршрут путешествия.

«Через Сиджилмасу он проехал до Тимбукту в могучее, недавно исламизованное государство Малли (царство Мали.— *Авт.*). На обратном пути, осмотрев медные рудники Тагадда, 12 сентября 1353 года с караваном работорговцев он двинулся в очень трудное месячное путешествие через плато Ахаггар, оазис Агадес, с большими лишениями, холодной зимой перевалил хребет Атласа и в конце 1353 года вернулся в Фес».

Пройдя Тагазу и населенный пункт Гасарахлу (очевидно, оазис в пустыне), караван путешественника остановился и выслал вперед в Уалату проводника-туарега. Проводник этот (кстати, почти слепой) благополучно прибыл к месту назначения и, как обычно, направил навстречу каравану людей с запасом воды в бурдюках.

Через два месяца после выхода из Сиджилмасы караван достиг Уалаты — на северной границе царства Мали. Характерная деталь: в Уалате жил знакомый Ибн Баттуте арабский купец. Путешественник заблаговременно послал ему письмо с просьбой снять для него жилой дом. Письмо своевременно попало к адресату, и тот выполнил содержавшуюся в нем просьбу.

Ибн Баттута описал и систематизировал то, что уже было известно его соплеменникам — средиземноморским арабам и берберам, а также туарегам пустыни, мандинго и другим народам царства Мали.

Население Мали (включая и правящее сословие) принадлежало к негроидной расе. Из записок Ибн Баттуты видно, каких больших успехов достигло оно в развитии государственности, внутренней и международной торговли, а также духовной культуры.

Дороги в Мали были до такой степени безопасны, что из Уалаты в столицу — город Ниани — путешественник ехал уже не с караваном, а всего лишь с тремя спутниками и одним проводником.

В Ниани Ибн Баттута нашел большую арабскую колонию. Когда путешественник заболел, его лечил египетский врач. Царь Мали — Сулейман — радушно принял знаменитого гостя, и тот провел в его столице целых восемь месяцев.

Хотя у себя на родине Ибн Баттута встречал африканцев негроидной расы только как рабов, он отозвался о жителях Западного Судана с величайшей похвалой.

«Негры,— писал он,— отличаются некоторыми замечательными свойствами. Они редко бывают несправедливы и относятся к несправедливости с большим отвращением, нежели любой другой народ. Султан не проявляет никакого милосердия к любому, кто проявит ее. Ни путешественнику, ни местному жителю не приходится бояться грабителей или насильников. Во всей стране люди находятся в полной безопасности. Они не конфискуют собственности белого человека, умершего в их царстве, хотя бы он был сказочно богат. Наоборот, они передают это имущество под опеку другого белого, достойного доверия, который и распоряжается им до тех пор, пока не явится законный наследник».

В своих странствованиях по Африке Ибн Баттута неизменно пользовался помощью местных жителей, от царей до рабов. Властитель Мали взял на свой счет издержки, связанные с пребыванием арабского путешественника в его столице. Кроме того, он подарил ему сто тридцать три золотых дуката, что позволило Ибн Баттуте продолжать путешествие, не ведая нужды.

Это не значит, конечно, что последнее путешествие Ибн Баттуты, да и предыдущие не были связаны с тяготами и лишениями. На пути в Тагадду, например, он заболел из-за сильной жары. Через горы Атласа ему пришлось переваливать в сильную стужу, когда пути были завалены снегом.

Только благодаря огромной стойкости и уверенности в значении своего дела африканский землепроходец сумел довести до благополучного конца труд всей своей жизни. Нельзя не согласиться со словами Ибн Джузайи: «Ни один умный человек не станет отрицать, что шейх (Ибн Баттута.— *Авт.*) был величайший путешественник нашего времени».

«Описание Африки»

Из всей арабской географической литературы наибольшее значение для распространения знаний об Африке в Западной Европе имел труд аль-Хасана ибн Мухаммед аль-Баззана (Лев Африканский).

Автор знаменитого «Описания Африки» родился в Гренаде в конце XV века. После падения этого последнего оплота мавританского владычества в Испании родители будущего путешественника — знатные и богатые люди — эмигрировали в Марокко. Молодой человек получил образование в Фесском университете — одном из важнейших научных центров тогдашнего мусульманского мира. Университет этот питался соками не одной только арабской культуры. Фесские ученые были почетными гостями в Западном Судане, а преподаватели университета в Санкоре (Томбукту) в свою очередь читали лекции в Фесе. Таким образом, автор «Описания Африки» имел возможность знакомиться и с достижениями высокой культуры суданцев, в дальнейшем уничтоженной завоевателями. Вполне вероятно, что еще в годы учения он получил этим путем различные сведения о внутренних районах Африки.

Фес был, кстати, не только политическим и культурным, но и торговым центром. Купцы этого города были посредниками между Южной Европой и Север-

ной Африкой, с одной стороны, и Африкой к югу от Сахары — с другой. Общение с этими бывальными людьми еще больше расширило географический кругозор Льва Африканского, как его впоследствии прозвали в Европе.

Любовь к путешествиям проявилась у него довольно рано. Закончив учебу, он путешествовал по странам Магриба в качестве юриста и нотариуса, иногда занимался торговлей. Порою султан Марокко давал ему дипломатические поручения.

Французский ученый Мони, изучавший маршруты Льва Африканского, перечисляет следующие его путешествия:

1. Из Феса в Константинополь и на Ближний Восток (1507—1508?).

2. Первое путешествие в Томбукту (зима 1509/10 или 1510/11 г.).

В это путешествие Лев Африканский участвовал в марокканской дипломатической миссии ко двору сонгайского аскии (царя) Мухаммеда. К этому времени главенство в Западном Судане завоевало государство Сонгаи, столица которого находилась в городе Гао на Нигере, культурным же центром всего района оставался Томбукту. Именно в Томбукту находился в то время двор аскии.

3. Второе путешествие в Томбукту, а оттуда в Египет мимо озера Чад (середина 1512 — начало 1514 г.).

Последняя экспедиция имела наибольшее значение для науки. Арабские купцы и до Льва Африканского бывали в стране хауса (нынешняя Северная Нигерия), в государствах Борну и Гаога, расположенных в районе озера Чад. Однако Лев Африканский — первый, кто составил описание этих мест. Как полагает Мони, в Сиджилмесе, где он провел шесть месяцев 1512 года, он установил контакт с купцами, участвовавшими в торговле между Марокко, Суданом и Египтом. В это время купцы осваивали новый путь, который вел из Уалаты в Египет через район озера Чад. Дорога через Триполитанию и Феццан, которой пользовались в средние века те, кто ехал из Западного Судана в Египет, пришла в запустение столетием раньше из-за арабских разбойников, действовавших на побережье; морской же путь, соединявший Магриб с Египтом, стал слиш-

ком опасен из-за нападений христианских корсаров, которые базировались на Родосе и в Сицилии.

В Томбукту путешественник прибыл, видимо, в конце января 1513 года, потратив около двадцати пяти дней на переход из Сиджилмасы в Тегазу и двадцать дней — из Тегазы в город на Нигере.

Новая дорога на Египет начиналась в Уалате, куда Льву Африканскому пришлось, видимо, отправиться из Томбукту. Там он мог присоединиться к купеческому каравану, направлявшемуся в Каир через страну хауса, незадолго до этого завоеванную царем Сонгаи.

Достигнув Гао (очевидно, по суше, а не по Нигеру), он отправился в царство Борну — возможно, через Агадес и Кано.

Следуя по берегу озера Чад, путешественник пересек царство Борну и соседнее — Гаога. Из столицы — Яо — караван направился в Дарфур. Оттуда срок дней прямого пути до Асьюта в Египте, но Лев Африканский сделал крюк, чтобы побывать в Донголе.

По предположениям Мони, путешественник достиг Каира в начале 1514 года и в Александрии сел на купеческое судно, направлявшееся в Марокко. В этом случае он вернулся в Фес в феврале — марте 1514 года.

4. Второе путешествие из Феса в Константинополь и оттуда в Египет и на Аравийский полуостров.

Это путешествие сыграло решающую роль в биографии Льва Африканского: возвращаясь на родину после выполнения очередного дипломатического поручения, очевидно в 1518 году, он был захвачен сицилийскими пиратами на переходе между Триполи и Тунисом.

Ученого-путешественника могла постигнуть страшная участь галерного раба. Однако пленивший его пират сообразил, что в этом качестве араб ему большой выгоды не принесет, и разрешил молодому пленнику сохранить свои записки. Затем он доставил его в Рим и как особенную диковинку преподнес в дар папе Льву X: Глава католической церкви не видел ничего предосудительного в рабстве и работорговле, но, на счастье пленного араба, продолжал традиции своего отца Лоренцо Медичи Великолепного и покровительствовал наукам и искусству. Уроженец Гренады сво-

бодно владел испанским языком, и папа быстро распознал в нем человека, способного поведать Европе о почти неизвестных тогда странах Африки. Для порядка он окрестил мусульманина, которого в честь папы нарекли Джованни Леоне. Отсюда и его прозвище: Лев Африканский (Леоне по-итальянски лев).

Новообращенному были созданы все условия для литературной обработки его записей. Он в совершенстве овладел итальянским и латинским языками и к 1526 году закончил итальянский вариант своего труда «История и описание Африки и достойных внимания предметов, в ней заключающихся». В 1550 году рукопись впервые увидела свет. К этому времени папы Льва X уже давно не было в живых, автор же книги каким-то образом сумел вернуться в Африку и опять стать мусульманином.

В эпоху великих географических открытий читающую публику нелегко было удивить описанием неведомых стран и далеких земель. Однако труд Льва Африканского очень быстро приобрел большую популярность. Уже в 1556 году книга была переведена на французский и латинский, около 1600 года — на английский, а затем на ряд других западноевропейских языков.

«Влияние Льва Африканского на европейскую науку было колоссально,— пишет академик И. Ю. Крачковский.— Начиная со второй половины XVI века почти в течение трех столетий каждый писатель и ученый, касающийся каких-нибудь вопросов, связанных с Африкой, неминуемо к нему обращается... Оценка, даваемая ими, неизменно оставалась высокой».

«Описание Африки» — труд энциклопедический. Автор отводит много места истории и экономике виденных им стран, быту и нравам населяющих их народов, но прежде всего — он географ.

«Географические описания даются им очень точно... Труд Льва Африканского оказался единственным систематическим и оригинальным трактатом, который был опубликован в Европе XVI века по географии Марокко; он явился для всех настоящим откровением хотя бы потому, что давал около четырехсот географических названий с точными и новыми данными», — писал И. Ю. Крачковский.

Описание провинций, городов и гор Марокко составило лишь одну из девяти книг труда Льва Африкан-

ского, вторую по порядку. Первая повествует об Африке в целом и расселении племен. Третья посвящена специально Фесу — столице тогдашнего Марокко, четвертая — Тлемсену, пятая — Биджае и Тунису, шестая — Триполитании, седьмая — государствам Судана, восьмая — Египту, девятая дает краткую характеристику рек, животных, рыб, птиц, минералов и растений Африканского материка.

Некоторые авторы ставили под сомнение добросовестность Льва Африканского, утверждали даже, что он побывал далеко не во всех странах, которые описал. Однако такие утверждения оборачиваются против тех, кто с ними выступал.

Один из крупнейших специалистов по исторической географии и редактор французского издания «Описания Африки» — Шефер — пишет во введении к этому труду: «Детали, приводимые Львом Африканским о Магрибе, отличаются скрупулезной точностью. Новейшие наблюдения подтвердили справедливость даже тех его утверждений, которые, казалось, должны были вызывать сомнения».

Несмотря на религиозную рознь и предрассудки, во внутренние районы Африканского материка проникали и немусульмане. В Западном Судане их встречали так же гостеприимно, как и арабов.

И все же в начале XIX века о внутренних районах Африки знали меньше, чем четырем столетиями раньше. Отчасти это объяснялось открытием Америки и морского пути в Индию, приковавшим к себе внимание Западной Европы, а также упадком арабской культуры. Но популярность сочинения Льва Африканского доказывает, что интерес к Африке продолжал жить и в Век великих открытий и позднее. Внутренние районы этого материка надолго стали недоступными для исследования в результате реакционной политики правителей Западной Европы.

Изгнание из Испании потомков арабов — морисков — вызвало в Северной Африке взрыв ненависти к европейцам, усилило религиозный фанатизм. Кстати, только два десятилетия отделяют это событие от разгрома наемниками из Южной Европы культуры Западного Судана с его традиционной терпимостью и гостеприимством.

Томбукту, где в XV веке безмятежно торговали

европейские купцы, стал чем-то вроде легендарной страны Офир. В 1824 году Парижская Академия наук даже учредила специальную премию путешественнику, который достигнет этого города.

В 1827 году молодой француз Рене Кайе решил эту задачу. Для этого ему пришлось переодеться арабом и проявить подлинный героизм.

Казалось бы, что исследование португальцами побережья Гвинейского залива должно было облегчить изучение глубинных районов Африки. Но и эти южные ворота по вине колонизаторов оказались наглухо закрытыми.

Авантюра португальцев в Конго, закончившаяся тем, что они были изгнаны коренным населением, мало чем обогатила географическую науку.

То же самое можно сказать о вторжении португальцев в Эфиопию. В средние века властители Западной Европы мечтали о союзе с легендарной страной пресвитера Иоанна — христианским государством, находящимся где-то в Африке. По мысли западноевропейских политиков, такой союз должен был поставить между двух огней мусульман Передней Азии и Северной Африки, которые были повинны не только в поклонении Аллаху и Мухаммеду, но и в грехе, куда более непростительном: вместе с итальянскими городами они держали в своих руках торговлю с Индией и другими почти неизвестными тогда Европе странами Индоокеанского бассейна.

Поиски христианского государства в Африке были важным стимулом для португальских путешественников XV века. Легенды о пресвитере Иоанне сыграли, таким образом, немалую роль в истории географических открытий.

В первые века нашей эры древнеэфиопское царство Аксум включало обширную область между Нилом и Красным морем (в том числе Мероэ), правители его господствовали и над Юго-Западной Аравией.

Об аксумских мореплавателях я расскажу в другой главе, здесь же отмечу связи этого государства с Передней Азией и Европой. Древнеэфиопское царство было современником Римской империи и пережило ее. В V—VI веках Аксум являлся великой державой, не уступавшей по могуществу Византии и Ирану.

Аксумское царство долго жило в мире и дружбе с

Византией. Еще в IV веке царь Эзана, который подчинил Мероз и Южную Аравию, заключил союз с восточноримским императором. Переняв христианство у Византии, Эфиопия породнилась с ее высокой культурой, как впоследствии Киевская Русь.

С VII по XII век в Эфиопии длилось смутное время, от которого до нас не дошло никаких письменных известий. Аксумское царство погибло в огне войн. Однако эфиопский народ сумел восстановить свою государственность и снова дал знать о себе Западу, задолго до того как первые европейцы появились в его стране.

Средневековые эфиопы обладали довольно значительными географическими познаниями. Об этом говорит, например, такой факт. Негус Амда Сион (1312—1342) написал мамлюкскому султану Египта, что, если в Александрии не прекратится преследование христиан, эфиопы отведут течение Голубого Нила, который берет начало в горах их страны, а затем протекает через озеро Тана. При тогдашнем уровне техники подобную угрозу едва ли удалось бы осуществить. Однако письмо негуса показывает, что средневековым эфиопам было известно течение Голубого Нила на всем его протяжении, а также значение великой реки для египетской экономики.

Эфиопы радушно встретили первых португальских путешественников, которые в конце XV — начале XVI века проникли в их страну по суше и по морю. У португальских колонизаторов были все условия для исследования Эфиопии и прилегающих районов Африки, но они меньше всего были озабочены интересами науки. Они повели себя в Эфиопии, как в завоеванной стране, — сеяли раздоры и смуты, и, наконец, возмущенные жители изгнали их. Страна древней государственности и культуры замкнулась в себе, и в XIX веке западноевропейским путешественникам пришлось «открывать» ее заново.

Длительное время европейцы черпали сведения об этой африканской стране из «Истории Эфиопии», появившейся в конце XVII века. Эта книга переведена на многие языки. Ее автором долго считался немецкий ученый Лудольф. Теперь, однако, выяснилось, что фактически его соавтором был ученый эфиопский монах и путешественник Григорий, со слов которого Лудольф познакомился с далекой африканской страной.

Григорий побывал в Индии, Египте, Италии, жил по приглашению Лудольфа в Германии. Он владел португальским языком, изучил также, подобно Льву Африканскому, латынь и итальянский. Возвращаясь на родину, Григорий утонул, а потому не написал истории своих странствий.

Тем не менее жизнь его чрезвычайно поучительна. Его соавторство с Лудольфом еще раз показало, какие возможности для науки открывало сотрудничество европейцев и африканцев.

Наряду с Конго и Эфиопией португальские колонизаторы пытались завладеть и страной Макаранга, которую нередко именуют царством Мономотапы. «Макаранга» означает «Страна солнца», «Мономотапа» — «Владыка рудников». В царстве Мономотапы добывались руды различных металлов, и прежде всего золото. Его доставляли в Софалу — ныне ничтожную деревушку в Мозамбике, которая в средние века была крупным портом, морскими воротами Макаранги. Португальцам, которые обосновались на побережье Индийского океана, было нетрудно проникнуть в страну рудников, пользуясь давно существовавшими торговыми путями — сухопутными и речными. Расстояние от Софалы до древней столицы Макаранги (в современном Зимбабве — Родезии) не превышает 400 километров. В состав Макаранги входили также южная часть Конго, западная окраина Мозамбика и северная часть Трансвааля.

Хотя португальцы проникли в Макарангу еще в начале XVI века, они так и не дали полного географического описания царства Мономотапы. После распада царства в конце XVII века (чему немало способствовали междоусобные войны, разжигавшиеся португальцами) оно вообще исчезло из памяти людской. В шестидесятых годах XIX века в междуречье Лимпопо — Замбези снова проникли европейцы — на этот раз англичане и немцы. К своему величайшему удивлению, они обнаружили там остатки циклопических каменных построек — так называемый Большой Зимбабве: к этому времени никто не принимал всерьез свидетельство Антонио Фернандиша — первого португальца, который побывал в Макаранге в начале XVI века и своими глазами видел строительство каменной крепости.

Алчность португальских колонизаторов и смуты, которые они провоцировали в Макаранге и в других районах Африки, затормозили географическое исследование этих районов. Но, разумеется, не одни иноземцы повинны в том, что большая часть Африки так долго оставалась «неведомой землей». Работоторговля, в которую вслед за португальцами включились представители других стран Запада, вызвала хаос и анархию во внутренних районах Африки, откуда рабов доставляли к побережью. Опасаясь конкуренции, продажные вожди племен старались не допускать европейцев за пределы прибрежных факторий.

В результате на протяжении двух веков об Африке было известно немногим более того, что можно прочесть в «Описании Африки», появившемся в XVI столетии.

Новый почин

Положение стало меняться в конце XVIII века, в частности в связи с созданием в Лондоне знаменитой Африканской ассоциации. «Главной целью этого общества было поощрение географических открытий в Африке и наряду с этим развитие британской торговли и политического господства на этом еще не изученном материке», — пишет Дж. Бейкер.

В связи с развитием капитализма в Англии работоторговля утратила прежнее значение для правящего класса и в дальнейшем была вовсе запрещена. Ее заменила планомерная эксплуатация населения и ресурсов Африки.

Коренные жители не могли, разумеется, знать истинные намерения колонизаторов, выступавших под флагом прекращения работоторговли. К тому же некоторые путешественники — величайший исследователь Африки Д. Ливингстон, например, — верили в свою цивилизаторскую миссию. Они искренне полагали, что открытие глубинных районов Африканского материка для изделий английской промышленности принесет благоденствие его народам. Убежденность этих людей передавалась аборигенам.

Следует добавить, что и такие колонизаторы, как

Г. Стэнли, повсюду афишировали свою ненависть к работоторговле — вековому бичу африканцев.

Благодаря этому европейским путешественникам удалось наладить сотрудничество с коренным населением Африки, имевшее самые благотворные последствия для исследования материка. Правда, выяснить степень участия африканцев в исследовании Африки крайне затруднительно, ибо описания совместных, по существу, экспедиций составлялись западноевропейскими и американскими путешественниками, а никого из них, за исключением Ливингстона, нельзя назвать другом африканцев. Только Ливингстон отдал должное своим африканским спутникам, участникам его великих свершений.

Крупнейшие достижения исследователей Африки в XIX веке связаны с гидрографией материка — открытием его великих озер, нанесением на карту важнейших рек на всем их протяжении.

Пионером в этом деле выступил шотландский хирург Мунго Парк. Известно, что ни древние, ни арабские путешественники и географы не смогли решить до конца загадку Нигера.

В последние годы XVIII века было предпринято несколько попыток добраться до Нигера, но все они оказались безуспешными. В 1796 году Мунго Парк, который годом раньше высадился на побережье Гвинейского залива, вышел у Сегу к Нигеру и некоторое время следовал вдоль его берега. Однако выяснить, куда впадает река, шотландец не сумел. Смертельно усталый и больной, он двинулся в обратный путь. Достигнув местечка Кумалия в стране мандинго, Мунго Парк решил, что дни его сочтены. От смерти его спас африканский торговец. Шотландский путешественник рассказывает об этом в своей книге: «По прибытии моем в Кумалию меня привели в дом Карфа Тауры... Он посоветовал мне остаться у него, а затем обещал сопровождать меня (к реке Гамбия.— *Авт.*)... Он заметил, что, когда местность непроходима для каравана туземцев, белому человеку бесполезно пытаться пройти одному. Я с готовностью согласился, что подобная попытка крайне рискованна, но заверил его в том, что у меня нет другого выхода. Не имея денег на пропитание, я должен либо жить на подаяние, переходя из одного селения в другое, либо погибнуть от голода.

Карфа... ответил, что, если я останусь с ним до конца сезона дождей, он будет снабжать меня продовольствием и предоставит хижину для ночлега. В дальнейшем, когда он доставит меня невредимым к Гамбии, я смогу вознаградить его по желанию.

Так благодаря дружеской заботе этого благожелательного негра я вышел из подлинно бедственного положения. Меня мучили нужда и голод. Передо мной расстилались мрачные дебри Джаллонкаду, где спутник не встречает жилья на протяжении пяти дней пути. На некотором расстоянии от Кумалии я открыл быструю реку Кокоро. И почти уже отметил место, где мне суждено было погибнуть, когда этот дружелюбно настроенный негр протянул руку помощи».

В другом месте Мунго Парк называет Карфу своим благодетелем. Оправившись и отдохнув, путешественник в апреле 1797 года вышел к побережью и благополучно вернулся на родину. Важнейшим результатом этого предприятия было установление факта, что Нигер действительно течет на восток.

В 1805 году Мунго Парк вернулся в Африку — на этот раз во главе экспедиции из сорока европейцев. Путешествие закончилось трагически. К 18 августа, когда англичане достигли Нигера у Бамако, отряд насчитывал всего восемь человек — остальные погибли от болезней. В Сансандинге Мунго Парк и его спутники построили шхуну и хотели спуститься до устья реки, но 19 ноября утонули у порогов Буса.

Однако и эта экспедиция принесла научные результаты. «В ходе двух героических путешествий он сделал больше практических открытий, чем кто-либо другой за полтора века до него, и, если ему не удалось разрешить загадку Нигера, он, во всяком случае, сузил пределы возможной ошибки в будущем,— пишет Дж. Бейкер.— Дело в том, что от *проводника-туземца он прослышал, что Нигер действительно делает поворот на юг*, и успел сообщить об этом в Англию» (выделено мной.— Авт.).

В последней фразе, хотя и глухо, говорится о выдающейся роли африканцев в экспедициях Мунго Парка. По прибытии в Гори (близ устья реки Гамбия) путешественник привлек к участию в экспедиции африканца Айзека из народа мандинго. Айзек несомненно был культурным человеком, ибо свободно писал по-

арабски. Мунго Парк полностью доверял ему. Не будучи уверен в успехе плавания вниз по Нигеру и словно предчувствуя свою гибель, он из Сансандинга направил Айзека по суше к побережью и вручил ему свой дневник и письма в Англию. Мандинго в одиночку совершил труднейший переход и передал все документы английским властям в Сьерра-Леоне.

В одном из писем Мунго Парк поведал об африканце, который сообщил ему, что Нигер поворачивает на юг. Сопоставляя это письмо с отчетом, который доставил Айзек, нетрудно убедиться, что шотландец имел в виду Амади-Фатуму (последний в Сансандинге заменил Айзека в качестве проводника и толмача экспедиции).

Мунго Парк отозвался чрезвычайно высоко о географических познаниях Амади-Фатумы, назвав его «одним из самых выдающихся путешественников по этой части Африки».

Африканец случайно избежал трагической участи Мунго Парка и других его спутников; по договоренности с ними Амади-Фатума взялся сопровождать экспедицию только до страны хауса. Поэтому он покинул шхуну Мунго Парка незадолго до того, как она погибла у порогов Буса.

Его письменный отчет (составленный по-арабски) — единственный источник о плавании Мунго Парка вниз по Нигеру, которым мы располагаем. Из отчета видно, что шхуна прошла мимо Дженне и Томбукту, то есть спустилась по Нигеру почти на 1300 километров.

Документ этот стал достоянием географической и исторической науки благодаря новому подвигу Айзека. В 1810—1811 годах он по просьбе губернатора Сьерра-Леоне отправился на поиски бесследно исчезнувшего Мунго Парка. Через Сегу он снова добрался до Сансандинга, а затем разыскал Амади-Фатуму и собрал другие свидетельства гибели экспедиции.

По одним сведениям, шхуна Мунго Парка погибла со всем экипажем на порогах Буса, хотя собравшиеся на берегу Нигера аборигены криками и жестами предупреждали об опасности. По другим — путешественники были убиты теми же аборигенами, которые приняли их за своих врагов — фульбе.

Первая версия представляется более правдопо-

добной. Это подтверждается опытом экспедиции Ричарда и Джона Лендеров. В 1830 году они отправились в путь с побережья Гвинейского залива и по суше достигли Бусы. Отсюда они спустились по Нигеру до самого моря, раскрыв наконец вековую тайну великой африканской реки.

Хотя Лендеры путешествовали без вооруженной охраны, они были приняты властями и населением района Бусы самым дружелюбным образом. Путешественники расстались с местными «царем и царицей» (очевидно, вождем и его главной женой), как с близкими людьми.

«После взаимных похвал,— рассказывают Лендеры,— мы сказали им о переполнявшем нас чувстве признательности за их доброжелательство, гостеприимство и внимание, за ласковое с нами обращение, за их упорство в защите наших интересов, за покровительство, оказанное нам в течение двухмесячного пребывания в их стране. Все это время мы прожили в полной безопасности, наслаждаясь всеми удовольствиями и развлечениями, какие они могли нам предоставить... Никогда, никогда, покуда мы живы, не забудем об этом».

Помощь, оказанная английским путешественникам в районе Бусы, предоставление им остойчивых челнов-однодеревков для спуска по Нигеру немало содействовали успеху их предприятия.

Огромное значение для исследования Северо-Западной Африки и бассейна Нигера имела деятельность немецкого путешественника Генриха Барта, состоявшего на английской службе. Он считал себя продолжателем дела Мунго Парка, но фактически ему удалось «ознакомить мир со всей той огромной территорией, которую даже арабские купцы знали меньше, чем остальную Африку». Путешествия Барта (1849—1855) охватили территорию в 24 градуса с севера на юг и в 20 градусов с востока на запад. Крупнейшим вкладом Барта в географическую науку явилось открытие им реки Бенуэ — главного притока Нигера.

Результаты экспедиции изложены Бартом в пяти-томном труде «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке». Это подлинная энциклопедия не только географических, но и исторических и этнографических знаний об огромной области.

Труд Г. Барта свидетельствует не только о редкой эрудиции автора, но и о великолепном мужестве исследователя, сумевшего преодолеть бесчисленные преграды.

Вместе с тем — и это не умаляет заслуг Барта — труд его показывает, сколь многим он обязан африканцам. Нередко Барт шел буквально по следам арабских путешественников средневековья, сопоставляя свои наблюдения с приведенными ими данными (особенно в стране хауса). Он систематически пользовался путями караванной торговли, существовавшими в его время.

Не случайно толчком к путешествию Барта в область, населенную хауса, явилась встреча в Северной Африке с одним из представителей этого народа. «В моих ушах все время звучали слова раба-хауса, с которым я беседовал о его родине в тунисском городе Каф... — писал Барт. — И если будет на то божья воля, я двинусь в путь и достигну Кано».

Барту удалось установить дружеские отношения с наиболее могущественными вождями племен, обитавших по Нигеру, вплоть до Томбукту. Но в самом этом городе, куда запрещался доступ «неверным», его едва не постигла смерть.

Подобно Кайе, Барт в Томбукту выдавал себя за араба. Однако, когда обман раскрылся, он повел себя с таким достоинством, что завоевал симпатии шейха арабского племени кунта — аль-Беккаи. В течение восьмимесячного пребывания Барта в Томбукту шейх стойко защищал его, а потом помог выбраться невредимым из города.

Следует, впрочем, отметить, что не один исследователь Северо-Западной Африки был убит арабами и туарегами. Известную роль здесь играл религиозный фанатизм, но, как показал ход событий, аборигены имели все основания опасаться пришельцев из Западной Европы: за исследованием Африки последовал ее раздел между колонизаторами. К тому же африканцы рассматривали как акт войны вторжение на их территории крупных, отлично вооруженных отрядов, во главе которых нередко стояли офицеры. Так, в 1881 году туарегами был убит французский полковник Флаттерс. Экспедиция, которую он возглавлял, имела целью произвести топографическую съемку маршрута

из Алжира к Нигеру в связи с проектами сооружения транссахарской дороги. Все ее участники были уничтожены в Сахаре туарегами.

А между тем европейский путешественник мог чувствовать себя в полной безопасности среди пустыни и дружить с ее сынами, если только он полагался не на новейшее оружие, а на древний закон гостеприимства.

Русский хаким и его друзья

1885 год. В местечко Уаргла — крайний пункт на юге Алжира — прибывает путешественник из далекого Петербурга: доктор медицины Александр Васильевич Елисеев. «Высшее общество» Уарглы — французские чиновники и колонисты вначале радушно принимают гостя из далекой России. Но гость этот ведет себя, на их взгляд, несколько странно. Правда, он прекрасно воспитан, отлично владеет французским языком и даже состоит членом Парижского географического общества. Однако при всем том он явно предпочитает гостиным колонистов городской рынок, где целыми часами беседует по-арабски с коренными жителями. И не только беседует, но и лечит алжирцев, их жен и детей, притом совершенно безвозмездно. А это, согласитесь, совсем уж неприлично и может быть воспринято как намек на бездеятельность колониальной администрации, которой некогда заботиться о здоровье алжирцев.

Жить в Уаргле, заверяют Елисеева колонисты, это совсем не то, что возлежать на ложе из роз. Сразу за поселком начинается безбрежная пустыня Сахара. А она опасна не только песчаными бурями. Страшнее любого самума для колониста жители пустыни.

По мнению колонистов, лучше было бы вовсе не пускать в Уарглу обитателей Сахары. Но ради процветания торговли приходится идти на жертвы: караваны из глубины Сахары время от времени появляются в Уаргле, а затем возвращаются обратно.

Доктор Елисеев не занимается коммерцией, но караваны вызывают у него особый интерес. И вот в один

прекрасный день по Уаргле разносится удивительная весть: русский хаким (врач) отправляется с караваном бербера Ибн Салаха в поселок Гадамес, расположенный в нескольких стах километрах от Уарглы, на территории Триполи.

Тщетно отговаривали колонисты русского путешественника от предприятия, казавшегося им безумным. Он твердо стоял на своем и даже отказывался видеть в своем поступке что-нибудь героическое.

«Характер моей поездки был далеко не похож на обстановку блистательно снаряженной миссии полковника Флаттерса,— писал он.— Путешествие Флаттерса носило характер серьезный и разведочный, а с точки зрения туарегов, даже политический, посягающий на их свободу и дорогую им волю. Совсем иначе путешествовал я, совершенно одинокий, без большого багажа, с одним ружьем за плечом и небольшой дорожной аптечкой, свободно помещавшейся со всем моим имуществом на одном верблюде; ехал даже не путешественник-европеец, всегда импонирующий на туземцев, а странствующий врач, едущий в Гадамес по приглашению местного жителя к больным его семейства и вместе с тем собирающий по дороге целебные травы пустыни».

Дальнейшие события показали, что русский путешественник, впервые приехавший в Сахару, лучше знал ее жителей, чем местные чиновники и колонисты.

«Я действительно нашел здесь не только приют и ласку, но и самое почетное положение,— писал А. В. Елисеев.— Добрые люди не знали, как угодить заезжему адхалибу (лекарю.— *Авт.*), добравшемуся до Гадамеса для того, чтобы подать помощь нескольким больным из семьи Ибн Салаха».

В Гадамесе А. В. Елисеев подружился с африканцем Нгами родом из далекого Кано в современной Нигерии. Нгами было суждено спасти зрение русского друга африканцев, а может быть, и самую жизнь его.

На обратном пути в Алжир на путешественников обрушился самум ужасающей силы.

«Результатами страшной ночной бури было то, что многие растения, дотоле еще прозябавшие в дюнах, несмотря на ужасающий зной, пропали совершенно, двое верблюдов нашего каравана пало, а я получил

сильное воспаление глаз, сразу поставившее меня в самое отчаянное положение,— писал потом А. В. Елисеев в своих очерках «По белу свету». — Не имея под руками никаких средств, даже чистой воды, потому что нельзя было назвать водою кислотатую, сильно вонючую жидкость цвета мыльной воды, которую мы употребляли в питье в эти последние дни, я считал себя совершенно потерянным, представляя страшную перспективу потерять навеки зрение или по крайней мере испортить его навсегда. Добрый Нгами и тут нашелся помочь мне. С помощью угля, собранного от костра, он сумел немного очистить воду, которою я мог по нескольку раз в день промывать свои воспаленные глаза... Восемь дней вслед за этим я должен был ехать с повязкой на глазах, в самом ужасном состоянии души».

Нгами и сын Ибн Салаха — Абиод — ни на шаг не отставали от полуослепшего путешественника и, как умели, успокаивали его. С участием отнеслись к нему и кочевые арабы, с которыми повстречался караван.

Достигнув поселка Эль-Уэд, А. В. Елисеев расстался с жителями Гадамеса. «Я не буду описывать прощания с Абиодом и особенно черным Нгами, который был мне не только спутником, слугой и проводником, но и верным другом, которому я верил как самому себе и преданность которого много раз испытал в пути», — писал А. В. Елисеев.

Александр Васильевич не сделал значительных географических открытий. Он умер еще молодым и, если не считать последнего путешествия в Эфиопию, никогда не располагал средствами для организации настоящей исследовательской экспедиции.

Однако всем своим жизненным опытом он подтвердил факт, имевший и имеющий первостепенное значение для расширения географических знаний: даже одинокий европеец может чувствовать себя в полной безопасности среди аборигенов любой части света. Более того, ему обеспечены дружба и содействие коренных жителей, если только они убедятся, что чужеземец — друг, а не враг.

Вместе с тем непродолжительная вылазка А. В. Елисеева в глубь Сахары еще раз показала, что африканцы прекрасно знают великую пустыню как в

каменистой, так и в песчаной ее части. Чтобы попасть в Гадамес, уроженец Кано — Нгами пересек почти всю Африку — с юга на север.

А. В. Елисеев начал путешествовать приблизительно через десять лет после смерти величайшего исследователя Африки — Давида Ливингстона. Они никогда не встречались и были совершенно разными людьми, но их роднит дружественное, уважительное отношение к коренному населению.

Прежде чем перейти к рассказу о знаменитом английском путешественнике, который в 1854—1856 годах пересек Тропическую Африку, я хотел бы остановить внимание читателя на подвиге двух его скромных предшественников, редко упоминаемых даже в специальной литературе. Это — африканцы Педру Жоау Баптиста и Анастасиу Жозе, сыны народа лунда.

В конце XVIII и начале XIX века только Португалия имела колонию в Западной Тропической Африке — Анголу. Однако ее территория ограничивалась прибрежными областями. С Мозамбиком — португальским владением на противоположном берегу Тропической Африки — Ангола поддерживала связь только по морю. У колониальных властей возник план установления сухопутного сообщения между Анголой и Мозамбиком, однако осуществить его своими силами португальцы не смогли. В 1798 году экспедиция, организованная бразильцем А. Ласердой, предприняла попытку пройти из Мозамбика в Анголу, но потерпела неудачу, главным образом из-за отсутствия сотрудничества и взаимопонимания с африканцами. Это понимали и португальские чиновники в Анголе, недаром один из них заметил: «Они (африканцы.— *Авт.*) считают, что последние (белые.— *Авт.*) не делают ничего такого, что не приносило бы им выгоду и не задевало бы их (африканцев.— *Авт.*) интересы».

В начале XIX века, через несколько лет после экспедиции Ласерды, власти Анголы решили направить по суше в Мозамбик двух африканцев из числа «помбейруш». Помбейруш оставались формально рабами, но фактически были доверенными лицами португальских хозяев и возглавляли торговые экспедиции в глубь материка. Самое слово «помбейруш» произошло от «помбо» — местного названия троп, пересекавших

во всех направлениях леса и саванны Тропической Африки.

В 1875 году известный чешский путешественник по Южной и Центральной Африке Эмиль Голуб прибыл в резиденцию царя Сепопо — главы государства Марутсе-Мабунда, к северу от Замбези. Здесь он встретился с двумя торговцами-мулатами из Анголы. «Португальские торговцы из Луанды, Мосамедиша и Бенгуэлы (позднее я познакомился еще с несколькими) во всех подробностях изучили местность между западным побережьем и озером Бангвеоло, а на восток — до устья Кафуэ, ту самую местность, которая являлась для нас *terra incognita*, — писал он несколько лет спустя. — Им были известны не только различные африканские государства и цари, но и вожди племен и даже их характеры. Знали они также все возвышенности и реки, которые приходится преодолевать, путешествуя по этим областям. И все же эти люди, как и их белые коллеги на западном побережье, считали возможным умалчивать о своих познаниях, чтобы не привлекать торговцев других национальностей в области, богатые каучуком и слоновой костью».

Разумеется, полностью скрыть географические познания, передаваемые помбейруш, было невозможно, и добытые ими сведения так или иначе распространялись. Что касается экспедиции Баптиста и Жозе, то о ней определенно стало известно в Европе. Узнал о ней и Д. Ливингстон.

Инициатива этого замечательного путешествия принадлежала португальским властям, но своим успехом оно всецело обязано его участникам и другим африканцам, оказавшим им содействие.

Помбейруш Баптиста и Жозе выступили в конце ноября 1802 года из Касанзы во внутренней Анголе (примерно в 500 километрах от побережья Атлантики), но вскоре застряли почти на три года у одного из местных вождей. Объяснялось это тем, что хозяин не прислал обещанных товаров. Товары эти они получили только в 1805 году.

В следующем, 1806 году они достигли города Казембе — центра восточной области обширного африканского государства Лунда. Властитель этой области, расположенной на реке Луапула, также назывался казембе. Из дневника Баптисты видно, что казембе и

его сестра гостеприимно встретили землепроходцев из Анголы; правитель области всецело поддержал идею открытия прямого пути в Мозамбик. Заботясь о безопасности путешественников, он задержал их у себя на целых четыре года, пока не закончилась война, которую он вел с главой соседнего княжества. Все это время Баптиста и Жозе получали от него содержание и не испытывали нужды ни в чем. В 1810 году, когда война закончилась, казембе дал путешественникам проводника и часть пути сопровождал их со своей свитой.

Такое отношение казембе отнюдь не было чем-то исключительным. Д. Ливингстон в своих странствиях также пользовался помощью и поддержкой африканских властителей, заинтересованных в развитии торговли. Об этом речь пойдет ниже.

2 февраля 1811 года оба помбейруш благополучно прибыли в город Тете (Мозамбик), расположенный примерно в 500 километрах от берега Индийского океана. Так закончился этот беспримерный для того времени переход через Тропическую Африку. В пути Баптиста и Жозе производили доступные им географические наблюдения, и в частности измеряли ширину рек, через которые переправлялись.

В Тете они сдали местным португальским властям письма губернатора Анголы, а 10 мая 1811 года двинулись в обратный путь. В конце 1814 года они вернулись в Анголу и, таким образом, снова пересекли Тропическую Африку, но уже в обратном направлении — с востока на запад.

Португальское правительство осыпало наградами и почестями подполковника ди Косту, который отправил обоих помбейруш в далекий Мозамбик. Но даже генерал-губернатор Анголы был вынужден признать заслуги африканских землепроходцев. В донесении, отправленном им 25 января 1815 года в Лиссабон, путешествие характеризуется как «открытие столь желанного сообщения между берегами Восточной и Западной Африки». Он указывает, что своим счастливым исходом экспедиция обязана «предприимчивости и трудам» помбейруш Баптиста и Жозе.

Однако смелые помбейруш долгое время не имели последователей, и подвиг их был повторен Д. Ливингстоном лишь сорок лет спустя.

Спутники «большого доктора»

18 апреля 1874 года в Вестминстерском аббатстве, где покоятся останки многих великих англичан, похоронили набальзамированные останки Давида Ливингстона. Сердце же его осталось в далекой Африке, которой оно принадлежало по праву.

Над могилой в Вестминстере — черная мраморная доска с надписью:

Перенесенный верными руками
через сушу и море,
покоится здесь
Давид Ливингстон,
миссионер, путешественник и
друг человечества.

«Миссионер» поставлен на первое место. Нередко это слово связывается у нас с представлением об агенте колонизаторов, обманщике и эксплуататоре. Но Ливингстон, хотя и отправился в Африку проповедовать «слово божье», был прежде всего путешественником и другом человечества, другом жителей этого материка. Не случайно африканские спутники его девять месяцев несли гроб с телом путешественника к океану и прошли 1200 километров.

Колонизаторы ограбили и Ливингстона и африканских друзей его, используя его замечательные открытия для порабощения племен и народов. Но в памяти людей имя Давида Ливингстона останется символом мужества, благородства и подлинной гуманности.

Путешественник во всеуслышание заявил, что африканцы, которых он назвал своими «верными товарищами», оказали ему огромную помощь. Они делали все для успеха экспедиций чужеземца, преодолевали любые трудности и лишения, а порой и не щадили собственной жизни. Объясняется это прежде всего поведением самого Ливингстона. Искреннее уважение, которое он питал даже к самым отсталым африканцам, ненависть к расизму и гнусному торгу людьми прокладывали ему путь через дебри Африки.

Исследование материка далеко не закончилось со смертью великого шотландца. Но сейчас можно с уверенностью сказать, что никто из его предшественников и последователей не внес такого вклада в географию

ческую науку, как Давид Ливингстон. Он был, можно сказать, первооткрывателем центральной части Южной Африки, ранее почти неизведанной. Он нанес на карту одну из крупнейших рек — Замбези, о течении которой, за исключением низовий ее, в Европе ничего не знали. Открыл в Южной и Центральной Африке озера Нгами, Ширва, Ньясса, Мверу и Бангвеоло, первым пересек с юга на север суровую пустыню Калахари. Пешком и на челнах он исследовал почти третью часть Африки.

Какое же из своих достижений считал он самым важным?

«Я сделал много открытий,— писал Ливингстон,— но самое главное заключалось в том, что я открыл хорошие качества у тех людей, которых считали стоящими на низкой ступени культуры».

Именно это открытие «большого доктора», как называли его африканцы, послужило основой для всех остальных.

Ливингстон сделал его еще до того, как стал путешественником. Он впервые приехал в Южную Африку в 1840 году, а уже в 1843-м произошел случай, который оставил неизгладимый след и на теле и в душе шотландца. В это время он жил в долине реки Маботсе, где основал миссионерскую станцию. Жители долины очень страдали от нападений львов на стада.

Желая избавиться их от этой напасти, Ливингстон вместе с африканцами отправился на охоту. Заметив льва, сидевшего на скале, путешественник выстрелил в хищника и ранил его. Лев кинулся на охотника и повалил на землю. На помощь Ливингстону бросились учитель Мебальве и другой африканец, вооруженный только копьем. Оставив Ливингстона, лев вцепился в плечо этому африканцу, но тут возымела действие пуля, попавшая в зверя, и он упал мертвым. Кроме раздробленной кости руки у миссионера-путешественника осталось еще одиннадцать ран в мягких тканях плеча.

Так героизм двух почти безоружных африканцев, вступивших в неравный бой с царем зверей, спас жизнь Ливингстону, сохранил его для великих дел.

В первое большое путешествие Ливингстон взял с собой двух английских охотников — Освелла и Муррея, а также нескольких африканцев. Экспедиция пе-

Спутник Ливингстона — Чума (стоит)

ресекла пустыню Калахари и 1 августа 1848 года открыла озеро Нгами. При этом Ливингстон пользовался географическими сведениями, полученными от самих африканцев.

Ободренный успехом, Ливингстон решил продолжать свои исследования и в 1851 году достиг Чобе — южного притока Замбези, а затем и самой этой реки. Здесь он подружился с макололо — немногочислен-

ным, но прочным объединением басуто, которые с 1838 по 1864 год господствовали в верховьях Замбези. Правда, выдающийся полководец и государственный деятель макололо — Себитуане — скончался в том же, 1851 году, однако сын его Секелету, хотя и не обладал талантами отца, сумел по достоинству оценить Ливингстона. Дружба эта имела огромное значение для дальнейшей деятельности путешественника. Секелету помог европейскому гостю организовать новую экспедицию, которая должна была выйти к Атлантическому океану в Анголе. По приказу Секелету был сформирован специальный отряд из двадцати семи человек, во главе которого стал английский путешественник. Для передвижения по рекам экспедиция получила несколько челнов, макололо в изобилии снабжали ее продуктами. Ни о чем подобном Ливингстон и мечтать не мог у себя на родине, хотя предприятие его имело первостепенное значение не только для науки, но и для торговли с внутренней частью Южной Африки (Секелету, кстати, отлично это понимал).

Экспедиция покинула Линьянти (ставка вождя макололо) в ноябре 1853 года, в феврале следующего года достигла озера Дилоло, а 11 мая вышла к Атлантическому океану у города Луанда в Анголе. Затем путешественники двинулись в обратный путь и в сентябре 1855 года возвратились в Линьянти.

При движении по рекам и по суше Ливингстон не раз попадал в опасные положения, к тому же он много болел. Африканцы неизменно приходили ему на помощь, проявляя самую трогательную заботу.

Вот один такой эпизод в описании самого Ливингстона: «После полудня мы пришли к другой речке — Муана Локе (или Дитя Локе), через которую вел мост. Идя по этому затопленному водой мосту, люди заходили в воду по грудь и должны были пускаться дальше вплавь. Некоторые из них предпочитали идти до конца, держась за хвост быка. Я хотел сделать так же, как они, но когда мы дошли до глубокого места, то, прежде чем я мог слезть с быка и взяться за ярмо, бык внезапно бросился вслед за другими и так глубоко ухнул в воду, что я не успел ухватиться за ремень; если бы я дернул узду, то бык скорее всего повернул бы назад. Поэтому я отправился на другую сторону один. Когда мои бедные товарищи увидели, что я

остался один, они страшно встревожились и двенадцать человек бросились ко мне вплавь на выручку, и, как только я добрался до берега, один из них схватил меня за руку, а другой обхватил меня и потащил на себе... Когда я был уже вне опасности, они достали со дна часть моего имущества, оброненного второпях. Они громко выразили свое удовольствие, увидев, что я могу так же плавать, как и они. Я испытываю глубокую благодарность за ту готовность, с которой они кинулись в воду, чтобы спасти — как они думали — мою жизнь».

Даже отвратительные преступления работорговцев не изменили отношения макололо к «большому доктору» (свидетелями этих гнусностей они все чаще становились по мере приближения к португальским владениям). Сталкиваясь с этими ужасами, их европейский друг испытывал настолько глубокое и искреннее негодование, что уважение их к Ливингстону только увеличивалось. Ливингстон же решил посвятить свою жизнь не только исследованию Африканского материка, но и борьбе с рабством.

После короткого отдыха в Линьянти путешественник отправился дальше, вниз по течению Замбези, чтобы исследовать эту реку от верховьев до устья и одновременно пересечь Африканский материк с запада на восток — от Атлантического океана до Индийского. На помощь ему снова пришли макололо во главе с их вождем Секелету.

«Секелету выделил двух людей — Секвебу и Каньянту, которые должны были возглавить партии моих спутников,— писал Ливингстон.— Секвебу, будучи мальчиком, был в плену у матебеле; племя, в котором он был пленником, переселилось в страну, лежащую близко к Тете (селение в Мозамбике.— *Авт.*). Он несколько раз совершал путешествия по обоим берегам Замбези и хорошо знал наречия, на которых там говорили. Я убедился в том, что это очень разумный человек, обладающий здравым смыслом».

Одним из важнейших событий этого этапа путешествия было открытие на реке Замбези водопада, который африканцы поэтично называли «Гремящим дымом». К сожалению, Ливингстон присвоил ему куда более прозаическое имя английской королевы Виктории.

У «Гремящего дыма» Секелету расстался с Ливингстоном. Дело в том, что из двух заказанных челнов был доставлен только один, и вождь макололо уступил его путешественнику.

В марте 1856 года английский путешественник и его африканские спутники достигли Тете, затем вместе с Секвебу и еще одним африканцем продолжали путь к океану и 26 мая вышли на побережье у деревни Килимане, откуда Ливингстон отплыл в Англию.

Целых четыре года прождали его возвращения верные товарищи-африканцы, оставшиеся в Тете. И дождались своего друга. С ним прибыли его брат Чарлз и доктор Джон Керк.

В ходе новой экспедиции, закончившейся в 1862 году, Ливингстон исследовал Замбези выше Тете и порогов Кебраса, а затем реку Шире (один из левых притоков великой реки), озера Ньясса и Ширва.

На примере отношения к этой экспедиции можно составить себе ясное представление о «культуре» колонизаторов и «дикости» африканцев.

Португальские власти Ливингстон прямо обвинил в двурушничестве. Зная о его непримиримом отношении к рабовладению и работорговле, они на словах обещали участникам экспедиции всяческое содействие, а на деле мешали им, как только могли.

Английские колонизаторы к этому времени отказались от рабства и работорговли, которые в условиях быстрого развития капитализма стали невыгодными. Но это не помешало им использовать открытия Ливингстона во вред африканцам. Первыми форпостами колонизаторов на африканской земле были миссионерские станции. Однако попытка путешественника организовать такую станцию в Юго-Восточной Африке потерпела неудачу. Этого оказалось достаточно, чтобы английское правительство лишило прославленного исследователя материальной поддержки.

Африканцы же с начала до конца оставались верными друзьями «большого доктора». Правда, вожди и старейшины племен, живших по соседству с португальскими владениями, не раз ставили экспедиции различные препоны, но это свидетельствовало лишь о развращающем влиянии той «цивилизации», которую несли в Африку колонизаторы и работорговцы.

После свидания с Секелету Ливингстон подробно

исследовал водопад Виктория, открытый им в 1855 году. Это стало возможно благодаря мужеству и изумительной сноровке одного из африканцев, сопровождавших путешественника.

Вот что пишет об этом сам Ливингстон:

«Мы сели в челн, принадлежавший Туба Мокоро — „Разбивателю челнов“; несмотря на это зловещее имя, он, по-видимому, был единственным, знавшим „средство“ против кораблекрушения на порогах над водопадом. На протяжении нескольких миль течение реки было плавным и спокойным, и мы приятно скользили по воде, прозрачной, как хрусталь, мимо красивых островов, покрытых густой тропической растительностью...

Но наше внимание было скоро отвлечено от очаровательных островов к опасным порогам, куда нас мог нечаянно завлечь Туба. Сказать правду, грозный вид этих ревущих порогов вряд ли мог не вызывать неприятное чувство у всякого новичка. Только при очень низком стоянии воды в реке, как это было в данный момент, вообще кто-либо решается отправиться на тот остров, куда мы держали путь... Человек, находящийся на носу (Туба.— *Авт.*), должен был смотреть вперед и выбирать надлежащий курс и, когда он видел скалу или какое-нибудь другое препятствие, оповещать об этом рулевого... Были места, где только при крайнем напряжении со стороны обоих мужчин можно было заставить челн пройти в единственном безопасном месте порогов и не допустить, чтобы его снесло вниз, где мы во мгновение ока оказались бы барахтающимися среди чаек, которые, ныряя, охотились за мелкой рыбой. Иногда казалось, что уже ничто не спасет нас от удара о скалы, которые теперь, когда уровень воды в реке был низким, выступали из воды. Но в самый критический момент Туба отдавал распоряжение рулевому, потом шестом, который он держал наготове, направлял лодку немного в сторону, и мы быстро скользили мимо только что угрожавшей нам опасности. Никто никогда еще не вел челн так замечательно...

Мы пристали к Гарден-Айленд (Садовому Острову.— *Авт.*), который лежит посередине реки, на самом краю водопада. Когда мы достигли этого края и посмотрели вниз с головокружительной высоты, перед

нами открылось чудесное и необыкновенное зрелище величественного водопада».

В 1860 году Ливингстон после семилетнего отсутствия прибыл в Линьянти. Он пожелал взять некоторые предметы (аптечку, волшебный фонарь, инструменты, книги), находившиеся в фургоне, который оставил в селении макололо. Секелету отдал все вещи на сохранение своим женам, и те вернули их в полной сохранности путешественнику. Пропали только два тома рукописей, которые Ливингстон просил, если не вернется, передать любому англичанину для пересылки своему тестю — миссионеру Моффату. Через некоторое время, когда в Линьянти явился английский торговец, макололо выполнили это поручение. Торговец же присвоил записки Ливингстона, заявив, что не получал их. В дальнейшем, когда одна из жен Секелету разоблачила цивилизованного вора, он вернул один том.

Неграмотные африканцы куда лучше понимали ценность научных открытий Ливингстона, чем его вполне грамотный соотечественник!

Из Линьянти английский путешественник направился в селение Шешеке на Замбези, в пределах владений макололо. Отсюда он вернулся к берегу Индийского океана. И на этом участке пути ему всячески помогали африканцы. Его сопровождали «полдюжины искусных лодочников», которые уже ходили с ним в Луанду. Кроме того, Секелету предоставил экспедиции в качестве запаса продовольствия шесть быков, которых гнали несколько пеших людей... «В это время свирепствовала нужда, и, если принять во внимание дороговизну пищевых продуктов, надо признать, что Секелету проявил по отношению к нам большую щедрость», — отметил Ливингстон.

Третья экспедиция Д. Ливингстона началась в 1866 году и продолжалась до смерти исследователя в 1873-м. На этот раз ему удалось достичь озера Мверу и реки Луалабы, открыть озеро Бангвеоло. В 1872 году Г. Стэнли разыскал «большого доктора» в глубине Африки.

Оба путешественника совместно исследовали северную часть озера Танганьика. Затем они расстались, ибо Ливингстон, несмотря на болезнь и тяготы пути, горел желанием продолжать путешествие. Однако

1 мая 1873 года на берегу озера Бангвеоло он скончался.

Выше уже говорилось о том, что спутники его — африканцы — доставили гроб с телом путешественника к далекому океану. Но этим их подвиг не ограничился. Африканцев Чума (Ливингстон в 1861 году выкупил его из рабства) и Сузи обычно называют его слугами. Фактически, однако, они были полноправными участниками экспедиции. Это доказывается не только тем, что благодаря их знаниям и опыту экспедиция после смерти своего руководителя сумела вернуться к океану. Сузи и Чума сыграли очень важную роль при изучении научного наследия Ливингстона. Оно отнюдь не исчерпывалось дневником, который он в 1872 году переслал через Стэнли в Англию. При нем оставались записи — они легли в основу дневника, — а также составленные им карты. Под руководством Сузи и Чумы африканцы собрали все документы Ливингстона, до последнего клочка бумаги, бережно упаковали в ящик из белой жести и вместе с гробом доставили к побережью.

В дальнейшем они в течение четырех месяцев служили консультантами английскому ученому и другу Ливингстона — Горацию Уоллеру, который разбирал бумаги и готовил их к печати. Я намеренно употребляю здесь выражение «консультант», хотя и Сузи и Чума были неграмотные.

«Отличное знание местности, — писал Уоллер, — через которую прошла экспедиция, и постоянное содействие, которое они оказывали своему господину в качестве толмачей, превратили их в географов-практиков редкостной квалификации».

Когда у Уоллера возникли сомнения по поводу одной карты, Сузи самостоятельно начертил схему речной сети соответствующего района. К удивлению английского ученого, схема в точности совпала с картой Ливингстона.

Творческое содружество великого шотландского путешественника с африканцами продолжалось и после его смерти.

Генри Стэнли был совсем другой человек. К сожалению, он вошел в историю не только как исследователь Центральной Африки, но и как рьяный колонизатор. Однако и он признал, что ничего не достиг бы без помощи африканцев.

Стэнли готов признать заслуги африканцев, но только как носильщиков. Роль других африканцев — участников его экспедиции — он замалчивает или умаляет. В поисках Ливингстона его сопровождал в качестве начальника каравана (фактически заместителя главы экспедиции) занзибарец Сииди Мбарака Момбей по прозвищу Бомбей, очевидно принадлежавший к народу суахили. Стэнли отзывается о нем отрицательно, но когда-нибудь об этом выдающемся исследователе Центральной Африки, достойном соратнике известных западноевропейских путешественников будет написана целая книга.

Первыми из этих путешественников были англичане Джон Спик и Ричард Бертон. Когда они прибыли на восточное побережье Африки (1857), никто из европейцев еще не видел истоков Нила. Собранные в Египте и Судане данные подтверждали древние сведения о том, что Нил вытекает из озер, но найти эти озера все еще не удавалось. Сведения этого рода имелись и в Восточной Африке. Лондонское географическое общество так сформулировало задание экспедиции Бертона и Спика:

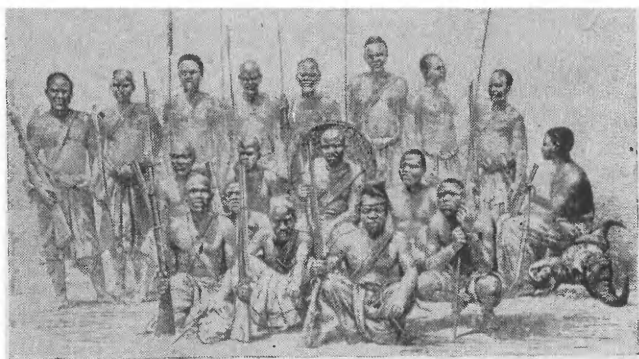
«Главная цель экспедиции — проникнуть сушей из Килвы или какого-либо другого пункта на восточном побережье Африки как можно дальше по направлению к озеру Ньяса, о существовании которого до нас дошли кое-какие слухи».

В 1858 году Спик вместе с Бертоном открыл озеро Танганьика, а затем достиг озера Ньянза, которому присвоил имя английской королевы Виктории. В 1859 году путешественник вернулся в Занзибар.

В 1860 году, на этот раз совместно с Дж. Грантом, он предпринял вторую экспедицию в Центральную Африку для проверки его утверждения о том, что Нил вытекает из озера Виктория-Ньянза.

Путешественники обошли западный и южный берег названного озера, открыли реку Виктория-Нил, текущую из озера на север, и разрешили, таким образом, вопрос об основном истоке Белого Нила. Река действительно берет начало в великом африканском озере.

Момбей участвовал в обеих экспедициях и, как был вынужден признать Стэнли, заслужил похвальные отзывы и Бертона, и Спика, и Гранта; первый назвал его «колицетворенной честностью».

Спутники Спика

Из книги «Journal of Discovery of the Sources of the Nile»,
London, 1863

Спик особенно подчеркивал роль Момбея во второй экспедиции, когда тот заменил заболевшего начальника каравана араба Саида ибн Салема. Английский путешественник прямо называет Момбея своим «фактотумом» (то есть заместителем) и характеризует его как «честного, благородного человека».

Успеху экспедиции способствовали и дружественные отношения, установившиеся у Спика с другими африканцами — участниками экспедиции (преимущественно суахили и ваньямвези). Спик называл их своими «верными детьми».

Заслуги их получили официальное признание, что не часто случалось в истории исследования Африки. Они были награждены специальной медалью «За участие в открытии истоков Нила». Имена некоторых из них известны. Это брат Момбея — Мабруки, Амбараки, Умаменго, Барути и Уледе. Все они, как и Момбей, участвовали в поисках Ливингстона, организованных Стэнли.

Хотя Стэнли невзлюбил Момбея, фактотум Спика не остался без дела после возвращения экспедиции на восточное побережье Африки. Его сразу пригласил на ту же должность Верней Кемрон, который также отправился в район озера Танганьика на поиски Ливингстона.

В октябре 1873 года экспедиция встретила африканцев во главе с Чумой, которые несли к океану тело Ливингстона.

После этого Кемрон, Момбей и другие участники экспедиции достигли озера Танганьика, открыли реку Лукуга, дающую сток водам озера, а затем пересекли материк в юго-западном направлении и в Анголе вышли к океану.

Выбор острова Занзибар и побережья Восточной Африки в качестве базы для исследования Центральной Африки облегчал задачу исследователей. Это объяснялось не только тем, что природные условия позволяли сравнительно легко проникать в глубь Африки со стороны Индийского океана. Арабы и суахили располагали обширной информацией о районе великих озер и охотно выступали в роли проводников. К тому же в первой половине XIX века арабские купцы с побережья непосредственно проникали в Центральную Африку. От населенного пункта Тabora, основанного ими в 1830 году, шли караванные пути на запад — к озеру Танганьика и на север — в государство Буганда (в нынешней Уганде). Несколько позднее арабы обосновались в верховьях Конго.

Большинство купцов (хотя и не все, как иногда пытаются представить) были работоторговцами, и колонизация ими внутренних районов Африки принесла коренному населению великие бедствия. Однако это не умаляет значения их открытий для истории географических знаний. Здесь, как и в Западном Судане, путешественники из Западной Европы шли по проторенным путям караванной торговли. Некоторые из арабских купцов оказывали исследователям неоценимые услуги.

В октябре 1874 года экспедиция Кемрона вступила в поселок Килемба, расположенный на берегу реки Лувиджо (приток Луалабы). Поселок этот был опорным пунктом арабского скупщика слоновой кости Джумы Мерикани.

«Джума Мерикани,— пишет Кемрон,— оказался самым любезным и гостеприимным из многих друзей, которых я нашел среди арабских купцов в Африке. Это был умный человек, немало поездивший с тех пор, как он покинул район Танганьики. *Он сам и многие его люди располагали обширной географической информацией, которой поделились со мной* (выделено мной.—

Авт.). Он побывал на золотых и медных рудниках Катанги и в стране Усама, где нашел уголь, образчик которого вручил мне; знал дорогу от озера Мверу к озеру Танганьика...»

Африканцы участвовали и в экспедиции англичанина Сэмюэла Бейкера, который в 1864 году открыл озеро Альберт и многое сделал для решения загадки второго истока Белого Нила. В отличие от Спика и Гранта, с которыми он встретился в Гондокоро на Ниле в феврале 1863 года, Бейкер двигался в направлении от устья Нила к его истокам. В Восточном Судане и в нынешней Уганде он тщательно расспрашивал местных жителей и, следуя их указаниям, достиг озера Альберт.

Особый интерес в этом отношении имеет запись, сделанная им 26 мая 1863 года в районе Латука (на юге нынешней Республики Судан).

«Среди жителей Оббо, которые сопровождали нас в Латуку, находился человек по имени Уани. Он побывал далеко на юге и предложил доставить Ибрагима (арабский купец, с караваном которого двигалась экспедиция.— *Авт.*) в местность, богатую слоновой костью, где не был еще ни один путешественник. Ибрагим нанял его в качестве проводника и толмача. Расспрашивая Уани, я установил, что раковины каури (заменившие в Центральной Африке деньги.— *Авт.*) поступают из Магунго. Я уже слышал от туземцев это название, но не знал, где именно находится эта местность. Для меня было чрезвычайно важно установить путь, по которому маленькие раковины доставлялись с юга, ибо эта информация могла определить и маршрут моей собственной экспедиции... Поэтому я слово в слово воспроизвожу запись в моем дневнике от 26 мая 1863 года, когда я впервые получил сведения о местоположении озера Альберт-Ньянза.

У меня была длительная беседа с Уани (проводник и толмач) по поводу области Магунго... По описанию Уани, область Магунго расположена на озере настолько обширном, что никто не знает его пределов. Из дальних и неизвестных стран туда прибывают большие лодки с каури и жемчугом, которые выменивают на слоновую кость. На борту этих лодок видели белых.

Расстояния, указанные Уани, свидетельствуют о том, что область Магунго расположена примерно под

2-м градусом северной широты (фактически 1 градус 38 минут северной широты.— *Авт.*).

Сведения, которые я записал, впервые навели меня на след фактов, которые я впоследствии установил. Прибытие же в Магунго белых (арабов.— *Авт.*) было подтверждено тамошними жителями, когда я познакомился с ними год спустя».

Несколько месяцев спустя — 13 августа 1863 года — Бейкер получил более точные сведения об озере Альберт. На этот раз его информатором стала рабыня-африканка по имени Башита. Она не только описала озеро, не только рассказала, какие на нем волны, но и сообщила чрезвычайно важную подробность: Белый Нил, войдя в озеро, затем из него выходит. Как известно, в озеро Альберт действительно впадает река Виктория-Нил, а вытекает из него река Альберт-Нил.

Радушный хозяин

Итак, и в Африке сотрудничество европейских путешественников с местными жителями имело огромное значение для истории географических открытий.

В первой четверти XIX века в Южной Африке возникло могучее государство зулусов. Его основателя и выдающегося полководца Чаку Зулу в западной литературе часто изображают кровожадным чудовищем. Такая оценка неверна, хотя Чака действительно нередко совершал жестокости, отнюдь не продиктованные государственными интересами или соображениями военного характера.

Чака неизменно приветливо встречал первых европейцев, проникших в страну зулусов за несколько лет до его смерти. Не проявляя ни малейшего подобострастия, он искренне стремился приобщить свой народ к европейской культуре.

В марте 1824 года в Порт-Наталь (нынешний Дурбан) прибыли с разведывательными и торговыми целями два брига — «Джулия» и «Энн». В следующем году группа англичан во главе с Ф. Феруэллом и Г. Финном предприняла путешествие в страну зулусов. Узнав о приближении английского отряда к его владениям, Чака направил навстречу чужеземцам одного из своих

сановников — Мбикваана, который передал англичанам официальное приглашение зулусского короля и показал им путь в ставку Чаки — Булавайо. Благодаря отличному знанию им местности экспедиция легко преодолела природные препятствия.

В Булавайо Феруэлл совершенно неожиданно для себя встретил старого знакомого — Джекоба Мсиимбитти, который происходил из народа коса. За какую-то провинность, действительную или мнимую, власти Капской колонии сослали этого африканца на остров Роббен, где находилось нечто вроде концентрационного лагеря. Джекоба Мсиимбитти выручили его лингвистические способности: он научился голландскому и английскому, родной же его язык близок зулусскому. Поэтому в 1823 году его включили в качестве переводчика в состав морской экспедиции, которую возглавлял Феруэлл. Задачей экспедиции было исследование восточного побережья Южной Африки.

В бухте Сент-Люсия Феруэлл и его товарищи пытались высадиться на сушу, но шлюпка перевернулась в полосе прибоя, и четверо из находившихся в ней утонули. Только руководителям экспедиции — Феруэллу и Томпсону — удалось достигнуть берега. Первого спас искусный пловец Джекоб. Несмотря на это, раздосадованный Томпсон сорвал свой гнев на африканце, ударив его по лицу. Возмущенный Джекоб покинул англичан, ушел в глубь страны и достиг двора Чаки, который оставил его у себя.

Теперь, когда в ставку зулусского короля прибыли первые англичане, Чака использовал Джекоба в качестве толмача. Феруэлл опасался, что оскорбленный африканец попытается использовать свое положение и отомстить англичанам, в которых он имел все основания видеть врагов и мучителей. Однако ничего подобного не произошло, Джекоб исполнял свои обязанности честно и добросовестно. Чака же отнесся к англичанам самым дружелюбным образом.

Суровый повелитель зулусов больше всего ценил в людях мужество и самоотверженность. Он еще раз доказал это позднее, когда в его ставку неожиданно прибыл четырнадцатилетний шотландец Джон Росс. Росс находился на борту брига «Мэри», который в октябре 1825 года потерпел аварию при попытке войти в гавань Порт-Наталь. Среди высадившихся на берег моряков

начались болезни, а лекарств у них не было. Ближе всего медикаменты можно было достать в португальском поселении в бухте Делагоа (Мозамбик), и туда за ними отправили Джона Росса. Ему предстояло пройти около 650 километров. Участок от Порт-Наталя до Булавайо был наиболее легким — в стране зулусов существовали по крайней мере пешеходные тропы. За ее пределами мальчик должен был пробираться по лесистой местности, изобилующей дикими зверями. К тому же после войн, опустошивших эту область, по ней бродили шайки разбойников.

Чака изумился храбрости подростка. Он был уверен, что шотландца ждет верная гибель, и предоставил Россу охрану из двух рот отборных воинов, а также подарил десять пар слоновых бивней для менового торга с португальцами, на отзывчивость которых не надеялся. Кроме того, он послал вперед гонцов с приказом снабдить отряд продовольствием и быками на убой. Наконец, Чака сам разработал маршрут экспедиции и дал инструкции командиру охраны.

Так экспедиция, впервые проложившая путь по суше из Дурбана в Делагоа, превратилась в англо-зулусскую или зулусско-английскую. Благодаря помощи Чаки юный шотландец выполнил поручение. Вернувшись в Булавайо, он с благодарностью сообщил об этом Чаке, подчеркнув, что своим успехом всецело обязан ему.

«Нет, не так, дитя белого человека,— ответил расстроженный король.— Мое сердце согрела твоя храбрость. Именно она заставила меня дать тебе подходящий щит и копье, без которых твоя попытка была бы безнадежной. Зная, какие опасности подстерегают тебя, как мог я допустить, чтобы ты шел дальше один? Сердце мое истекло бы кровью, ибо, хотя смерть множества обыкновенных людей оставляет меня равнодушным, гибель одного смелого мужчины для меня горе. А ты теперь мужчина, хоть и с телом мальчика».

Характерно, что даже в наше время, после многих десятилетий колониального гнета, зулусы славят друга Чаки — Джона Росса как героя.

Для нас в этой истории интересны не только героизм Росса и благородство Чаки. Англо-зулусская экспедиция показала, какими большими географическими познаниями обладал неграмотный зулусский король,

и к тому же имела определенные практические последствия. Маршрут экспедиции был разработан Чакой чрезвычайно удачно, в настоящее время почти рядом с путем, по которому некогда двигались Джон Росс и его зулусская охрана, проходит шоссе из Дурбана в бухту Делагоа через Свазиленд.

В 1828 году была организована еще одна англо-зулусская экспедиция с целью установления регулярной связи между государством Чаки, Капской колонией и Великобританией. К этому времени плотник с погибшего брига «Мэри» соорудил из его обломков шхуну. 30 апреля судно, названное в честь зулусского короля, покинуло Порт-Наталь, имея на борту Феруэлла и других англичан, а также посольство Чаки к английскому королю Георгу IV. В состав посольства входили зулусские сановники Сотобе, Мбозамбоза, Пикваан и толмач Джекоб, получивший у зулусов прозвище Пловец. Чины посольства намеревались вести переговоры с английским губернатором Капской колонии, а затем уже отправиться ко двору Георга IV.

4 мая шхуна прибыла в Порт-Элизабет, где была задержана местными английскими чиновниками. Они конфисковали «Чаку» на том основании, что судно не числилось в регистре. В августе 1828 года посольство вернулось в Порт-Наталь, ничего не достигнув.

Вскоре после того Чака был убит. Попытки его установить дружественные отношения с европейцами, приобщить свой народ к их высокой культуре умерли вместе с ним. Колонизаторы — как бурские, так и английские — повели враждебную политику по отношению к зулусскому государству. В дальнейшем оно было разгромлено английскими войсками.

В таких условиях не могло быть и речи о совместных географических исследованиях. История открытия Африканского материка есть история не только героических свершений, но и упущенных возможностей.

«ВОТ ИНДИЯ»

Океан-объединитель

Атлантическая бездна долго разделяла народы. Если не считать короткого эпизода с викингами, не оставившего глубокого следа в истории человечества, сообщение через Атлантику стало налаживаться только в конце XV века. До этого для таких плаваний не было технических возможностей.

Индийский океан не похож на Атлантику: он не разъединяет прибрежные народы, а, наоборот, соединяет их. Еще в древнейший период жизни человечества первобытные люди смогли пройти огромный путь от Юго-Восточной Азии до Австралии, преодолевая узкие и мелководные проливы. Вдоль всего южного берега Азии и немалой части побережья Восточной Африки возможно каботажное судоходство с применением простейших плавучих средств.

Местные мореходы смогли рано оторваться от берегов и выйти в открытый океан. Сама природа снабдила их своеобразным двигателем, воспользоваться которым может каждый, кто научился управляться с парусами. Это муссоны — ветры, дующие в строго определенном направлении, а затем меняющие его на обратное словно затем, чтобы помочь мореплавателям возвратиться домой.

Вдоль южных берегов Азии проходит великий морской путь. Его прокладывали с глубокой древности египтяне, индийцы, персы, арабы, китайцы, индонезийцы. Он связывал воедино страны Восточной и Южной Азии, острова Индонезии и Филиппины, от него отходили ответвления в Африку. В начале нашей эры

этот путь был освоен европейцами, что имело огромное значение для развития международной торговли и прогресса географической науки.

Колыбелью древних цивилизаций были долины рек Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Амударьи... Археологи находят все новые доказательства торгового обмена между древнейшими цивилизациями, который осуществлялся и по морю. В развалинах дворца царей Ура в древней Вавилонии найдены остатки тика.

Откуда могло попасть это дерево сюда? Да не иначе как с Малабарского (западного) побережья Индии, где в древности тик произрастал поблизости от моря.

С незапамятных времен Индия вывозила не только сырье, но и готовые изделия, прежде всего ткани. Индийский историк Г. Мукерджи указывает, что в древне-вавилонском языке название «муслин» соответствовало индийскому. А это значит, что не только тик, но и ткани доставлялись из Индии в Вавилонию непосредственно по морю — в ином случае торговые посредники на суше наверняка переименовали бы это название.

Индийские изделия можно найти во многих музеях, где хранятся мумии древнего Египта. С другой стороны, в развалинах Мохенджо-Даро, древнего города в долине Инда, одного из центров культуры Хараппы, найдены украшения работы древнеегипетских мастеров. Культура Хараппы прекратила свое существование в середине II тысячелетия до н. э. Значит, обмен товарами и изделиями между долинами Инда и Нила происходил уже до этого времени.

Северо-Восточная Африка — страна Пунт — привлекала не только египтян и финикийян. Торговые связи с ней, по мнению некоторых ученых, поддерживали и жители древней Месопотамии. Многие древние географические названия, встречающиеся в Восточной Африке, — индийского происхождения. Таковы Софала (Мозамбик) — в дальнейшем важный центр средневековой торговли между Азией и Африкой, а также Сокотра — остров к югу от Аравии. Хенниг считает, что сношения между Индией и Юго-Западной Аравией или даже Восточной Африкой могли возникнуть в конце II тысячелетия до н. э.

К этому времени мереходы Юго-Западной Аравии и в особенности Омана уже давно совершали океан-

ские плавания. Существует мнение, что именно они доставляли в древнюю Вавилонию обработанный камень для строительных работ, а также корабельный лес и ценные породы дерева с Малабарского побережья Индии, ходили в Египет, связывая таким образом три крупнейших центра цивилизации того времени.

Итак, уже свыше четырех тысяч лет назад цивилизации Индии, Месопотамии и Египта успели познакомиться между собой. Века складывались в тысячелетия, одни царства сменяли другие, возникали и исчезали цивилизации, а взаимовыгодные связи, установившиеся в древнейшие времена, продолжали развиваться и крепнуть.

В прошлом веке выдающийся русский востоковед И. П. Минаев обратил внимание на произведение раннебуддийской литературы Индии, которое повествует о плавании индийских купцов в страну Баверу, куда они доставили попугаев. Баверу — это Вавилония, а плавания, о которых идет речь, относятся, очевидно, к VI—V векам до н. э. Попугаями индо-вавилонская торговля, разумеется, не ограничивалась. В развалинах дворца нововавилонского царя Навуходоносора найдены остатки индийского тика.

В VI веке до н. э. Вавилония стала частью могучей персидской державы, цари которой владычествовали не только над Ираном, но и над Месопотамией, Сирией, Египтом, большей частью Малой Азии.

Держава Ахеменидов обладала мощным военным флотом, в котором, правда, преобладали моряки из покоренных персами народов — финикийян, малоазийских греков и прочих. С помощью этих мореходов персидские цари организовали несколько крупных исследовательских экспедиций. Выше уже говорилось о неудачной попытке царевича Сатаспа повторить подвиг финикийско-египетской экспедиции, обошедшей вокруг Африки.

Другая экспедиция, организованная царем Дарием, который восстановил могущество Персии и завоевал часть Индии, закончилась успехом (около 515 года до н. э.). Геродот рассказывает, что Дарий поручил малоазийскому греку — Скилаку из Карианды — обследовать течение Инда. Скилак выполнил эту задачу и через тридцать месяцев после начала экспедиции прибыл «к тому месту, откуда египетский царь отправил...

финикиян объехать кругом Ливию» (то есть к Африканскому побережью современного Красного моря).

При Дарии продолжалось восстановление канала, соединяющего Нил с Красным морем, начатое еще при фараоне Нехо. Об этом повествуют памятники у канала, воздвигнутые, возможно, при самом Дарии. Надписи на них рассказывают об удачном плавании из канала «в Персию», то есть к берегам Персидского залива. Хенниг делает из этого вывод, что Дарий снарядил две морские экспедиции: одну — из Инда к Персидскому заливу, другую — туда же от устья канала Нил — Красное море. Эти экспедиции резко выделяются на фоне разрушительных и кровопролитных греко-персидских войн как пример сотрудничества персов и греков. Географические сведения, добытые Скилаком, стали известны тем и другим. Характерно, что два века спустя Александр Македонский снарядил экспедицию по тому же маршруту.

Сподвижники Александра Великого

Завоевания Александра Македонского, а затем создание эллинистических царств привели к невиданному расширению культурного обмена между народами Запада и Востока.

Географическим исследованиям Александр придавал исключительное значение: чтобы завоевать мир — а это входило в честолюбивые замыслы македонца, — надо было сначала познать его. Программа исследований, уже намеченная полководцем, осталась неосуществленной из-за его ранней смерти. Но одна смелая экспедиция все же была им организована и увенчалась успехом. Речь идет о плавании греко-македонского флотоводца Неарха.

По требованию своих измученных воинов Александр прекратил завоевание Индии и повернул свою армию из Пенджаба назад. Македонские силы возвращались в Западную Азию несколькими маршрутами. Часть их под командованием Неарха прошла весь путь от устья Инда до устья Евфрата морем (325—324 гг. до н. э.).

Существует мнение, что Александру и его соратни-

кам ничего не было известно об экспедиции Скилака, что Александру пришлось все начинать сызнова. Трудно, однако, представить себе, что Александр, а тем более сопровождавшие его выдающиеся ученые Греции не читали Геродота. С другой стороны, краткое известие «отца исторической науки», конечно, не могло удовлетворить великого полководца и государственного деятеля. Что удивительного в том, что он решился повторить экспедицию Скилака, желая получить подробные географические сведения, которых нет у Геродота?

К тому же Нearch, взявший на себя руководство грандиозным предприятием, лично соприкасался с судостроителями и мореплавателями стран Востока, и это сотрудничество во многом предопределило успех экспедиции.

Еще в прошлом веке было высказано мнение, что для строительства македонского флота были использованы кедры из Кашмира. Большая часть флота Нearchа состояла из речных судов, захваченных завоевателями. Кроме того, специально для экспедиции индийскими ремесленниками было построено тридцать кораблей. Сохранялась определенная преемственность между флотом разгромленной персидской державы и греко-македонским: в экспедиции участвовала трирема под командованием перса Магаиоса, сына Фарнуха, который до этого служил во флоте побежденного Александром Дария III.

Еще большее значение имело участие опытного кормчего гедрозийца Гидрака (Гедрозия — современный Иранский Белуджистан). Он, как указывает историк походов Александра — Арриан, взялся доставить македонцев до самой Кармании (современный Лурестан — также в Иране).

Так родилась традиция сотрудничества европейских мореплавателей с азиатскими кормчими, которая доказала свою жизненность в последующие века.

Вслед за сообщением о Гидраке Арриан, пользовавшийся отчетом Нearchа, пишет: «Все дальнейшее плавание было не очень трудным». Это замечание напоминает заметки португальских участников и историков экспедиции Васко да Гамы, которую из Восточной Африки в Индию привел арабский кормчий. Из дальнейшего текста Арриана отнюдь не следует, что после

появления Гидрака плавание флота Неарха стало легким в навигационном отношении. Напротив, на пути мореплавателей возникали опаснейшие препятствия, и люди, никогда в этих местах не бывавшие, могли преодолевать их без ущерба для себя только с помощью опытного навигатора.

В начале плавания, когда с Неархом еще не было Гидрака, флот потерял в районе Кангалы два военных корабля и одно легкое судно: они разбились о подводные камни настолько близко от берега, что команды спаслись вплавь. После того как Гидрак стал кормчим македонского флота, корабли неоднократно оказывались в сложных условиях (сильный прибой, подводные камни у берега), однако македонцы больше не понесли потерь.

Из текста Арриана видно, что, отправляясь в плавание, Неарх знал об индоокеанских муссонах. В ожидании благоприятного ветра флот его провел целый месяц в гавани Александра на территории современного Пакистана. «Расписание» муссонов Неарх мог узнать только от индо-персидских мореплавателей.

Мусейон

Распад державы Александра Великого не ослабил торговые и культурные связи между завоеванными им странами. При Птолемах — потомках полководца Александра, захватившего власть в Египте, — это древнее государство превратилось в важнейший центр международной торговли и культурного обмена. Александрия, основанная великим завоевателем, становится не только средиземноморским, но и индоокеанским портом: искусственный водный путь соединяет великую африканскую реку Нил с Красным морем.

Между эллинистическим Египтом и государством Магадха, которое в III веке до н. э. охватывало всю Северную Индию и часть Южной, поддерживается регулярное сообщение. Суда из индийского порта Бхарукача (Броч) и гаваней Южной Индии регулярно посещают красноморские порты Египта: Беренику, Миос

(Хормос). Сабейские (южноаравийские) мореплаватели совершают плавания в Индию, Восточную Африку, порты Персидского залива.

Правители эллинистических монархий были заинтересованы в том, чтобы их купцы и торговые корабли также бывали в Индии. Послы и агенты наследников Александра посещают эту далекую страну. Они проникают в долину Ганга, о которой сам завоеватель не узнал ничего определенного.

До нас дошли отрывки из путевых заметок посла Селевка I Мегасфена — очевидно, первого грека, побывавшего на Ганге, куда переместился теперь центр индийской цивилизации. В конце IV века до н. э. Мегасфен прибыл в Паталипутру — резиденцию основателя царства Магадха Чандрагупты I — и провел в его государстве около десяти лет. К тому времени царь Селевк I — самый могущественный из наследников Александра Великого — был вынужден уступить Чандрагупте индийские территории, захваченные Александром.

Дипломатические связи с державой Магадха поддерживал и птолемеевский Египет. Великий царь Ашока (273—236 годы до н. э.), при котором могущество и культура Индии достигли высшего подъема, направил посольство к царю Птолемею II Филадельфу. А при дворе Ашоки побывал посол Египта Дионисий.

Мегасфен, а вероятно, и Дионисий чрезвычайно обогатили представления греков эллинистической поры об Индии. Однако оба они, очевидно, путешествовали по суше.

К этому времени греки еще не раскрыли великой тайны муссонов, к которой только прикоснулся Нearch.

Открытие муссонов нередко приписывают греческому кормчему Гиппалу, о котором не известно ничего, кроме того, что «он открыл плавание (в Индию) прямо через море». Такое известие содержится в «Перипле Эритрейского моря» — любопытном документе I века.

Для оценки деятельности Гиппала очень важно (и очень трудно) установить ее хронологические рамки. Некоторые ученые полагают, что Гиппал жил около 100 года до н. э. Голландец Тиль связывает его имя с экспедицией II века до н. э., в ходе которой греки открыли морской путь в Индию с помощью одного из жи-

телей этой страны. Речь идет о путешествии Эвдокса с Кизика (остров в Мраморном море). Эвдокс прибыл в Египет и, по рассказу Страбона, был представлен царю Эвергету II.

В это же самое время с побережья Красного моря был доставлен ко двору египетского царя какой-то индеец, потерпевший кораблекрушение. Стражники нашли его полумертвым и с трудом привели в чувство. Среди приближенных Эвергета II не нашлось никого, кто смог бы объяснить с индийцем на родном языке. Тогда царь велел обучить его греческому.

Спасенный оказался способным учеником и вскоре сумел рассказать свою историю. Он отплыл из Индии на торговом судне, которое «сбилося с пути» и долго блуждало по морю. Все его спутники погибли от голода. Такая же участь наверняка постигла бы и его самого, если б волны не прибили наконец судно к египетскому берегу.

В благодарность за оказанную ему помощь индеец вызвался провести подданных царя Эвергета в свою страну. Это предложение было принято. В числе других отправился морем в Индию и Эвдокс.

Плавание его преследовало и торговые цели. В обмен на египетские товары он привез индийские, включая драгоценные камни. Однако Эвдоксу они никакой выгоды не принесли: весь груз его судна был захвачен Эвергетом.

После смерти этого царя на престол вступила его жена Клеопатра. Она снова направила Эвдокса в Индию, не скупясь на посулы. Мореплаватель отсутствовал несколько лет, пережил немало опасных приключений и наконец возвратился в Египет. К этому времени Клеопатры уже не было на свете, а сын ее в точности последовал примеру отца: он снова отнял у Эвдокса все, что тот привез из далекой Индии и других стран.

Не удивительно, что именно индеец раскрыл грекам и египтянам тайну муссонов. Очевидно, что мореплаватели Индии и Южной Аравии издавна пользовались этими ветрами, иначе географические названия на карте обеих сторон западной части Индийского океана не совпадали бы столь часто. При возвращении из второго плавания в Индию Эвдокс был отнесен далеко на юг вдоль побережья Восточной Африки. Это могло

произойти только в том случае, если Эвдокс плыл по открытому океану, используя муссоны.

Правда, Страбон в рассказе о плаваниях Эвдокса не упоминает ни о каких ветрах. Предположим, что Эвдокс плыл по старинке — вдоль берега. Спрашивается тогда: что же нового сообщил спасенный индеец, почему, передав грекам давно известные сведения, он исполнил тем самым долг благодарности, а далеко не щедрый Эвергет придал им такое значение, что поспешил отправить в Индию специальную экспедицию с участием Эвдокса и безымянного индийского кормчего?

Как же вписать Гиппала в эту вполне достоверную историю? Все становится на место, если предположить, что этот мореплаватель — реальное лицо, участвовавшее в греко-индийской экспедиции под руководством Эвдокса.

Вполне вероятно, что именно Эвдокс применил на практике знания, приобретенные в ходе экспедиции, и организовал систематическое сообщение между портами Египта и Индии с использованием муссонов.

То, что было им сделано совместно с индийским кормчим, а возможно и Гиппалом, имело огромное значение для дальнейшего развития мореплавания, а значит, и географической науки. Продолжительность путешествия из Египта в Индию сократилась с двух лет до каких-нибудь сорока дней. Из подвига оно превратилось в заурядное коммерческое предприятие. Но именно такая заурядность сблизила древние цивилизации, как никогда прежде.

Это сказалось не только в практике мореплавания, но и в развитии географических представлений. Не случайно, конечно, штабом мировой географической науки на несколько столетий становится александрийский Мусейон — одновременно библиотека, университет и научно-исследовательский институт, в котором успешно разрабатывались проблемы естественных и даже технических наук. В новую столицу эллинистического Египта стекались сведения обо всех странах, с которыми вела торговлю эта страна. Во времена расцвета эллинистической культуры ученые не отгораживались от жизни, не гнушались расспрашивать моряков и купцов, ездивших по суше и по морю за тридцать земель.

Само название «география» восходит к греческому ученому Эратосфену (276—194 годы до н. э.), который долгое время стоял во главе Мусейона. Эратосфен является отцом математической географии и создателем карты населенной земли, основанной на новейших для его времени данных. Его «Географические очерки» были свободны от характерных для античности мифов и легенд и содержали довольно точные сведения о значительной части Европы, Азии и Африки. В первой книге своего труда он прямо говорит, что при составлении его пользовался как сочинениями предшественников, так и рассказами многих очевидцев. Он был твердо уверен в том, что Атлантический океан соединяется с Индийским и что Африку можно поэтому обойти морским путем.

Кстати сказать, в этом важнейшем вопросе точка зрения великого ученого полностью совпадала со взглядами Эвдокса, практика мореплавания. Вполне вероятно, что она основывалась на результатах египетско-финикийской экспедиции вокруг Африки.

Эллинистический Мусейон стоял на почве древнего Египта не только физически, но, так сказать, и духовно.

Достаточно почитать Геродота, чтобы убедиться в том, какое большое значение имели контакты с учеными египетскими жрецами для этого зачинателя как исторической, так и географической науки в классической Греции.

В эллинистическую эпоху древняя культура Египта продолжала питать своими соками науку александрийского периода.

Особенно примечательно в этом отношении свидетельство Страбона. Во-первых, потому, что он побывал в Египте сравнительно поздно — после нескольких веков иноземного господства. Во-вторых, по той причине, что Страбон был настроен довольно скептически по отношению к трудам своих предшественников, а в оценке им египетской науки не свободен от высокомерия, свойственного завоевателям. И все же он написал в своей «Географии» о пребывании в Египте на рубеже двух эр: «До настоящего времени элины многое заимствуют у египетских жрецов и халдеев».

Сотрудничество народов Индоокеанского бассейна с греками, а затем и римлянами вызвало замечательный расцвет международной торговли и мореплавания,

которым ознаменовались первые века нашей эры. Характеризуя состояние Римской империи во II веке н. э., Карл Маркс подчеркнул оживление внутренней и внешней торговли с Индией через Египет, а также через Пальмиру и Сирию.

Оба пути, указанные Карлом Марксом, были связаны с морской торговлей в районе Индийского океана. Пальмира — город в пустыне, выросший на караванном пути, который соединял Персидский залив со Средиземным морем. Стоило этому городу получить известную автономию, а пальмирским купцам — право торговать за пределами Римской империи, как там была создана гильдия морских капитанов (начало II века). Назначением гильдии была организация перевозок по Красному морю. Император утвердил ее устав.

В Египте римские завоеватели, захватившие эту страну в 30 году, всячески стремились расширить морскую торговлю с Азией и другими странами Африки, успешно развивавшуюся при Птолемах.

При этом был сделан значительный шаг вперед. Торговля птолемеевского Египта со странами Востока зависела от посредничества сабеев. При Антонине Пие (138—161) Запад отказывается от этого посредничества. В этот период греко-египетские суда достигают Занзибара в Восточной Африке, острова Цейлон, устья Ганга и полуострова Малакка. В 166 году какие-то купцы из Римской империи, возможно выдававшие себя за послов императора Марка Аврелия, побывали при дворе китайских императоров. С точностью установить их маршрут невозможно, но, вероятно, они добрались морским путем до Бирмы, а оттуда — по рекам и сухопутью достигли китайской провинции Юньнань.

Связи между Индией и Средиземноморьем достигли невиданной интенсивности. В конце I века в Египте появился, как уже говорилось, «Перипл Эритрейского моря» («Плавание по Индийскому океану») — мореходный справочник для купцов. Автор его — тоже купец греко-египетского происхождения. Это не писатель и не ученый, взялся за перо его побудили чисто практические интересы развития морской торговли. Плавание в Индию или в Восточную Африку для автора «Перипла» — будничное дело. Он бы, вероятно, очень удивился, если б узнал, что почти полторы ты-

сячи лет спустя великий поэт Португалии — Камоэнш — прославит подобные путешествия звучными строфами.

Для автора «Перипла» самым важным в его произведении был, надо думать, перечень товаров, которые в его время можно было приобрести с перспективой на хороший барыш при перепродаже.

Нас же интересует больше всего географический кругозор автора, простиравшийся от Рапты в современной Танзании до земли Хресе («Золотой») в современной Малайзии. Практический склад ума автора «Перипла» предохранил его от грубых ошибок, сделанных величайшим географом древности: в отличие от Птолемея он понимал, что Индийский океан соединяется с Атлантическим и Африку можно обогнуть с юга.

В суховатом и вполне объективном описании индоокеанская торговля предстает как совместное предприятие народов, населяющих этот географический район; в Восточной Африке преобладает арабское судоходство, но сюда открыт путь и греко-египетским купцам из Римской империи и индийским «гостям». Из Индии в Хресе ходят океанские суда местной постройки — коландии.

В 99 году ко двору римского императора Траяна прибыло посольство индийского царя Кадфиса II, которое передало Траяну поздравления по случаю вступления его на престол годом раньше. Греки и римляне в свою очередь были частыми гостями в Индии, служили в войсках местных правителей. Крупнейшими индийскими портами, куда прибывали суда с Запада, были Баригаза и Музирис. В последнем даже воздвигли храм в честь императора Августа. Очевидно, в этом порту имелась достаточно многочисленная колония римских граждан. Индийцы имели свои постоянные фактории в Египте.

I век ознаменовался также обменом посольствами между Римом и островом Цейлон. В царствование императора Клавдия (41—54) его подданный был прибит штормом к берегам острова. В связи с этим местный царь решил направить посольство в Рим.

Его послы, прибывшие в «Вечный город» уже при Нероне, сообщили много сведений о природе родного острова, поведали о путешествиях цейлонцев через

Индию в районы Центральной Азии, расположенные за Гималаями.

Правители Римской империи не случайно придавали большое значение морской торговле с Востоком. Пути, которые вели в эти далекие страны по суше, были ненадежными, сообщение по ним, и без того чрезвычайно медленное, часто прерывалось войнами. Установить же свой контроль над ними римляне не могли — для этого у завоевателей Средиземноморья просто не хватало сил.

Вместе с пряностями, драгоценными камнями и жемчугом, шелками и хлопчатобумажными тканями эллинистический Египет, а затем и Рим получали с Востока географические знания.

Торговля с Индией в тот период, о котором упоминает К. Маркс, означала уже и обмен с другими странами Юго-Восточной Азии.

Географическое положение Индии, наличие двух побережий со множеством гаваней открывало мореходам этой страны пути как на запад, так и на юг и на восток. По маршрутам, проложенным в море народами Азии, шли греко-римско-египетские мореплаватели.

Индийцы в Индийском океане

Естественно, что первой вехой на пути индийских мореходов в юго-восточном направлении стал остров Цейлон. Вероятно, индийцы достигли его не сразу, а передвигаясь вдоль цепочки более мелких островов, которая как бы соединяет его с материком.

По древнему преданию, вошедшему в эпос «Рамаяна», эти островки — остатки моста, построенного некогда витязем Рамой, чтобы освободить свою жену красавицу Ситу. Царь демонов похитил ее и увез к себе на Цейлон. Но Рама собрал войско из обезьян и медведей, победил демонов и вернул любимую.

В этом «сухопутном» сказании нашли отражение морские походы с побережья Индостана на Цейлон. А в палийской литературе (княжество Пали существовало в Бенгалии в VIII—X веках) есть рассказ об экспедиции в эту страну, предпринятой героем Виджайей. Корабль Виджайи вмещал семьсот человек, а

тот, на котором прибыла его невеста, — восемьсот. Му-керджи относит эту экспедицию к 543 году до н. э. В другом произведении, сообщает Мукерджи, описывается судно, которое направляется на Цейлон. Оно построено из крепких досок, сшитых веревками, имеет высокую мачту с большим парусом, командует им опытный кормчий.

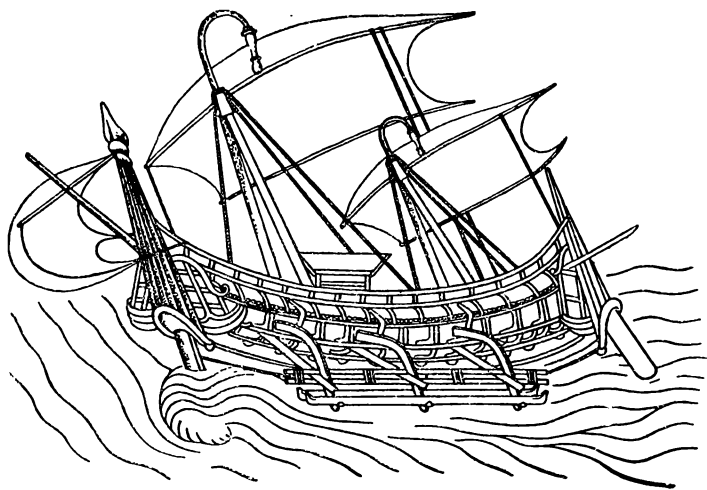
Опытным кормчим, хорошо знакомым с морской астрономией, в буддийской литературе оказывается сам Бодисатва (Будда); от него не отстают и обыкновенные мореходы. Шаг за шагом они освоили путь в Индонезию, создали условия для мирного распространения в этой островной стране своей цивилизации.

В Кеду на Яве высится огромная каменная ступенчатая пирамида. Это всемирно известный буддийский храм Боробудур, восходящий к IX или первой половине VIII века. На нижних террасах храма — рельефы из жизни Будды.

Ряд скульптур повествует о плавании индийской экспедиции на Яву. Скульпторы сумели передать не только величие длительного поединка с водной стихией, но и совершенство технических средств, при помощи которых была достигнута победа в этом поединке. Большие парусно-гребные суда экспедиции производят впечатление прочности и остойчивости, парусное вооружение хорошо приспособлено к условиям плавания в муссонных морях.

Связи Индостана и Индонезии возникли очень давно. Правда, от Цейлона до северной части Суматры нужно пройти в открытом океане почти 800 миль. Но с сентября по апрель северо-восточный муссон благоприятствует такому переходу. Море в эти месяцы большей частью очень бурное, так что воспользоваться муссоном может только умелый и смелый моряк. Но в индийском государстве Калинга, возникшем еще в VIII в. до н. э. в бассейне Ганга, не было недостатка ни в таких моряках, ни в искусных судостроителях.

Первый год яванского летосчисления соответствует 78 году н. э. По преданию, в этом году на остров прибыла многочисленная экспедиция из Калинги. Участники ее поселились на Яве, приобщили ее жителей к своей культуре и ввели новый календарь. Об этом событии напоминают не только великолепные памятники скульптуры, дошедшие до наших дней. Хотя на-

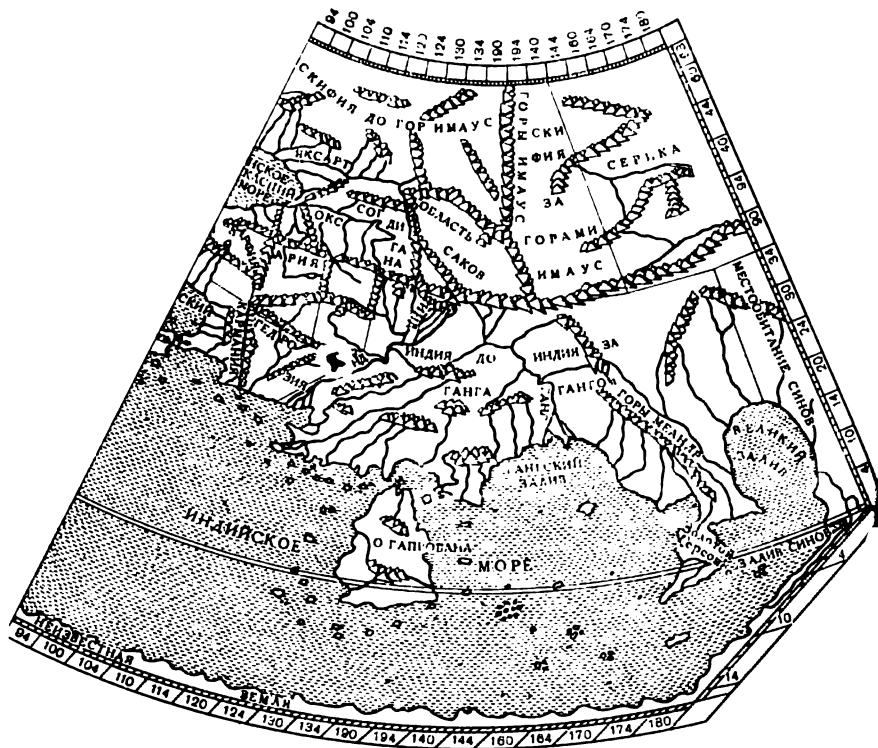

Флагманский корабль индийской экспедиции на Яву (рельеф в храме Боробудур)

селение Явы в обиходе разговаривает по-малайски, языком исторических и политических документов прошлого является занесенный из Индии санскрит.

Экспедиция 78 года не была последним предприятием этого рода. Вероятнее всего, она не была и первой. Но с этого времени мирная индианизация Явы пошла вперед семимильными шагами. Уже в 132 году правитель Явы носил чисто санскритское имя — Деваварман. В январе или феврале этого года Деваварман направил посольство ко двору китайского императора. Следуя утвердившемуся при его дворе обычаю, властитель Поднебесной империи счел подарки данью и даже пытался вручить послам золотую медаль с шелковой лентой как символ своей власти над Явой. После этого яванцы несколько веков воздерживались от дипломатических связей с Китаем, ограничиваясь торговыми.

Характерно, что около этого времени о далекой островной стране стало известно и на Западе. Первые плаванья египетских греков к Зондским островам были предприняты непосредственно за экспедицией, прибывшей на Яву из Калинги. В середине II века н. э. великий географ древности Клавдий Птолемей упоми-

Фрагмент карты мира по Птолемею

нает Яву под ее санскритским названием Явадвипа, которое греки затем переделали в Ябадиу.

Когда возникли морские связи между Индией и Китаем? В политико-экономическом трактате древней Индии — «Артхашастре» — упоминаются ленты (очевидно, шелковые), которые вывозились из страны Чина. Чина — древнее название Китая, известное и Клавдию Птолемею и автору «Перипла Эритрейского моря». Это, однако, еще не доказывает существования морского сообщения между страной шелка — Китаем и древней Индией. Шелк мог быть доставлен по суше — через Непал и Тибет.

На помощь историку, как это часто бывает в наиболее сложных случаях, приходит языкознание. Для Пто-

лемей и автора «Перипла» Чиной могло быть только побережье Южного Китая. Слово «Чина» восходит к индийскому названию Китая — «Сина». Посредниками в торговле между долиной Ганга и Южным Китаем были искусные мореходы — индийцы и малайцы, издавна обладавшие отличными судами, прекрасные навигаторы.

Вполне возможно, что в портах Индии, особенно на восточном побережье, эти мореходы в начале нашей эры встречались с греко-египетскими подданными Римской империи. Так или иначе, за несколько десятков лет в Египте узнали о Юго-Восточной Азии, и в частности о Южном Китае, больше, чем за все предшествующие столетия. Географические познания автора «Перипла» фактически не распространялись дальше Малакки, хотя он и слышал о стране Чина. Клавдий Птолемей создавал свою знаменитую «Географию» на полвека позднее. Он широко использовал не дошедшие до нас работы Марина Тирского, которые относятся к 107 — 114 годам. В поле зрения этих ученых оказалось много стран и городов, совершенно неизвестных дотошному автору «Перипла»: Индонезия, Филиппины, Индокитай...

Птолемей впервые упоминает важный порт Каттигару — вероятно, китайскую гавань в заливе Ханчжоувань, куда некогда впадал южный рукав реки Янцзы. Во II веке Каттигара занимала важное место в торговле страны шелка с Восточным Средиземноморьем. Автору «Перипла» она была еще неизвестна.

Кризис рабовладельческого хозяйства Римской империи привел к тому, что европейцы перестали принимать участие в судоходстве и морской торговле Индийского океана. Более тысячи лет ими монопольно занимались жители прибрежных стран.

Но это никак не отразилось ни на интенсивности связей между этими странами, ни на географических познаниях народов Востока. Со времени упадка и падения Римской империи и вплоть до наступления Века великих открытий этим народам было известно о нашей планете гораздо больше, чем европейцам.

При всей своей осведомленности географы греко-римского мира так и не узнали об одном из выдающихся достижений мореплавателей Востока, которые установили прямую связь между Индонезией и Мада-

гаскаром,— может быть потому, что в их время эти контакты только еще налаживались. По своей протяженности, по длительности плавания вдаль от берегов данный маршрут не имел себе равных в Индийском океане.

Дети моря

В 1883 году океан вдруг выбросил на юго-восточный берег Мадагаскара огромное количество вулканического пепла. Казалось бы, какое отношение может иметь это событие к истории географических открытий? Самое непосредственное. Оно явилось блестящим подтверждением теории индонезийского происхождения малагасийского народа, который с давних времен населяет Мадагаскар. От Индонезии к юго-восточной части Мадагаскара идет сильное и устойчивое океанское течение. Именно оно принесло массу пепла, выброшенного во время знаменитого извержения вулкана Кракатау. Тем же течением воспользовались некогда предки малагасийцев.

Северная оконечность острова находится к тому же в зоне индо-африканских муссонов, которые уже в глубокой древности позволяли жителям прибрежных областей Индийского океана пересекать его в различных направлениях.

Этнографы находят все новые вещественные доказательства близкого родства между малагасийцами и жителями Индонезии. Однако самым убедительным свидетельством является язык. Сходство между языками малагасийцев и индонезийцев подметили еще мореплаватели XVIII века.

В «пластах» малагасийского языка лингвисты обнаружили своеобразные «вкрапления», состоявшие из очень древних меланезийских и даже полинезийских элементов. По существующей сейчас классификации малагасийский относится к западной группе индонезийских языков, которые принадлежат к малайско-полинезийской семье.

В некоторых районах Мадагаскара и сейчас встречаются лодки с балансиром, подобные тем, на которых предки малагасийцев пересекли океан. На таких же

лодках выходили в Тихий океан полинезийцы. В покорении двух океанов — Тихого и Индийского — участвовали потомки одних и тех же предков.

«У темнокожих, но с прямыми волосами жителей юго-западного побережья в ходу суда с балансирами, типичные для Юго-Восточной Азии и Океании. Эти жители называют себя „везу“, что происходит от индонезийского слова „баджао“, означающего „дети моря“», — пишет французский ученый Фобле.

Естественно возникает вопрос: почему Мадагаскар, расположенный всего в 400 километрах от побережья Восточной Африки, не был заселен аборигенами этого побережья? Дело тут в Мозамбикском течении, в трудностях плавания по бурному проливу, отделяющему огромный остров от материка. Индонезийцам было легче пересечь весь Индийский океан, чем древним африканцам — один Мозамбикский пролив. К тому же первые в совершенстве овладели искусством мореплавания и навигации, у вторых оно еще находилось в зачатке.

К сожалению, не сохранилось никаких документов или летописей, рассказывающих о переселениях малагасийцев на Мадагаскар. Но в преданиях прямо говорится, что предки их пришли из-за моря, вернее, с северо-востока. Основной поток переселенцев из Юго-Восточной Азии направлялся дальше на юго-восток, но от него вполне могли отделиться ручейки, взявшие направление на юго-запад.

Малагасийские ученые А. Рацимаманги и Р. Рабеманандзара составили приблизительную хронологическую таблицу заселения их родного острова. Приведем эту таблицу (в несколько сокращенном виде).

Около 2000 года до н. э.

Между 1000 и 600 годами до н. э.

Около 200 года до н. э.

Между I и X веками

Выходцы из Новой Каледонии, Новой Гвинеи и Новых Гебридов

Полинезийские элементы (индонезийцы)

Суматрийские элементы

Новое появление суматрийских индунизированных элементов

Заселение индонезийцами Мадагаскара во многом напоминает освоение их полинезийскими родичами Новой Зеландии. Началось оно с одиссей отдельных мо-

реплавателей, унесенных в океан течениями и ветрами. Но в нашу эру, несомненно, происходило организованное переселение, основанное на достаточно четких географических представлениях. В IX веке, например, на Мадагаскар переселилось большое число индуизированных малайцев во главе с вождем Рамини.

К этому времени в Индонезии создались довольно сильные «империи моря» со столицами на юго-восточном побережье Суматры. Они контролировали большую часть торговых путей через Индийский океан. Весьма важную роль играл портовый город Палембанг, центр царства Шри Виджайя, особенно выдвинувшийся в VII веке. В X веке в Палембанг перенесли свою столицу владыки Явы, носившие титул махараджей.

В XI веке связи между Индонезией и Мадагаскаром имели вполне устойчивый характер: аль-Идриси сообщал, что жители островов Забаг (Индонезия) ходят в страну зинджей (восточное побережье Африки) на больших и малых кораблях и ведут с их помощью торговлю. «И они понимают язык друг друга». Тот же автор указывает: «Жители Комра (Мадагаскара.— *Авт.*) и купцы из страны махараджи приезжают к ним (жителям Софалы.— *Авт.*); они их хорошо принимают и торгуют с ними».

Из этих двух сообщений можно сделать вывод, что малагасийцы долго не теряли связи со страной своих предков, но сами не предпринимали далеких морских походов. Это можно объяснить тем, что освоение такого огромного острова, как Мадагаскар, потребовало от них еще больших усилий, чем заселение Новой Зеландии от полинезийцев.

Некоторое время, однако, у них был и торговый и военный флот. Арабский писатель XIII века Ибн аль-Муджавир Дамасский посвятил одну из глав своей хроники судьбам Адена. Он сообщает, что после падения царства фараонов окружающая местность пришла в запустение, на месте некогда цветущего порта поселились рыбаки. Былое значение Адену вернули жители Мадагаскара, то есть малагасийцы, которые впоследствии, однако, вымерли.

Это известие надо, вероятно, понимать в том смысле, что со временем малагасийцы перестали ходить в Юго-Западную Аравию. Созданное ими поселе-

ние не могло долго сохранять свою самобытность, жители его, надо думать, смешались с аборигенами.

Ко времени западноевропейской колонизации Мадагаскара малагасийцы, подобно маори Новой Зеландии, не утратили окончательно традиций и навыков мореходства: еще в XIX веке они регулярно совершали плавания к берегам близлежащих Коморских островов.

Хотя об открытии и заселении малайцами Мадагаскара не сохранилось письменных известий, этот подвиг не прошел бесследно в истории географической науки. Остров был хорошо известен арабским ученым средневековья. Из европейцев первым узнал о нем, очевидно, Марко Поло. Описанный им остров Магастар иногда отождествляют с Мадагаскаром.

С установлением сообщения между Индонезией и великим африканским островом как бы замкнулось кольцо муссонных путей, окаймляющих северную и центральную часть Индийского океана.

Вместе с тем продолжали расширяться торговые и культурные связи народов этого бассейна с их соседями на Востоке.

Индийские суда доставляют все больше купцов, переселенцев, миссионеров к берегам многих стран Юго-Восточной Азии. В Индонезии, Бирме, Индокитае в результате их мирного проникновения образуются так называемые индуизированные государства. В развитии географических представлений они играют ту же роль, что и эллинистические.

В раннем средневековье порты Южного Китая принимали неизмеримо больше гостей из Индоокеанского бассейна, чем в древние века. Для индийских купцов посещение этих портов становится делом настолько обычным, что вместе с ними зачастую отправляются и люди весьма далекие от мореплавания, например проповедники буддизма. Один из наиболее выдающихся миссионеров, Бодхидхарма, сын южноиндийского царя, в 526 году совершил морское путешествие в Китай, уже находясь в преклонном возрасте. В то время в одном только китайском городе Лояне проживало свыше трех тысяч индийских монахов и десять тысяч индийских семейств. Из Китая Бодхидхарма направился в Японию, оттуда вернулся в Китай. Там он и умер.

Народы Востока накопили, а затем передали евро-

пейцам огромное количество сведений об Индийском океане и прилегающей к нему части Тихого. Впоследствии в океанской торговле, судоходстве и связанном с ними накоплении географических знаний стали участвовать те народы, которые в древности почти не отрывались от родных берегов.

Около полувека — приблизительно с 526 по 570 год — главным посредником в торговле между Средиземноморьем и странами Индоокеанского бассейна было царство Аксум в Эфиопии. В это время государи Аксума правили также Юго-Западной Аравией. Примерно в начале этого периода в Адулисе — главном порте Аксума, расположенном на Красном море, — побывал александрийский купец Козьма. В дальнейшем он постригся в монахи и написал труд «Христианская топография». Это произведение, во многом наивное и проникнутое религиозными предрассудками, представляет большой интерес благодаря описанию плаваний в далекие страны — Индию, Цейлон, Восточную Африку. Некоторые ученые считают, что Козьма, прозванный Индикопловом, сам в этих странах не бывал, а писал понаслышке. Но конкретность его описаний и сообщаемых подробностей свидетельствует об ином.

Адулис был не просто перевалочным пунктом для индийских, цейлонских и китайских товаров, направлявшихся этим путем в Византию. Он являлся, как мы сказали бы теперь, «портом приписки» многочисленного торгового флота Аксума. В 525 году эфиопский царь Эла-Ашбеха реквизирует семьдесят торговых судов, чтобы перебросить свою армию в Южную Аравию, где началось восстание против иноземного владычества. Из этих судов девять совершали регулярные рейсы в Индию и на Цейлон и обратно.

Возродившаяся персидская держава, создавшая могучий флот, изгнала аксумитов из Аравии и положила конец заморской торговле древней Эфиопии. В распре между правителями Персии и Аксума немалое значение имела борьба за китайский шелк-сырец. Союзница Аксума — Византия — стремилась получать его с Цейлона через Адулис, персидские государи, естественно, были заинтересованы в том, чтобы шелк поступал через подвластные им земли.

История взаимоотношений Аксума, Византии, Пер-

сии и Юго-Западной Аравии в V—VI веках показывает, что торговые связи между странами Индоокеанского бассейна и Восточным Средиземноморьем продолжали развиваться и после падения Западноримской империи. Политика правительств великих держав того времени основывалась на достаточно четких географических представлениях.

В VII веке складывается новая мировая держава — Арабский халифат. Арабское владычество распространяется и на Египет и Персию.

Развитие арабской государственности, расцвет арабской культуры благотворно отразились на судоходстве и морской торговле в Индийском океане. С завоеванием арабами Ирана роль гаваней Персидского залива в этой торговле возросла.

В IX—X веках среди портов на восточном берегу Персидского залива особенно выделялся Сираф, но он был разрушен землетрясением 977 года. Его место занял древний город Хормуз, расположенный южнее. Особенно возвысился Хормуз в XIV—XV веках, когда он стал важнейшим центром международной торговли, тесно связанным с Индией и Китаем. Выгруженные здесь товары по караванным дорогам направлялись в Западную Азию и Южную Европу.

Люди многих народов встречали в этом порту купцов из самых далеких стран, прибывших как по суше, так и морем.

«Хормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Хормузе есть», — писал в XV веке Афанасий Никитин.

Из описания персидского историка ас-Самарканди, побывавшего в Хормузе в том же, XV столетии, видно, как далеко простирались морские связи Хормуза: «Жители океанских побережий прибывают сюда из Китая, Явы, Бенгалии, Цейлона, подветренных областей (к востоку от мыса Коморин в Индии), Тенассерима, Сокотры, Бенгалии, Мальдивских островов, из пределов Малабара, из Абиссинии, из Занзибара, портов Виджайянагара, Кальбарга, Гуджерата, Камбайи (Индия) и побережий Аравии, простирающихся до Адена, Джедды, Йанбуа. Они доставляют в Хормуз все драгоценное и редкое, чьей красоте способствуют солнце, луна и дожди и что может быть перевезено мо-

рем. Путешественники стекаются сюда со всех стран и взамен привозимых ими товаров могут, не прибегая к усилиям и длительным поискам, достать себе все желаемое».

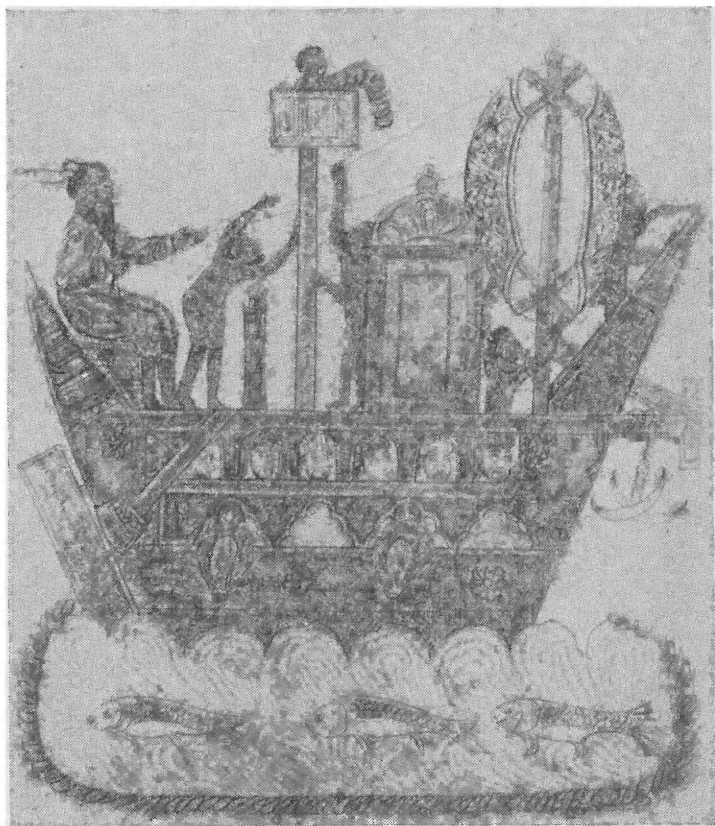
На арабском берегу Персидского залива в X веке процветал оманский порт Сухар. Затем он уступил свое значение Маскату. На берегу общего русла Тигра и Евфрата в VII веке арабы заложили Басру — опорный пункт их владычества в Южной Месопотамии. Наконец, сама столица халифата — блистательный Багдад, заложенный в 762 году на берегах Тигра, — была портом шести морей и двух океанов, к которым имела выход арабская держава. Полноводные реки Ирака и связывавшая их сеть каналов были удобны для судоходства. Основатель Багдада халиф аль-Мансур считал, что благодаря Тигру между этим городом и Китаем не существует преград.

С перенесением столицы халифата в Багдад много возросла роль покоренных персов в этом государстве. Достижения персидского судоходства органически соединяются с успехами арабского. И это находит отражение не только в исторических хрониках, но и в художественной литературе, составлявших тогда единое целое.

Народ синдбадов

«Во время одной из своих поездок в Страну золота (Индонезия.— *Авт.*) капитан Исмаилуя приблизился к суше недалеко от Алмери (северная часть острова Суматра.— *Авт.*), так как ему понадобилось остановить корабль, который получил повреждение. Когда моряки бросили большой якорь, судно по никому не известной причине продолжало плыть дальше. „Спустись по якорному канату и узнай, в чем дело!“ — приказал Исмаилуя водолазу. Но водолаз, прежде чем нырнуть, заглянул в глубину и увидел, что якорь зажат между клешнями рака, который, играя им, тащит корабль. Матросы стали кричать и кидать в воду камни; наконец они вытянули якорь и бросили его в другом месте».

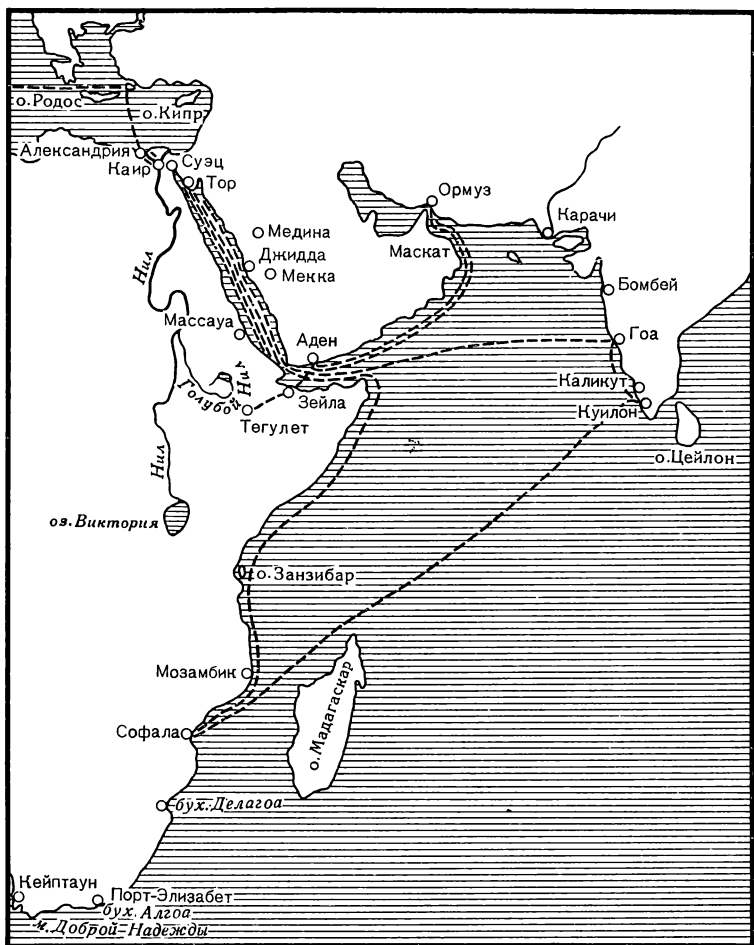
Как похожа эта сказка, родившаяся на берегах Ин-

Арабский купеческий корабль

дийского океана, на океанийский миф о гигантском моллюске, поглощающем суда со всей их командой! Оба сказания отражают, хотя и в фантастической форме, бесчисленные трудности и опасности, с которыми сталкивались моряки древности. И, конечно, такие сказания могли возникнуть только у народов-мореходов.

Удивительную историю о судах, чуть не ставших жертвами чудовищного рака, еще в X веке поведал в своей книге «Чудеса Индии» Бузург ибн Шахрияр.

Маршруты арабских мореходов в западной части Индоокеанского бассейна

Автор был капитаном и включил в книгу рассказы, слышанные от других моряков.

Таких моряков, ходивших за два, три, а то и больше морей в Индию, Китай, Индонезию, Восточную Африку, было очень легко встретить в прибрежных го-

родах Персидского залива. Города с их арабо-персидским купечеством держали в то время в своих руках всю морскую торговлю огромного государства халифов. Они были посредниками между Европой и странами Индоокеанского бассейна.

В одном таком городе в Южной Месопотамии, или Западном Иране, и жил Бузург ибн Шахрияр. Родился он в начале X века в Хормузе, работу над книгой завершил около 960 года, писал по-арабски. Сам он участвовал, видимо, только в каботажных плаваниях, но водил дружбу с теми, кто бесстрашно пускался в открытое море, пересекал безбрежный океан.

И сам Бузург ибн Шахрияр и его информаторы были далеки от книжной науки. И хотя в IX—X веках в халифате вышло много географических трудов, эти люди вряд ли их читали.

Тем интереснее географические данные, которые можно извлечь из совершенно фантастических историй, рассказанных Бузург ибн Шахрияром. По романам Жюль Верна, не выезжавшего из родного города, можно судить о географических познаниях европейцев второй половины XIX века; по книге Бузург ибн Шахрияра, который в представлении своих друзей — капитанов дальнего плавания тоже был «домоседом», можно составить мнение о знаниях жителей халифата.

В IX—X веках в Гуанчжоу (Кантон) существовала постоянная фактория мусульманских купцов. Друзья Бузург ибн Шахрияра ходили туда из портов Персидского залива. Повествователь узнал от них о тогдашней столице Китая — нынешнем городе Сиани и о великой реке Янцзы. Частыми гостями были они и на Индокитайском полуострове. Моряки рассказывали о государстве Кхмер (Камбоджа), о побережье Сиамского залива и особенно много о Стране золота (так называли арабы западную часть Индокитая и острова Малайского архипелага). С этим районом и особенно с входившей в его состав частью Индонезии они были знакомы особенно хорошо. У них были свои названия для острова Суматра и отдельно — для северной его части и даже для долины реки Ангола в центральной части острова. Упоминают они и остров Ява.

Эти капитаны, или кормчие, не раз водили суда в

различные порты Индии и Цейлона, где купцы из халифата также имели свои фактории.

Они звали Страной перца западный берег полуострова Индостан, Барианским морем — часть Аравийского моря, омывающего это побережье, морем Серендибских заливов — Полкский пролив и Манарский залив между Цейлоном и Индией, рекой Михран — полноводный Инд, Херкендом — Бенгальский залив.

А сколько упомянуто в «Чудесах Индии» островов, даже таких, которые мало кому известны и в наше время (нынешний Кундур к югу от Малакки, Балай — островок в районе Сингапура, Ниас — к западу от Суматры).

Несколько хуже, чем побережье Южной Азии и Индостана, но все же основательно моряки с Персидского залива изучили берег Восточной Африки, особенно напротив острова Мадагаскар.

Герои рассказов Бузург ибн Шахрияра — преимущественно его земляки, но они сплошь и рядом оказывались на одном судне с уроженцами различных стран Азии и даже с арабами Пиренейского полуострова.

Несмотря на постоянно действующего помощника — муссоны, установление регулярного судоходства через океан было само по себе великим подвигом. А поддержание его на утлых деревянных судах, сшитых волокнами кокосовой пальмы, требовало постоянного героизма.

Сколь бы фантастическими ни были рассказы Бузург ибн Шахрияра, описания кораблекрушений всегда изобилуют реалистическими деталями.

Это относится и к приключениям Синдбада-морехода из «Тысячи и одной ночи». По этой сказке отчасти можно составить себе представление о географическом кругозоре арабов, о заморских странах, где побывал багдадский купец Синдбад. Но когда морская пучина грозит снова и снова поглотить героя, в памяти возникают эпизоды из практики других народов, других веков.

«Я... погрузился в море вместе с теми, кто погрузился, но Аллах великий спас меня и сохранил от потопления и послал мне большое деревянное корыто, из тех, в которых люди стирали. И я схватился за ко-

рыто, и сел на него верхом, ради сладости жизни, и отталкивался ногами, как веслами, и волны играли со мной, бросая меня направо и налево... И пришла ночь, и я был в таком положении и провел таким образом один день и одну ночь, и ветер и волны помогли мне, и корыто пристало к высокому острову...»

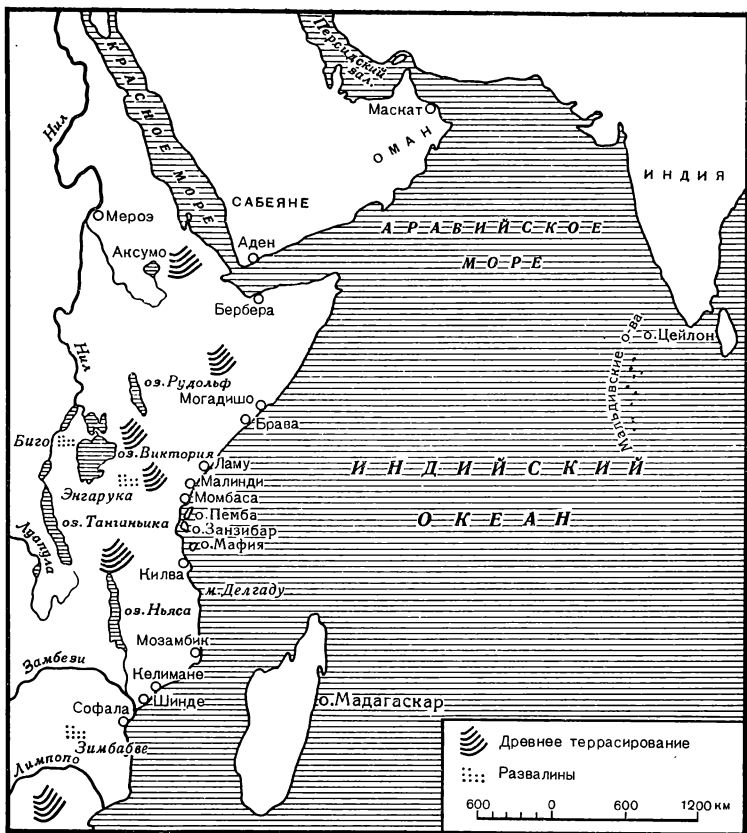
История с плаванием в корыте кажется совершенно неправдоподобной, но такой случай действительно произошел тысячу лет спустя. В 1881 году англичанка Мэри Уотсон с грудным ребенком и слугой-китайцем совершила вынужденное путешествие по морю в железной бадье для варки морских огурцов. На этом удивительном судне она прошла в районе Большого барьерного рифа 42 мили.

Практика дальних океанских плаваний породила и морскую науку. До нас почти не дошли имена и факты из жизни выдающихся мореплавателей Востока, основоположников этой науки. А тех, о которых сохранились отдельные известия, исследователи именуют то арабами, то персами в зависимости от собственных пристрастий.

По-видимому, наиболее правильно говорить об арабо-персидском мореплавании средних веков, не забывая при этом и роли индийцев. Так, в 1009—1010 годах кормчий Хавашир ибн Юсуф ходил по океану на судне одного индийца. Этот кормчий вместе с Ахмадом ибн Табрувайхи и Ахмадом ибн Мухаммедом составили описание берега Индийского океана к востоку от мыса Кумари (южная оконечность Индии). Он уделил внимание и Южному Китаю.

Продолжателями их дела в XII веке явились трое сирафских кормчих: Мухаммед ибн Шазан, Сахл ибн Абан и Лайс ибн Кахлан, прозванные «львами моря». Они составили морской справочник, переписанный в 1184—1185 годах внуком одного из авторов.

Их современником был Ахмед ибн Табруйя, сочинение которого высоко ценил корифей морской науки XV века Ахмад ибн Маджид. Он принадлежал к династии кормчих рода ан-Наджди, обосновавшегося, видимо, в Омане. Из этого рода происходил Мухаммед ибн Амр, живший в XIV веке. Он составил свод правил навигации в Красном море. Его сын Маджид ибн Мухаммед в начале XV века создал «Хиджазскую поэму». Это необычайно полное описание Красного

Города суахили

моря дошло до нас в обработке внука Мухаммеда — Ахмада ибн Маджида.

Мореплаватели, выходявшие из портов Персидского залива, расширили в средние века представления древних о побережье Восточной Африки. Когда этих берегов достигли португальские мореплаватели, они были поражены красотой и богатством торговых городов, протянувшихся от нынешнего Сомали до Мозамбика. Эти города были вызваны к жизни муссонами — попутными ветрами международной торговли в Индийском океане.

Хроника Пате

Начиная с VII—VIII веков в Восточной Африке сложился из отдельных племен народ суахили, который населяет сейчас узкую береговую полосу в Кении и материковой части Танзании, а также прибрежные острова Занзибар, Пемба, Мафия и др. Торговые города, созданные народом суахили, обменивались товарами и достижениями культуры с другими странами, прилегающими к Индийскому океану. У малагасийцев с Мадагаскара они научились строить суда с баланси-ром.

Частыми гостями в городах Восточной Африки были арабские, персидские и индийские купцы. Некоторые оставались здесь навсегда, женились на местных женщинах. Персидская и особенно арабская культура оказали большое влияние на народ суахили, но он продолжал пользоваться и в быту и в литературе родным языком, несмотря на большое количество заимствований из арабского.

Арабский путешественник аль-Масуди, живший в X веке, побывал на острове Занзибар. Он рассказал о существовании в Восточной Африке государства зинджей.

В дальнейшем, в результате развития феодальных отношений, это государство распалось. Но народ суахили остался единым, хотя его страна и оказалась раздробленной на множество мелких, враждовавших между собой царств. Царством нередко оказывался один портовый город с его окрестностями. В этом отношении государства суахили напоминали приморские республики Италии.

В XIV—XV веках через порты Восточной Африки вывозили не только ценные породы дерева, душистые смолы и слоновую кость, как это было в древности. Все более видное место в африканской торговле стали занимать золото и особенно железо, добывавшиеся в глубине материка. Через Софалу африканское железо, славившееся высокими качествами, доставлялось в далекую Индию. Там его перерабатывали в сталь, из которой в Иране и арабских странах изготавливали знаменитые дамасские клинки.

Богатство городов Восточной Африки зиждилось

на морской торговле. Их жители учились мореходству у арабов и малагасийцев. Особенно тесные отношения существовали у суахили с арабами. Разделить культуры этих народов практически невозможно. Поэтому можно говорить об арабо-суахилийском судоходстве и морской торговле в Индийском океане. В этом творческом содружестве арабы выступают в роли учителей и наставников, но не следует думать, что суахили из века в век оставались только учениками.

В летописи одного из городов-государств Восточной Африки — Пате — говорится о царе, который правил в конце XIV и начале XV века и покровительствовал торговле и мореплаванию. Он приучал своих подданных к дальним путешествиям, посылал их торговать в Индию. Сын его достиг острова, богатого серебром (возможно, Цейлона). Этого морехода звали Мкуу, что на языке суахили означает «вождь».

Жираф едет к императору

В 1415 году правитель города-государства Малинди направил в Китай морским путем посольство. Послы благополучно прибыли ко двору китайского императора и доставили «Сыну Неба» необычный подарок — живого жирафа. О животном с длинной шеей китайцы знали и раньше. У них даже возникло сказание о том, что, когда в их стране будет царствовать особенно добрый и благородный император, боги пришлют в Китай жирафа.

Легко представить себе, как обрадовался император Чэн-цзу, когда это пророчество сбылось. Он-то всегда считал себя необыкновенно благородным и добродетельным, но не все подданные разделяли его мнение. Император сам вышел встречать торжественную процессию, в которой шествовал жираф.

Церемониальным маршем дело не ограничилось, за ним начались переговоры. Они побудили императора Китая принять важное решение: мореплаватель Чжэн Хэ получил приказ готовиться к экспедиции в Восточную Африку.

Грандиозные экспедиции Чжэн Хэ явились как бы

итогом многовекового развития китайского мореплавания, судостроения и навигационного искусства.

Отдавая должное этим достижениям, нужно заметить, что ни Чжэн Хэ, ни тем более его предшественники не были первооткрывателями, не прокладывали океанских и морских путей: они шли по следам арабов и персов, индийцев и малайцев, издавна посещавших Южный Китай и его главный порт Гуанчжоу (Кантон). Китайцы же поздно вышли в открытый океан.

Правда, в исторической литературе Запада и Востока долгое время держалось мнение, будто китайцы издревле совершали дальние плавания на своих судах: еще до нашей эры посещали Индию, а начиная с VII века или даже раньше бывали в портах Персидского залива, а затем и Восточной Африки.

В 1969 году советский китаевед В. А. Вельгус опубликовал исследование, в котором показал, что до XI века таких плаваний не было вообще, а морскую торговлю с Китаем, существовавшую до XI века, поддерживали иностранные суда. Этот простой, казалось бы, вывод потребовал углубленного анализа, исторического и лингвистического. Выяснилось, например, что слово «бо», которым с III века китайцы называли большие мореходные суда, обозначало иностранные корабли.

В V—VI веках это были преимущественно индийские и цейлонские корабли. В VII веке их сменили малайские (индокитайские и индонезийские). С VIII века морское сообщение с Китаем поддерживали в основном персы, а затем арабы.

Но как быть с известием арабского географа аль-Масуди, который определенно упоминает о «кораблях Китая»? В его время (до 947 года) они приходили в гавани на обоих берегах Персидского залива.

Что ж, и этому упоминанию можно найти вполне логичное объяснение. Поскольку нет других свидетельств о плаваниях китайских судов в Персидский залив до XI века, значит, «корабли Китая» — это просто суда, отплывавшие из китайских портов. При жизни аль-Масуди речь могла идти об арабо-персидских купеческих кораблях.

Нет ли тут, однако, натяжки? На этот вопрос дает ответ морская терминология не только средневековья, но и древности и нового времени. В Библии мореход-

Средневековый китайский военный корабль

ные суда, совершающие дальние плавания, именуются «таршишскими». Но это вовсе не значит, что они принадлежали жителям Тартесса (Таршиша) — юга Испании. То были корабли финикийских купцов, ходив-

шие, в частности, и в Тартесс. В XIX веке «чайными» (китайскими) клипперами именовались быстроходные парусники, поддерживавшие торговое сообщение между США и Китаем. Напомним и о том, что в книге «Чудеса Индии» «капитаном Китая» именуется моряк с побережья Персидского залива.

Почему же древний и средневековый Китай с его высокой материальной и духовной культурой столь долго отставал в мореходстве от других стран Азии? Общий уровень цивилизации и даже благоприятное географическое положение еще не определяют развитие мореходства. Северная Европа долгое время была отсталой окраиной материка. Но до наступления Века великих открытий во всей Европе не было моряков, которые могли бы сравниться с викингами — первооткрывателями Гренландии и Северной Америки.

Огромное влияние на заморскую торговлю и судоходство всегда оказывала правительственная политика. А политика китайских властей на протяжении многих веков благоприятствовала иностранным купцам и всячески тормозила внешнюю торговлю и мореплавание китайцев. Сначала чиновники, а затем императоры присвоили монополию торговли дорогостоящими импортными товарами.

Судостроение в Китае издавна стояло на высоком уровне, но правительство было заинтересовано только в речных судах и военных кораблях. Что же касается мореходных торговых судов, то, например, в 598 году император приказал отобрать у населения Южного Китая все большие джонки длиной свыше 9 метров. Повелитель Поднебесной империи считал, что в развитии мореходства в конечном итоге проявлялись негодные нравы, исстари присущие жителям этой части его владений.

Препятствуя развитию торгового мореплавания, китайское правительство заботилось, видимо, не только о своих фискальных интересах, но и о скорейшей ассимиляции аборигенов юга Китая. Так, племена юе, обитавшие в этой части страны и специально упомянутые в императорском указе, издавна являлись искусными мореплавателями и судостроителями. Племена этой группы обитали в прибрежных районах Юго-Восточной Азии и за пределами Китая. Овладев югом нынешнего Китая, ханьские императоры стремились,

очевидно, порвать связи между подчиненными ими племенами юе и их зарубежными родичами. Этим, вероятно, объясняется, что, хотя торговая миссия народа юе побывала в стране Хуанчжи (Индия) еще во II—I веках до н. э., после завоевания юга Китая ханьцами такие плавания не повторялись на протяжении многих веков.

Реакционная политика властителей Китая помешала народам этой страны своевременно внести свой вклад в развитие мореплавания, а значит, и в дело географического изучения приморских стран. Но любознательные китайцы, постоянно соприкасавшиеся с иностранными купцами, все-таки накапливали знания. Труды известного китайского географа Цзя Даня (730—805) до нас не дошли, однако в «Новой истории династии Тан» приведены выдержки из его работы с описанием семи морских и континентальных путей в Корею, Монголию, Центральную Азию и Индию. Седьмой маршрут делится на две части: первая представляет собой описание морского пути из Гуанчжоу в Персидский залив; вторая — из Восточной Африки в тот же залив. Таким образом, уже в VIII веке в поле зрения китайской географии находилась большая часть Индийского океана.

В середине X века в Китае воцарилась сунская династия, объединившая страну. Начался длительный период расцвета внешней торговли и мореплавания. Он продолжался до первой половины XV века, когда реакция нанесла им смертельный удар.

О том, что X век был рубежом в истории китайского мореплавания, говорит, между прочим, тот факт, что именно с этого века начинается триумфальное шествие по морям компаса — великого изобретения китайского народа.

На суше компас появился за добрую тысячу лет до того. Почему же китайцы были столь медлительны в применении собственного изобретения на море? Это можно объяснить только одним — слабым развитием мореходства до X века. Когда же китайцы стали ходить в заморские страны на собственных кораблях, они незамедлительно использовали компас как навигационный инструмент. Арабы, а за ними европейцы потом применили этот инструмент на своих судах.

Немалым достижением было и освоение китайцами

морских путей в районе между Малаккой на юге и Кореей на севере, а также между материком и Тайванем через широкий и часто бурный пролив. В первые века нашей эры китайские корабли поддерживали сообщение и с Японией, хотя едва ли можно говорить об открытии ими этого островного государства. Мореплаватели Страны Восходящего Солнца прибыли в Китай уже в 57 году.

Однако пропагандистам великодержавного ханьского шовинизма действительных достижений Китая мало. Они стремятся «доказать», будто Китай являлся морской державой с древнейших времен, а китайские корабли часто посещали западную часть Индийского океана еще до Арабского халифата. Вместе с тем в их сочинениях третируются древние насельники прибрежной части Китая, действительно искусные мореходы. Так, современный китайский историк Чжан Сюань в книге «Мореходство в древнем Китае» презрительно именуется этих мореходов «варварами». Само собой разумеется, что к предкам ханьцев он таких эпитетов не применяет.

Любые географические сведения, содержащиеся в трудах древних и средневековых китайских авторов, Чжан Сюань рассматривает как доказательство широкого развития собственно китайского мореходства, хотя никаких указаний на этот счет в названных трудах нет.

Для аргументации Чжан Сюаня особенно характерно следующее место: «В последние годы правления династии Восточная Цзинь (приблизительно в 411—414 годах.— *Авт.*) один из известнейших китайских путешественников — Фа Сянь — совершил морской переезд, возвращаясь из Индии на родину, и сделал очень точные и живые записи об этом, дошедшие до нас в книге «Фа Сянь чжуань» («Биография Фа Сяня»). Фа Сянь пишет в ней о том, что свое путешествие он осуществил с караваном «крупных купеческих кораблей», на каждом из которых могло поместиться около двухсот человек».

Все так: Фа Сянь и в Индии побывал, и на большом корабле плавал, и очень точные и живые записи о своем путешествии оставил. Но именно эти записи и доказывают, что в то время китайские суда ни в Индию, ни на Цейлон не ходили, да едва ли достигали и

островов Ява и Суматра, через которые Фа Сянь вернулся на родину.

Корабль, на котором он плыл домой, явно был для него иностранным, и всего вероятнее, что Фа Сянь оказался единственным китайцем среди находившихся на нем моряков и купцов.

Из-за тяжелых метеорологических условий это судно не смогло завершить плавание из Индонезии в Гуанчжоу за обычные пятьдесят дней. Поэтому на семидесятый день корабль взял курс на северо-запад, чтобы все-таки достигнуть Китая. Это ему удалось, но судно зашло в незнакомую бухту. На берег был высажен отряд, который, захватив несколько охотившихся китайцев, доставил их на борт к Фа Сяню: сами корабельщики с китайцами сговориться не могли — потребовался переводчик.

Все это не значит, однако, что китайские мореплаватели ничем не обогатили географическую науку, притом не только в своей стране, но и за ее пределами. Арабские мореходы, по-видимому, не заходили дальше Южного Китая. Но на карте великого арабского географа аль-Идриси имеется, например, обширный полуостров, который автор именует «островом Гиацинтов». Это, очевидно, Ляодунский полуостров в Желтом море, которого не достиг ни один арабский мореплаватель. К востоку от него — в Восточном океане — расположены острова Сила и Ваквак. Они были известны аль-Масуди еще за два века до аль-Идриси. Теперь установлено, что Ваквак — это Япония, а Сила — не остров, а Корейский полуостров.

Сведения о Желтом море и прилегающих к нему странах, конечно, были собраны китайскими мореходами. Пройдя через много рук, они, хотя и в искаженном виде, попали в рукописи и на карты арабских географов. Китайская же географическая наука долгое время питалась данными арабов о странах Индоокеанского и Средиземноморского бассейнов.

В XII веке в Китае появился географический труд «Обозрение варварских народов». Автор его Чжао Жу-гуа служил торговым инспектором в морском порту. Он описал не только известные китайцам заморские страны, но и мусульманские государства Средиземноморья и Восточной Африки, где китайцы тогда не бывали.

Из века в век народы Востока узнавали все больше о бассейне Индийского океана и прилегающих к нему морях. И не только узнавали, но и фиксировали, систематизировали свои познания, создавая передовую морскую науку. Высшей точки своего развития эта наука достигла в конце XV века в трудах Ахмада ибн Маджида — современника вторжения португальских колонизаторов в страны Индийского океана. Мореплавание арабов и других прибрежных народов западной части этого океана было подорвано пришельцами, сумевшими использовать их познания.

Китайская трагедия

Подобная участь постигла и судоходство Китая, для которого XV век также был веком наибольшего расцвета.

По приказу китайского императора в 1416 году выдающийся флотоводец Чжэн Хэ вышел в плавание к берегам Восточной Африки. Это была пятая экспедиция Чжэн Хэ на запад.

Его походы были призваны открыть для китайской торговли всю известную часть Индоокеанского бассейна. Экспедиции снаряжались с невиданным размахом. Уже в первой из них участвовало около двадцати восьми тысяч человек, число кораблей превышало шестьдесят. На верфях Южного Китая судостроители спускали на воду гиганты, которые достигали 142 метров в длину и 57 метров в ширину.

За тридцать лет Чжэн Хэ совершил семь плаваний. Он побывал, притом неоднократно, в портах Индокитая, Малакки, Индонезии, Цейлона, Индии, Персидского залива, Восточной Африки.

Чжэн Хэ и его соратники, очевидно, пользовались знаниями и навыками арабских, индийских, малайских кормчих, но их семь экспедиций имели непреходящее значение для развития географической науки в Китае. Труды участников экспедиций — Ма Хуаня и Фэй Синя — содержат описание сорока стран Азии и Африки, причем составленное не понаслышке, а на основе личных впечатлений. Чжэн Хэ составил также мореходные карты и лоции, которыми пользовались китайские кормчие.

Нетрудно представить, как много могли бы сделать эти кормчие для дальнейшего исследования морей, если бы Китай продолжал развиваться в том же направлении, что и в первые десятилетия XV века. Но уже при жизни Чжэн Хэ феодальная реакция выступила против активного участия Китая в международной морской торговле и морских экспедициях. Дело дошло до административных запретов отправки судов в дальние плавания, а позднее и до такого преступного акта, как уничтожение в государственном архиве документов экспедиций Чжэн Хэ.

Уже к семидесятым годам XV века Китай перестал быть морской державой и даже вывоз товаров из южных гаваней осуществлялся на арабских, индийских и яванских судах.

Полная победа китайских реакционеров над сторонниками развития мореплавания и международной торговли оказала самое пагубное влияние на дальнейшую историю Китая и впоследствии пошла на пользу западноевропейским колонизаторам.

Самоизоляция императорского Китая, отказ его от сотрудничества с другими народами нанесли значительный ущерб развитию географических исследований.

Борьба между сторонниками и противниками развития судостроения и заморской торговли развернулась и в нашей стране при Петре I. В этой борьбе взяли верх силы прогресса. Благодаря этому русский народ даже в условиях феодально-крепостнического строя смог внести важнейший вклад в исследование морей, омывающих Северо-Восточную Азию. Несмотря на близость Китая к этому географическому району, жители Поднебесной империи остались непричастны к исследованиям бассейнов Охотского и Японского морей.

«О если бы я знал!»

Много веков Пиренейский полуостров опустошали кровавые разрушительные войны между испанскими и португальскими христианами, с одной стороны, и мусульманами — арабами и берберами — с другой.

Однако эти войны не могли полностью свести на нет торговый и культурный обмен между различными

народами. Долгое время арабо-берберская цивилизация стояла выше испано-португальской. Герои реконкисты и будущие конкистадоры во многом были учениками своих ожесточенных врагов.

Мусульманские государства Пиренейского полуострова поддерживали связи с отдаленными странами Востока уже в раннем средневековье, когда у их христианских соседей мореплавание находилось еще в зародыше.

В арабской классификации наук география была неразрывно связана с астрономией. Математическая, или астрономическая, география возникла у арабов в конце VIII — начале IX века и, естественно, оказала большое влияние на навигационное искусство. Труды ученых, работающих в этой области, проникали на христианский Запад, несмотря на непрекращающиеся войны. Не случайно в европейскую морскую терминологию вошло свыше шестидесяти арабских названий небесных светил. Накопление астрономических знаний способствовало приближению Века великих открытий.

Средние века не были «эпохой мрака», как их нередко называют на Западе. Задолго до того как над Европой занялась заря Возрождения, пытливые умы стремились изучить и усвоить, а значит, и умножить славное наследие древних. На протяжении столетий они знакомились с ним преимущественно через посредство арабов. Арабы же восприняли его при содействии прежде всего сирийцев — своих предшественников в области научной географии.

Наследие древних в основном состояло из научной литературы на латинском и греческом языках. Но в арабской астрономической географии есть и более ранний «культурный пласт»: мудрость индо-персидского мира, а если говорить о собственно математике, то и Вавилона.

Арабская географическая наука непрерывно развивалась на протяжении столетий, одни представления сменяли в ней другие, но неизменным оставался один из ее принципов: счет меридианов с востока и идея купола земли. Купол этот — точка пересечения экватора и меридиана, проходящего через центр обитаемой земли.

У индийцев счет географических долгот начинался

от «купола», то есть меридиана, проходящего через город Уджайн в Центральной Индии, где находилась известная обсерватория. Со временем Уджайн стал называться Арин, а купол земли — куполом Арина. Постепенно Арин получил значение центра вообще.

Под новым названием он стал широко известен в средневековой Европе. Эту идею восприняли выдающиеся умы XI—XIII веков: Абельяр из Бата, Герард Кремонский, Роджер Бэкон, Альберт Великий. Каждый из них чем-либо способствовал географическим открытиям будущего, но несравненно больше сделал Петр из Айи, архиепископ Камбре (1330—1420). Его трактат «Картина мира», изданный (посмертно) в восьмидесятих годах XV века, был одним из источников, вдохновивших Христофора Колумба. Заметки великого мореплавателя на списке труда Петра из Айи показывают, что идея купола Арина вызвала у Колумба мысль о грушевидной форме земли. Он пришел также к выводу, что в западной полусфере, напротив «купола», должен был находиться другой центр. Все это явилось для Колумба лишним доказательством возможности достигнуть Восточной Азии западным путем.

Таким образом, арабская географическая теория сыграла известную роль в открытии Нового Света.

Немалое влияние оказали на Колумба и другие теории арабов. Научные положения, о которых пойдет речь ниже, восходят к греко-римскому миру. Герой одной из сказок «Тысячи и одной ночи» халиф Харун ар-Рашид совершил подвиг куда более удивительный, чем все описанное в этой книге: он воскресил античную науку. Этот халиф, правивший в 786—809 годах, основал в Багдаде «Дом знания» — переводческую коллегию с библиотекой при ней. Халиф аль-Мамун (813—833) расширил деятельность этого учреждения и даже посылал его сотрудников в Византию за греческими рукописями.

Благодаря «Дому знания» арабы за несколько десятилетий познакомились (в переводах с сирийского) с важнейшими научными произведениями, написанными на греческом языке.

Для астрономии и географии наибольшее значение имел перевод трудов Марина Тирского и Клавдия Птолемея. К произведениям Птолемея арабы относи-

лись с особым уважением. Недаром от них его астрономический трактат в тринадцати книгах с таблицами стал известен Европе в IX веке под названием «Альмагест». А слово это восходит к греческому эпитету «величайшая» (книга).

Прошло три века, и Герард Кремонский перевел «Альмагест» с арабского на латынь — язык науки средневековой Европы.

Во второй половине XII века Герард Кремонский перевел на латынь «толедские» астрономические таблицы и комментарий к ним, написанный изобретателем усовершенствованной астролябии видным астрономом аз-Заркали (в средневековой Европе его называли Арзахель).

Аз-Заркали начал свою деятельность как простой гравер. Он не получил систематического образования, но все же сумел стать крупнейшим ученым. Большую часть жизни он провел в Толедо — научном центре арабской Испании, где, очевидно, Герард Кремонский и познакомился с астрономическими таблицами и комментариями к ним.

Другой труд аз-Заркали — трактат об астролябии — оказал исключительное влияние на всю европейскую науку и тогда же был переведен на латинский, еврейский, кастильский и итальянский языки.

Благодаря огромным познаниям Арзахель успешно завершил работу над установлением истинного протяжения Средиземного моря. Он получил результат в 42 градуса, что почти соответствует действительности.

Арабские ученые, естественно, стремились определить величину градуса — от решения этого вопроса зависело определение размеров Земли. В древности такие измерения были произведены Эратосфеном и Птолемеем. При аль-Мамуне арабские астрономы проверили и уточнили их результаты, причем вычислили величину градуса с точностью до километра. Следующее измерение Земли состоялось только в начале XVI века, а потому современники Колумба могли руководствоваться лишь трудами арабских авторов, переведенными на латынь. При этом с ними приключился казус, который может показаться сейчас комическим, но в конечном счете сыграл немалую роль в прогрессе человечества.

«Мамуновское определение градуса в $56\frac{2}{3}$ мили

перешло в Европу,— пишет И. Ю. Крачковский.— Здесь с ним случилось то же, что у сирийцев и арабов с греческим. Западные ученые XIV—XV веков не обращали внимания на несоответствие арабских миль принятым на Западе и часто допускали очень крупные ошибки. Такая ошибка помогла, между прочим, Колумбу открыть Америку: он принял величину градуса в $56\frac{2}{3}$ итальянские мили (миля в эту эпоху была на 384 метра меньше арабской). Таким образом, градус у него оказался меньше арабского на 22 километра и расстояние между берегами Западной Европы и Восточной Азии значительно меньше действительного. Если бы он знал фактическое положение дела, быть может, он и не рискнул бы отправиться через океан на своих судах...»

Да, Колумб ошибся, как ошибались в ту эпоху многие ученые Запада и Востока. Но эта его крупнейшая ошибка привела к величайшему открытию.

Арабские достижения в области астрономии и математической географии оказали влияние и на португальских мореходов. Притом не только в век «толедских» таблиц, но и много позднее.

Одним из подтверждений этого является такой факт. Единицей измерения астрономических расстояний у арабов служил «палец»; составлявший $1^{\circ}36'25''$. Название это возникло потому, что, сверяясь с лодией, арабский кормчий измерял углы между звездами и горизонтом либо посредством приборов, либо с помощью пальцев вытянутой руки. На португальских морских картах XVI века понятие «градус» обозначалось тем же словом «палец».

Путь компаса с его дальневосточной родины в Западную Европу был долог и труден: вражда между феодалами затрудняла общение между народами. Однако он легко прослеживается и во времени и в пространстве. Китайцы уже в III веке до н. э. знали чудесные свойства магнитного железняка. В труде Хань Фэя впервые упоминается компас. Прошло, однако, немало веков, прежде чем прибор этот появился на судах. Во всяком случае, до ученого Чжу Юя, книга которого вышла в 1119 году, никто не сообщал о применении компаса на море. От своего отца — чиновника в Гуанчжоу — Чжу Юй узнал, что местные моряки пользовались компасом уже в 1099—1102 годах.

Судовой компас китайских мореплавателей состоял из намагниченной стрелки, укрепленной в середине чуть более короткой камышинки, которая плавала в сосуде с водой. Прибор давал верные показания даже при самой сильной качке, но из-за плохой оснастки средневековых кораблей кормчим не всегда удавалось придерживаться избранного курса.

Арабские мореплаватели, поддерживавшие постоянные связи с Китаем, использовали компас на своих кораблях. После крестовых походов этот навигационный прибор наряду со многими другими достижениями народов Востока стал известен в Западной Европе, прежде всего в Италии. На Западе возникла даже легенда о том, что компас — итальянское изобретение. Один из спутников Васко да Гамы, первым описавший его путешествие, назвал компас «генуэзской иглой».

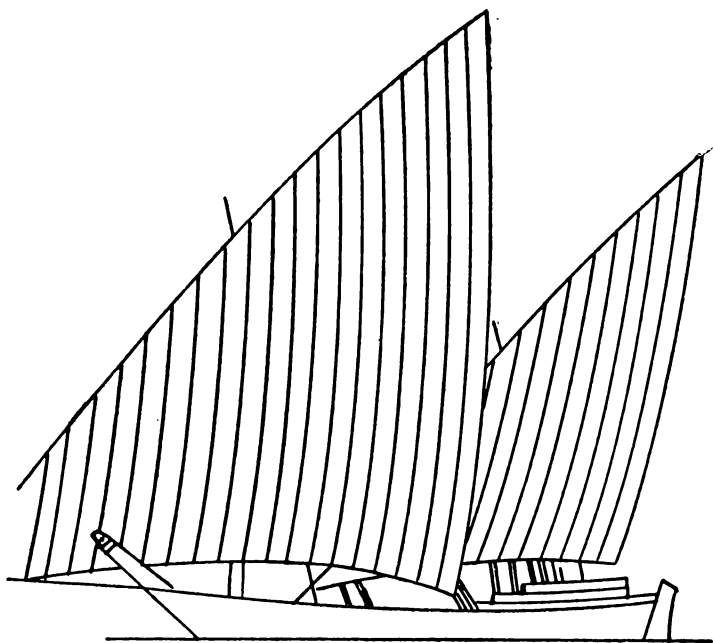
Европейские мореплаватели средневековья заимствовали у народов Востока не только навигационные приборы — компас, астролябию, угломерную линейку, квадрант.

Греко-римские суда оснащались прямыми парусами. В средние века моряки Южной (а позднее и Северной) Европы все чаще заменяют прямые паруса косыми.

Нельзя с уверенностью сказать, какому именно народу мир обязан этим важным новшеством. Очевидно, однако, что косое парусное вооружение, позволяющее ходить круто к ветру и лавировать, появилось там, где в этом существовала необходимость. Такая необходимость возникла прежде всего в Индийском океане, где дуют устойчивые ветры — муссоны.

Изображения судов с косыми парусами можно найти на многих исторических памятниках Индии и Индонезии. Но наибольшую приверженность к ним выказали арабы. Они пользуются косыми парусами и сейчас.

Почему же парус, занесенный в Европу арабами и там несколько видоизмененный, именуется латинским? Интересные соображения по этому поводу высказал западногерманский ученый Отто Хефер. Мореходы Северной Европы называли итальянцев, испанцев и португальцев «латинянами». А так как арабский парус распространился на север нашего материка из стран, населенных этими народами, то он и получил соот-

Арабское судно с косым парусом

ветствующее наименование. Лингвистический анализ привел Хефера к выводу о том, что название «латинский» могло означать также «парус для использования ветра, дующего сбоку» («латеральный» — «боковой»).

Косое парусное вооружение оказалось как нельзя более удачным для легких каравелл, на которых пускались в неведомые моря португальские экспедиции XV века. Такие каравеллы были для того времени очень быстроходны, свободно маневрировали, не страшлись неблагоприятного ветра. Однако им не хватало остойчивости, при лавировании требовались исключительное внимание со стороны кормчего и слаженность команды, иначе внезапный порыв ветра мог опрокинуть судно.

Вот почему в последней четверти XV века, когда португальцы вышли в открытый океан, у них появился новый вид корабля с новым видом парусного вооруже-

ния. Обводы корпуса округлились, «ветровой движитель» состоял теперь из прямых четырехугольных парусов и косых треугольных. Эти корабли были не так быстроходны и, пожалуй, не столь грациозны, как каравеллы прежних лет, но зато плавать на них стало легче и надежнее.

Образцами кораблей нового типа могли служить «Сан-Габриэль» и «Сан-Рафаэль», на которых экспедиция Васко да Гамы открыла морской путь из Европы в Индию. Фок-мачта и грот-мачта (передняя и средняя) на обоих судах несли прямые четырехугольные паруса, бизань-мачта (задняя) — огромный треугольный (косой).

«Ветровой движитель», распахнувший перед европейцами морские ворота Азии, воплотил в себе достижения как Запада, так и Востока.

Арабские мореходы — непосредственные учителя европейцев — почти не выходили в Атлантику. Сохранились, однако, известия об отдельных их плаваниях в этом океане. Аль-Идриси, фундаментальный труд которого был закончен в 1154 году, упоминает об экспедиции, специально отправившейся из Лиссабона для исследования океана и установления его пределов.

Арабы потеряли Лиссабон в 1147 году, следовательно, экспедиция отплыла несколько ранее.

И в прошлом веке и в наше время часты попытки доказать, будто арабские мореплаватели XII века достигли Америки. Для такого утверждения нет оснований, но, судя по описанию аль-Идриси, лиссабонские арабы действительно достигли какого-то острова, на котором паслись неисчислимые стада мелкого скота. Г. Хенниг высказал предположение, что речь идет об одном из островов Канарской группы (еще Плиний именовал «Козьим» остров, известный ныне под названием Фуэртевентура).

Память об этой экспедиции едва ли была утрачена в Лиссабоне после изгнания арабов. Главное значение ее не в новом открытии одного из островов Канарской группы: лиссабонские смельчаки отважились выйти в открытый океан, который был «закрыт» для мореплавателей со времен упадка Римской империи. И вернулись на родину живыми и невредимыми.

Их опыт пошел на пользу мореплавателям христианской Европы. В 1270 году тот же архипелаг был сно-

ва открыт генуэзцем Малочелло. Возможно, с конца XIII века Канарские острова посещались и португальцами. Таким образом, первый шаг на пути в Тропическую Африку и Индию был сделан португальскими мореплавателями по следам арабских.

В подготовке великих открытий немалую роль сыграли путешествия по странам Востока, которые совершили в XIII—XV веках купцы и миссионеры Западной Европы.

Некоторые из них проделали часть пути в качестве пассажиров на судах, бороздивших волны Индийского океана и сопредельной с ним части Тихого. Эти плавания, несомненно, явились стимулом для тех, кто стремился познать неведомое, помогли преодолеть «водобоязнь» европейского средневековья.

Особенно примечательно путешествие Николо, Маффео и Марко Поло. Все трое — жители Венеции, судьбы которой были традиционно связаны с морем. Однако, прибыв в Хормуз на первом этапе своего путешествия, начатого в 1271 году, они не решились следовать дальше в Китай ни на одном из судов, стоявших в то время в иранском порту, и отправились туда по суше. Проведя семнадцать лет в Китае, венецианцы в 1292 году избрали для возвращения на родину морской путь и благополучно достигли Хормуза, пройдя Малаккский пролив и обогнув южный берег Индии.

Из книги, продиктованной Марко Поло, можно заключить, что незадолго до отъезда из Китая на родину он совершил плавание в Индию («вернулся Марко из Индии, из-за многих морей»).

Наиболее популярным в Западной Европе путешественником XIV века был монах Одорико Порденоне, получех-полуитальянец. Успехом своих странствий по странам Востока Порденоне обязан местному судоходству в еще большей степени, нежели Марко Поло.

Только из Константинополя до Басры монах дошел по суше, а остальную часть маршрута (Басра — Хормуз — Малабарский и Коромандельский берега Индии — Большие Зондские острова — Индокитай — Южный Китай) проделал на купеческих судах. Особенно много нового он узнал об островах Индонезии. Порденоне побывал на Суматре и Яве, вероятно, посетил и Калимантан (Борнео).

Широко использовал возможности восточного мореходства величайший путешественник XIV века Ибн Баттута. Ему не всегда везло на море. Отплыв из Каликута, центра индийской торговли, в Китай, он потерял все свое имущество в кораблекрушении. Затем арабский путешественник был ограблен пиратами. Но он снова выходил в море, совершил из Индии плавание на Мальдивские острова, Цейлон и Суматру и, наконец, достиг Южного Китая. Обратный путь из Китая он, как и Марко Поло, проделал на морских судах и через Суматру и Каликут направился в Северо-Восточную Аравию, а затем в Персию.

В XV веке плавание из Хормуза в Индию и обратно совершил русский землепроходец тверской купец Афанасий Никитин.

Деятельность португальского принца Энрики, пославшего не одну важную исследовательскую экспедицию, началась около 1415 года и закончилась с его смертью в 1460 году. Одни считают, что он хотел достигнуть Индии в обход Африки, другие — что африканское золото и рабы являлись сами по себе достаточным стимулом для португальских мореплавателей, спускавшихся все дальше и дальше вдоль западного побережья материка.

Невзирая на приказы принца, португальские моряки целых двенадцать лет не могли обогнуть африканский мыс Божадор (Бохадор), весьма близкий к их родине и весьма далекий от Индии. Им мешали не только течения, мели и противные ветры, но и суеверный страх: за мысом, по представлениям тогдашних моряков, обитали чудовища, способные поглотить их вместе с судами.

Энрики не посчитался с этим суеверием. Надо полагать, что он опирался на авторитет античных авторов, придерживавшихся более прогрессивных взглядов. Таким был Плиний, передавший сообщение об экспедиции Ганнона. Геродот едва ли был известен в Португалии при жизни принца Энрики, но сведения о египетско-финикийской экспедиции вокруг Африки, записанные греческим историком, могли стать достоянием просвещенных людей этой страны через латинские космографии.

Подтверждение своим взглядам принц Энрики и его ученые консультанты находили и в картах, состав-

лявшихся в торговых городах Средиземноморья. Уже в XV веке Африку нередко изображали суживающейся к югу. Это произошло не без влияния арабских географов. В 1457—1459 годах в Венеции появилась карта мира, составленная монахом фра Мауро. Она рассказывала об одном из замечательных путешествий арабских мореплавателей Востока, поныне остающихся безымянными.

Карта была составлена Мауро по заказу португальского короля Афонсу V, который сообщил ему обо всех географических открытиях португальцев, сделанных до 1457 года. Ясно поэтому, что карта Мауро была отлично известна всем португальским путешественникам, отправлявшимся на поиски новых земель после этой даты.

Юг Африки, по Мауро, омывается морем. В этом он мог следовать аль-Масуди, еще в X веке лично побывавшему в Восточной Африке, а также аль-Бируни (XI век) и их последователям.

Гораздо важнее надпись на карте венецианского ученого, гласящая, что около 1420 года одно судно, обогнув некий мыс Диаб, перешло из Индийского океана в Море тьмы (так называли арабы Атлантику). При этом оно держало курс на Алгарви (юг Португалии, где дольше всего держались арабы, а затем часть Марокко, захваченная португальцами). Мауро именует судно индийской джонкой, очевидно имея в виду арабский торговый корабль, совершавший рейсы в Индию и, значит, обладавший необходимыми мореходными качествами. Экспедиция, по его словам, прошла 2000 миль и благополучно вернулась.

О том, что такие попытки издавна предпринимались арабами, известно еще из «Хронологии восточных народов», составленной аль-Бируни. Из этой книги видно, что уже в XI веке арабские мореплаватели пытались пройти на юг от Софалы, расположенной под 20-м градусом южной широты. В дальнейшем граница арабского мореплавания в Восточной Африке была еще отодвинута до 23 градусов 58 минут южной широты. Расположенный в этой точке мыс Корриентес назывался у арабов Джебель-эн-Надама, что означает мыс Раскаяния, ибо мореплаватели, огибавшие его, скоро раскаявались в своем поступке: сильное Мозамбикское течение не давало им возможности вер-

нуться — слишком несовершенно было парусное вооружение судов.

Одна из попыток обогнуть мыс наконец увенчалась блистательным успехом, ибо арабские мореплаватели сумели все же вернуться на север. Для этого им нужно было обойти Мозамбикское течение к востоку от Мадагаскара, а затем воспользоваться противотечением, начинающимся под 37—40 градусом южной широты. Такой маршрут был доступен только кормчему, в совершенстве овладевшему искусством лавирования в море, да и то лишь при благоприятных обстоятельствах. Не удивительно поэтому, что экспедиция 1420 года осталась единичным явлением.

В сообщении фра Мауро есть подробность, кажущаяся настолько фантастической, что на первый взгляд ставит под сомнение его достоверность. В легенде на карте говорится, что на берегу мореплаватели обнаружили яйцо птицы Рух — сказочного чудовища арабских сказок.

На самом деле эта деталь вполне правдоподобна. На Мадагаскаре и теперь находят яйца огромной страусообразной птицы — эпиорниса, которая, как полагают, встречалась на этом острове еще в XVII веке. Правда, действительные размеры яйца вымершей птицы много меньше сказочных.

Вполне реалистические подробности имеются и на самой карте Мауро, которая довольно правильно изображает береговую линию Южной Африки до широты реки Оранжевой. Что касается названия «мыс Диаб», то оно означает, видимо, «На две воды глядящий». Это очень точная характеристика мыса Доброй Надежды или, вернее, мыса Игольного — самой южной оконечности Африки.

Только через два десятилетия после появления карты португальским мореплавателям удалось повторить подвиг арабов.

В 1488 году Бартоломеу Диаш обогнул Африку, но с запада, и первым из португальцев проник в Индийский океан. Экспедиция его готовилась очень тщательно. Невозможно предположить, что Диаш не знал о карте фра Мауро и не сделал из нее надлежащих выводов.

До нас не дошли ни документы экспедиции, ни воспоминания ее участников. Португальские историки

XVI века, писавшие после открытия морского пути в Индию, утверждают, что Диаш хотел идти в эту страну, но ему помешал матросский бунт.

Источники говорят, что Диаш пошел на мировую с возмущившимися экипажами своих кораблей и добился от них согласия еще два-три дня идти вперед. Едва ли он мог рассчитывать за столь короткий срок добраться до Индии или до Эфиопии, которую тогда часто принимали за Индию. Готтентоты же и бушмены, встречавшиеся португальцам на берегу, естественно, не могли оказать им никакой помощи.

Вероятнее предположить, что португальцы обогнули мыс Доброй Надежды во время бури, не заметив его. Поэтому Диашу было необходимо убедиться в том, что берег, к которому приблизились его корабли, действительно поворачивает к северо-востоку. Удостоверившись в этом, он мог считать свою основную задачу выполненной: его экспедиция прошла из Атлантического океана в Индийский мимо южной оконечности Африканского материка, сведения, полученные от Мауро, подтвердились.

На обратном пути Диаш обнаружил оконечность материка и назвал ее мысом Доброй Надежды. Его открытие действительно вселило в португальцев надежду на то, что вскоре им удастся найти морской путь в Индию. Но само оно было только звеном, хотя и весьма важным, в цепи событий, которые подготовили плавание Васко да Гамы.

В средние века Эфиопию называли Африканской Индией, а на тогдашней латыни слово «индиец» означало также «эфиоп».

Несомненно, некоторые экспедиции, снаряженные принцем Энрики, имели целью достигнуть царства пресвитера Иоанна (Эфиопии). Предполагалось, что для этого нужно только подняться вверх по реке Гамбия. Такие попытки были предприняты по приказу принца Энрики итальянскими мореплавателями Кадамосто и Узидимаре в 1455—1456 годах, а затем португальцем Диогу Гомишем в 1457 году. По понятным причинам никто из них в Эфиопию не попал, но зато Кадамосто открыл архипелаг Зеленого Мыса (на ту же честь претендовал и Гомиш).

Поиски морского пути в Эфиопию, без сомнения, стали вестись с удвоенной силой после буллы папы

Калликста III, который в 1456 году признал владением Португалии всю территорию «от мысов Божадор и Нам вплоть до Гвинеи на всем протяжении ее и по ту сторону ее — южную область вплоть до индийцев».

Оживлению интересов к Эфиопии в окружении принца Энрики способствовали и иные события. В 1441 году римляне с огромным интересом встречали пышное посольство эфиопского негуса. Весть о пребывании его при папском дворе вскоре достигла Лиссабона, где, конечно, не прошло незамеченным и эфиопское посольство к королю Арагона (1427).

В 1490 году в Лиссабон прибыл эфиопский священник Лука Марк. Доставленная им информация могла стать известна Васко да Гаме.

Вряд ли можно считать случайным, что одновременно с экспедицией Диаша португальские разведчики направились через Ближний и Средний Восток в Индию Азиатскую и Индию Африканскую.

В том же, 1487 году, когда корабли Диаша вышли из устья Тежу, король Португалии Жуан II дал поручение чрезвычайной важности своему опытнейшему лазутчику Перу ди Ковильяну. Через Египет Ковильяну добрался до Адена, а оттуда совершил на арабском судне плавание в Индию. Он побывал в Каликуте, куда впоследствии прибыли корабли Васко да Гамы, а также во многих других городах Индостана.

В начале 1489 года Ковильяну — опять-таки на арабском судне — отправился в Хормуз.

Данные об экономике и торговле Индии и других стран Востока и об арабском мореплавании, которые собрал лазутчик Жуана II, стоили всей сокровищницы этого короля, но не облегчали португальцам открытие прямого морского пути в Индию. Ковильяну, конечно, сознавал это. Именно поэтому он не вернулся из Хормуза в Каир, где уже успел побывать, а отправился с арабскими купцами на побережье Восточной Африки.

Дошедшие до нас письменные источники, как португальские, так и итальянские, определенно говорят о посещении им Софалы. Но Софала была самым южным арабо-суахильским поселением на Африканском побережье Индийского океана. Совершенно очевидно, что арабские купцы, а вместе с ними и Ковильяну посетили и другие порты побережья. Между этими портами и Индией поддерживалось регулярное сообщение,

в Восточной Африке можно было без особого труда найти опытного кормчего, умеющего свободно ориентироваться в водной пустыне.

Ковильяну так и не вернулся на родину. В Каире он получил тайный приказ короля, обязывающий его проникнуть в Эфиопию. Приказ этот был выполнен, но эфиопское правительство не выпустило Ковильяну из страны. Лишь много лет спустя он поведал о своих приключениях одному из чинов португальского посольства, прибывшего в Эфиопию. Встреча их произошла уже в 1520 году — через много лет после плавания Васко да Гамы.

Вероятнее всего, однако, путешествия Ковильяну и в особенности посещение им Восточной Африки имели самое непосредственное отношение к открытию морского пути в Индию.

Приказ короля Жуана — ехать в Эфиопию — Ковильяну вручили в Каире в 1491 году два других португальских агента — Авраам из Бежи и Иосиф из Ламегу.

Ковильяну воспользовался этим, чтобы направить Жуану II подробное донесение обо всем, что он сделал. Это донесение он вручил Иосифу из Ламегу, который незамедлительно отправился в Лиссабон.

Альвариш передает рассказ Ковильяну об этом эпизоде:

«Здесь [в Каире] он сразу отписал через сапожника Иосифа из Ламегу, как он открыл, что корица и перец есть в городе Каликут, что гвоздика идет из [страны] за ним, но что все это можно найти там и, кроме того, в упомянутых городах Каннапуре, Каликуте и Гоа, на всем побережье, и что сюда можно плыть берегом и морями Гвинеи, останавливаясь у Софалы, куда он также плавал и где есть великий остров, называемый маврами „остров Луны“ (Мадагаскар.— *Авт.*). Говорят, что он находится в трехстах лигах от берега и из любой из упомянутых стран можно взять курс на Каликут».

Возможно, что именно донесения Ковильяну обусловили различия в поведении Бартоломеу Диаша и Васко да Гамы. Принимая решение вернуться в Португалию, Диаш не мог знать, что от места, которого он достиг, недалеко до Софалы, где Ковильяну побывал в следующем или 1490 году.

В ином положении находился Васко да Гама. Если письма Ковильяну были получены при португальском дворе, он не мог не познакомиться с ними. А в этом случае задача открытия морского пути в Индию чрезвычайно упрощалась: она сводилась к тому, чтобы достигнуть арабо-суахилийских портов на побережье Восточной Африки и заручиться услугами местного кормчего.

Историки сходятся на том, что без плавания Диаша не было бы путешествия Васко да Гамы. Но открытие мыса Доброй Надежды было как бы одной половиной разорванной ассигнации или составной частью загадочной картинки. Второй явилась информация, собранная Ковильяну. Гений Васко да Гамы соединил их воедино.

Пройдя крайний пункт, достигнутый экспедицией Диаша, Васко да Гама продолжал подниматься вдоль побережья Восточной Африки, не выходя в открытый океан. Между тем его никак нельзя обвинить в трусости или нерешительности, да и корабли его, строившиеся с учетом опыта экспедиции Диаша, были гораздо лучше приспособлены к условиям плавания в открытом океане, нежели суда его предшественников. Адмирал имел случай проверить преимущество каравелл нового типа («круглые корабли») и их усовершенствованного парусного вооружения, когда, достигнув Сьерра-Леоне, взял курс на юго-запад и сделал большой крюк в сторону еще неизвестного побережья Бразилии. Благодаря этому он избежал противных ветров, дующих у берега Африки, и открыл наиболее удобный морской путь из Европы к мысу Доброй Надежды.

Достигнув Индийского океана, португальский адмирал продолжал идти вдоль берега, не предпринимая никаких экспериментов. Не следует ли заключить, что и в данном случае он руководствовался информацией, полученной ранее, то есть сведениями, почерпнутыми из писем Ковильяну? А потому стремился прежде всего достигнуть прибрежных городов Восточной Африки, чтобы заполучить опытного кормчего.

Нельзя, конечно, считать историческим источником эпическую поэму Луижа Камознша «Лусиады», в которой прославляются Васко да Гама и его спутники. Но Камознш еще застал в живых нескольких участников экспедиции и уж во всяком случае не написал бы

ничего такого, что могло умалить заслуги Васко да Гамы. Поэтому когда он говорит: «Давно уже капитан пламенно желал найти кормчего, который мог бы указать ему путь в Индию» — этому нельзя не верить.

В конце января 1498 года Васко да Гама получил убедительное доказательство правильности сведений, сообщенных Ковильяну. Корабли его вошли в устье реки Келимане (общее устье нескольких рек, впадающих в Мозамбикский пролив). Несколько дней спустя из поселений, расположенных вверх по реке, приплыли два вождя-африканца. Командующий флотилией заметил, что на одном был головной убор с вышитой шелком каймой, а на другом — из зеленого атласа. Изделия эти были явно не местного происхождения. На предложенные им подарки оба вождя смотрели с пренебрежением, не произвели на них впечатления и корабли португальцев. Один из них дал понять, что приехал издалека и большие корабли ему не в диковинку.

Эти слова показали командующему, что он находится уже недалеко от крупных международных портов, где он может встретиться с бывалыми моряками, хорошо знающими путь в Индию.

Попытку заполучить опытных кормчих Васко да Гама предпринял уже на острове Мозамбик, в первом арабо-суахилийском поселении, где он побывал. Двое кормчих (или лоцманов), которых ему удалось нанять, довели флотилию до Момбасы, хотя и с явной неохотой.

В другом арабо-суахилийском городе-государстве — Малинди — португальцы увидели большие корабли, пришедшие из Индии, познакомились с их кормчими. Используя распри между Момбасой и Малинди, Васко да Гама добился огромного успеха: правитель второго города направил на борт его корабля опытного кормчего. Да Гама, очевидно, заранее рассчитывал на это, а потому и не вышел в открытый океан из Момбасы.

Португальский историк XVI века Жуан Барруш так описывает историческую встречу: «Во время пребывания Васко да Гамы в Малинди со знатными индийцами, посетившими португальского адмирала на борту его корабля, был некий мавр из Гузерата по имени Малемо Кана. От удовольствия разговаривать с нашими земляками, а также чтобы угодить королю

Малинди, искавшему кормчего для португальцев, он согласился отправиться с ними. Поговорив с ним, да Гама остался весьма удовлетворен его знаниями, особенно когда мавр показал ему карту всего Индийского побережья, построенную, как вообще у мавров, с меридианами и параллелями, весьма подробную, но без указания ветровых румбов. Так как квадраты (долгот и широт) были весьма мелки, карта казалась очень точной. Да Гама показал мавру большую астролябию из дерева, привезенную им, и другие металлические астролябии для снятия высоты солнца и звезд. При виде этих приборов мавр не выказал никакого удивления. Он сказал, что арабские кормчие Красного моря пользуются приборами треугольной формы и квадрантами для того, чтобы измерять высоту солнца и звезд, и особенно Полярной звезды, что весьма употребительно в мореплавании. Мавр добавил, что он сам и моряки из Камбайи и всей Индии плавают, пользуясь некоторыми звездами, как северными, так и южными и наиболее заметными, расположенными посреди неба, на востоке и на западе. Для этого они пользуются не астролябией, а другим инструментом (который он и показал), состоящим из трех дощечек... После этого и других разговоров с этим кормчим да Гама получил впечатление, что в нем он приобрел большую ценность. Чтобы его не потерять, он приказал немедленно плыть в Индию и 24 апреля двинулся в путь...»

Это писалось в эпоху, когда огонь корабельной артиллерии превратил Индийский океан в своего рода португальское озеро. Однако в описании Барруша нет и тени пренебрежения к кормчему, поведшему флотилию Васко да Гамы из Малинди в Каликут. Кормчий этот выступает здесь как представитель мореходной культуры, ничем не уступающей португальской.

Такое же уважение к кормчему, несомненно, испытывал и Васко да Гама. День встречи с мудрецом из Малинди был светлым днем в жизни португальского путешественника не только потому, что встреча эта обусловила успех его экспедиции. Беседа с кормчим как бы отодвинула на задний план постыдную алчность и корысть, которыми руководствовался Васко да Гама. Пирата заслонил великий мореплаватель, способный испытывать благородную и чистую радость творческого общения. В этот день вопреки тому, что писал

Киплинг три века спустя, Запад встретился с Востоком как равный с равным.

Примечательно, что в поэме «Лусиады» Луиж Камознш воспеваает подвиги не только своих соотечественников, но и «мавра», служившего им проводником по океану:

В кормчем, суда стремящем, нет ни лжеца, ни труса,
Верным путем ведет он в море потомков Луса.
Стало дышаться легче, место нашлось надежде,
Стал безопасным путь наш, полный тревоги прежде.

С этими строками величайшего поэта Португалии перекликаются записи неизвестного спутника да Гамы — автора знаменитого «Рутейру» (путевого журнала экспедиции): «Мы очень радовались кормчему, которого прислал король»*.

Радость была не напрасной: португальцам не пришлось больше тревожиться до самого Каликута.

Переход флотилии Васко да Гамы из Малинди в Индию явился подлинным триумфом навигационного искусства «мавра из Гузерата».

Как указывает Т. А. Шумовский, он «блестяще провел флотилию, прорезав западную часть Индийского океана почти по самой середине; это позволило ему лавировать между двумя противоборствующими ветрами, применяя то простой, то усложненный поворот на другой галс через фордевинд, вследствие чего ни одно судно не легло в губительный в этих местах дрейф и половина океана была пройдена всего за двадцать шесть суток».

Смелость, с какой кормчий вел португальские корабли через океан, была порождена глубоким знанием направления ветров и течений, береговой линии и даже рельефа морского дна в прибрежной полосе.

Плавание в открытом океане он считал более безопасным, чем по мелководью, изобилующему подводными скалами и отмелями. Он не терялся ни при каких обстоятельствах. Берег Индии показался на двадцать третий день плавания, но был затянут пеленой дождя и тумана. Тогда «мавр из Гузерата» увел флотилию назад в океан, невзирая на ветер и бурю.

По словам Камознша, именно кормчий командовал флотилией. Предугадав бурю по хорошо известным ему

* Король — в данном случае шейх Малинди.

признакам, он отдал четкие и ясные команды, а в опасную минуту приказал выбросить за борт лишние товары и выкачать насосами воду, которую зачерпнул корабль. Португальцы беспрекословно выполняли эти приказания.

Доверившись «мавр из Гузерата», Васко да Гама проявил большую прозорливость. Через трое суток буря прекратилась, небо очистилось и на горизонте показалась возвышенность, расположенная к северу от Каликута. Заветная цель была достигнута. Камознш вложил в уста кормчего следующие слова, обращенные к португальскому адмиралу: «Если мое искусство не обманывает меня, перед нами — государство Каликут! Вот Индия, которую вы ищете, и честолюбие ваше будет удовлетворено, если единственное ваше желание — попасть туда!»

С тех пор прошло свыше четырех с половиной веков. По желанию жителей Малинди, освободившихся от колониального гнета, одна из центральных улиц города названа в честь Ахмада ибн Маджида.

Это имеет самое прямое отношение к открытию европейцами морского пути в Индию, ибо Малемо Кана и Ахмад ибн Маджид — одно и то же лицо.

Связная биография Ибн Маджида отсутствует, но не подлежит сомнению, что кормчий экспедиции Васко да Гамы был арабом родом из Омана, а вовсе не «мавром из Гузерата» (то есть уроженцем Индии). Полное имя его — Шихабалдин Ахмад ибн Маджид ибн Мухаммад ибн Му'аллак ас-Сади ибн Абу-р-Рака'иб ан-Наджи.

Родился он в 1440 году, умер в начале XVI века — через несколько лет после того, как показал португальцам путь в Индию. Ахмад ибн Маджид принадлежал к династии оманских кормчих (то есть капитанов дальнего плавания). Владея в совершенстве навигационным искусством, он достиг в своих трактатах подлинного синтеза теории и практики и воплотил достижения многих народов, населяющих берега Индийского океана. Слава его на Востоке росла из года в год. В морских рассказах, передающихся из поколения в поколение, он именуется «львом моря». Современники Ахмада ибн Маджида — корабельщики и жители города Малинди, где он обосновался, — называли его не столь выпендренно, но не менее уважительно: Малемо Кана.

«Малемо» на языке суахили «знаток морского дела», «кана» (вернее, «канака») — слово, заимствованное из тамильского языка и означающее «вычислитель», «звездочет». Итак, «Малемо Кана» — это «знаток морского дела и астрономии».

Стараниями Т. А. Шумовского в научный оборот введен важнейший труд Ахмада ибн Маджида «Книга польз». Это трактат по морской астрономии и своеобразный путеводитель по Индийскому океану и прилегающим морям. Лоция Красного моря, входящая в состав трактата, необычайно подробна, в ней не пропущено ни одной отмели или подводного камня. Ни одно европейское руководство по парусной навигации не достигло уровня этой лоции.

Для истории открытий наибольший интерес представляет географический кругозор автора этой книги и множества иных работ. Т. А. Шумовский составил карту основных маршрутных пунктов трех найденных и переведенных им лоций Ахмада ибн Маджида. Она поражает своей полнотой. Берега Аравийского полуострова и Восточной Африки буквально усыпаны этими пунктами. Мы находим их также на восточном берегу Персидского залива и западном побережье полуострова Индостан, в Индонезии (остров Ява) и даже в Южном Китае. «Книга польз» основана полностью на личном опыте автора, следовательно, кормчий экспедиции Васко да Гамы побывал во всех землях, прилегающих к Индийскому океану, — от Восточной Африки до Южного Китая. И в то же время отнюдь не был первооткрывателем, да и не претендовал на эту роль.

Творчество Ибн Маджида было вершиной арабской морской науки XV века, но вершиной не одинокой. В первой половине XVI века, когда в Индийском океане уже бесчинствовали колонизаторы, творил младший современник «льва моря» арабский кормчий Ибн Ахмад аль-Махри аль-Мухаммади. Его географический кругозор был не менее широк, чем у Ибн Маджида. В своих работах аль-Махри описывает морские пути от Хиджаза до Южного Китая, маршруты вдоль островов и архипелагов — от Мадагаскара до Тайваня, приводит расстояния от Аравии (сам аль-Махри происходил из южноаравийского города Шихра) до Индии и от Африки до Индонезии.

Ибн Маджид и аль-Махри не имели продолжателей

только из-за колониального разбоя. Как могла развиваться арабская морская наука, когда португальцы захватывали все встречавшиеся арабские суда, а команду и пассажиров выбрасывали за борт?

Достаточно взглянуть на карту, составленную Т. Шумовским по книге Ибн Маджида, чтобы убедиться: об открытиях европейцев в бассейне Индийского океана можно говорить только условно. Народы этого бассейна веками поддерживали между собой интенсивные связи. Их географические познания носили отнюдь не только эмпирический характер. Они обрабатывались и систематизировались на уровне, который в то время едва ли был достигнут в Западной Европе. Правда, им присуща известная ограниченность: народы Востока так и не сумели установить прямую связь с Западной Европой, минуя сухопутных посредников, хотя героическую эпопею 1420 года можно считать попыткой достигнуть этого.

Экономические выгоды от установления такой связи, вероятно, показались соблазнительными шейху Малинди: он ведь не знал, что в лице португальских мореплавателей имеет дело с пиратами. Но что побудило Ахмада ибн Маджида привести чужеземцев в Индию?

До нас дошел своеобразный кодекс чести кормчего, составленный этим ученым и мореплавателем. Наряду с требованиями, касающимися квалификации, кодекс говорит о том, что му'аллим должен иметь возвышенный характер, быть честным, справедливым и великодушным.

Именно эти качества и проявил Ахмад ибн Маджид, согласившись участвовать в португальской экспедиции в Индию. Ибн Маджид обладал глубокими специальными познаниями, необычайно широким географическим кругозором. Согласившись показать португальцам морской путь в Индию, он руководствовался не только законами гостеприимства (а их тоже нельзя сбрасывать со счетов), но и стремлением перебросить мост через два океана, соединить пределы известного ему мира на Западе и на Востоке.

Этот вывод не расходится с таким важным португальским источником, как сообщение Барруша. Согласие Ибн Маджида провести португальские корабли в Индию Барруш объясняет двумя причинами. Он гово-

рит о его стремлении «угодить королю Малинди», но в первую очередь называет «удовольствие разговаривать с нашими земляками». Ученый моряк Ибн Маджид, естественно, испытывал удовольствие от бесед с португальскими мореплавателями. Они ничему не могли научить кормчего в области навигационного искусства. Но корабли их и в особенности вооружение безусловно превосходили все, что ему доводилось видеть. Наконец, знакомство с ними еще больше раздвигало его географический горизонт.

Ибн Маджид знал о Западной Европе слишком мало, чтобы проникнуть в истинные намерения португальцев. Но его познаний было достаточно для того, чтобы правильно оценить великое значение экспедиции Васко да Гамы. Участие в таком предприятии, притом в роли учителя и наставника португальцев, и должно было стать для Ибн Маджида предметом профессиональной гордости.

Экспедиция Васко да Гамы — Ахмада ибн Маджида (есть все основания именовать ее так!) явилась примером творческого содружества народов Запада и Востока. Колониальное порабощение подавляющего большинства человечества не дало развиваться этому сотрудничеству и тем нанесло огромный урон развитию мировой культуры.

Ибн Маджид не мог, конечно, предвидеть, что своим искусством он открывает двери в бассейн Индийского океана не купцам, а разбойникам, что экспедиция, в которой он участвовал, явится прологом кровавых оргий колонизаторов, принесет неслыханные страдания всем народам прибрежных стран, приведет к разгрому их культуры.

В лощах, составленных Ибн Маджидом после появления португальцев в Индийском океане, отражены страдания их автора, жестоко обманутого бессовестными пришельцами.

«О если бы я знал, что от них будет! Люди поражались их поведению», — говорится в одной из лощей. В этих словах, написанных в 1501 году после зверской бомбардировки Каликута португальской флотилией Кабрала, — вся трагедия Ибн Маджида, простодушного мудреца.

Используя географические познания народов Востока, колонизаторы захватывали одну позицию за

другой и установили свое господство над всем бассейном Индийского океана.

После Васко да Гамы самая видная роль в этом деле принадлежит Аффонсу д'Албукерки, разрушителю Хормуза и подлинному основателю португальской колониальной империи в Индии. Хитростью и насилием Албукерки завладел рядом карт, составленных арабскими и индонезийскими кормчими, что безусловно облегчило португальскую экспансию. Так, при захвате Сокотры в его руки попал дорожник портов государства Хормуз, составленный кормчим по имени Омар.

В 1512 году Албукерки отправил королю Португалии копию большой карты, сделанной пилотом с Явы, которая включала мыс Доброй Надежды, португальские владения, Красное море, море Персии, Молуккские острова, морские пути китайцев и тайванцев с их линиями и прямыми дорогами, где проходят суда, и с внутренними частями страны. «Названия были там написаны яванскими буквами,— писал Албукерки,— и я нашел одного яванца, который умел читать и писать, чтобы объяснить мне ее».

К сожалению, карты арабских и иных индоокеанских кормчих не сохранились до нашего времени. Дошли только карты арабских «книжных географов», как их называл Ибн Маджид, то есть составителей.

Но сопоставление западных картографических работ начала XVI века даже с сохранившимися весьма несовершенными произведениями придворной арабской картографии показывает, сколь многим обязана европейская географическая наука народам Востока.

Наиболее характерные образцы заимствований представляют собой работы португальцев ди ла Коса и да Кастро, генуэзцев Кантино и ди Канерио, появившиеся в 1500—1502 годах, то есть вслед за возвращением экспедиции Васко да Гамы. Можно привести и многочисленные примеры заимствований португальцев из области морской топонимики.

Парусная навигация в Индийском океане невозможна без познания муссонов. Об этих ветрах и возможности их использования португальцы впервые узнали от Ибн Маджида. И самое слово «муссон», вошедшее во все европейские языки, происходит от арабского слова «мавсим», что означает «попутный ветер», то есть ветер, дующий в определенное время года.

Свет арабской морской науки распространялся не только на запад, но и на восток. Особенно большое влияние оказала эта наука на морскую географию и картографию Турции в XV—XVI веках.

Знаменательно, что имена Ибн Маджида и аль-Махри стали известны в Западной Европе задолго до того, как удалось обнаружить оригиналы их произведений. Это результат более раннего знакомства с трудами турецкого адмирала и писателя Сиди Али реиса.

Находясь в Индии, он в 1554 году создал свой важнейший труд «Объемлющее по науке небесных сводов и морей». Это весьма полное по тому времени описание стран Индийского океана, известных арабам. Географический кругозор автора простирался, впрочем, и за пределы этого бассейна. На востоке ему была известна страна Джур (Корея или остров Тайвань), на западе — Америка. В основу труда Сиди Али реиса легли беседы с опытными арабскими или иранскими кормчи-ми, с которыми он встречался в Персидском заливе, а также работы Ибн Маджида и аль-Махри.

Широкие географические и гидрометеорологические познания арабов и других народов Востока были использованы колонизаторами во вред этим народам. Разгром мореходства стран Индоокеанского бассейна помешал местным кормчим в свою очередь воспользоваться достижениями науки и техники Запада, хотя, как показывают замечания в последних лощиях Ахмада ибн Маджида, моряки Востока были преисполнены готовности учиться у «франков».

Тем не менее установление прямого морского сообщения между Западной Европой и Индией, а затем и странами Дальнего Востока имело и положительное значение. Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»*.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 425.

В ГЛУБЬ ЕВРАЗИИ

Открытие Европы

В 1749 году на острове Корву, входящем в Азорский архипелаг, был обнаружен глиняный сосуд с монетами. Нумизматы уже тогда утверждали, что монеты эти — карфагенские. Исследователи нашего времени окончательно подтвердили этот факт и сумели датировать клад. Все монеты относятся к 330—320 годам до н. э. и свидетельствуют, вероятно, о посещении острова Корву карфагенскими мореплавателями.

Итак, Азорские острова — этот крайний форпост Европы в Атлантике — были открыты не в 1432 году, а более чем семнадцатью столетиями раньше.

Но сумели ли карфагенские мореходы вернуться на родину и рассказать о своем открытии?

В течение многих веков из уст в уста передавалось сказание о «блаженных» островах, затерянных в глубине Атлантики, вдали от мира. Оно, очевидно, как и все сказания и мифы, должно было иметь некую рациональную основу. Такой основой может служить действительно благодатный климат Азорских островов, поражающий даже жителей Средиземноморья. Но для того чтобы познакомиться с климатом архипелага, древние мореплаватели должны были не просто побывать там (шторм мог занести их и дальше), но вернуться на родину и рассказать о виденном и пережитом.

Европа, как и другие части света, имела своих первооткрывателей: представители народов-мореходов прокладывали пути в страны, населенные, так сказать, домоседами. Несмотря на разделявшую их вражду, освоение путей через Средиземное море — совместное достижение критян, греков с материка и иберов (древ-

них насельников Пиренейского полуострова), а также финикийян и карфагенян.

Еще во II тысячелетии до н. э. на Кипре появились первые финикийские поселенцы. В середине того же тысячелетия возникли торговые связи между финикийскими городами и островом Критом — очагом высокой самобытной культуры. Отсюда финикийские мореплаватели ходили к берегам Балканского и Апеннинского полуостровов. Продвигаясь все дальше на запад, они открывали для себя и основывали колонии на островах Средиземноморья — Сицилии, Сардинии, Балеарских, Мальте.

Затем наступил черед Пиренейского полуострова. На месте многих городов современной Испании когда-то были финикийские поселения, например Малака (современная Малага), Гадес (Кадис).

Финикийяне первыми проложили маршрут, пересекавший Средиземное море с востока на запад, от Тира и Сидона в Передней Азии до порта и государства Тартесс на юге Пиренейского полуострова.

Финикийские мореходы, как и карфагенские, отличались исключительной скрытностью. В стремлении утаить от конкурентов свои торговые пути они не останавливались ни перед чем: известен рассказ о том, что капитан карфагенского корабля сам посадил его на мель, лишь бы следовавшие за ним римляне не смогли установить, куда он направляется. Особенно ревниво берегли они тайну олова, которое добывали на территории современной Испании, а возможно, и на юге нынешней Англии: пока железо не вытеснило бронзу, олово ценилось чуть ли не на вес золота.

И все-таки нет ничего тайного, что не становилось бы в конце концов явным. Ни блокада Гибралтарского пролива, установленная карфагенянами уже в VI веке до н. э., ни страшные рассказы о «замерзшем море» и морских чудовищах, которыми потчевали конкурентов, не могли полностью преградить путь распространению географических знаний. Да и разгром Карфагена римскими завоевателями нельзя отождествлять с нашествием вандалов: хотя многие замечательные произведения пунической культуры погибли в огне, завоеватели немало восприняли у побежденных.

В конце IV века римлянин Авиен, автор географических сочинений, написанных стихами, создал поэму

«Морские берега». В ней мировой океан справедливо рассматривается как единое целое. При описании Атлантики автор часто ссылается на карфагенского мореплавателя Гимилькона, жившего девятью веками раньше.

Экспедиция Гимилькона по времени почти совпадает с замечательным плаванием Ганнона — она состоялась около 52 года до н. э. Сопоставление маршрутов позволяет предположить, что они были частью единого плана: Ганнон, выйдя в Атлантический океан, направился, упрощенно говоря, на юг, следуя вдоль берегов Африки; Гимилькон же взял курс на север, вдоль берегов Европы, по следам купцов из Тартесса, того самого города, который разгромили карфагеняне, захватившие в свои руки его торговлю. Из поэмы Авиена трудно установить, где именно побывал Гимилькон, но видно, что карфагенский мореплаватель достиг Страны олова.

В IV веке до н. э. в странах олова и янтаря и далеко на севере побывал знаменитый Пифей — мореплаватель из Массилии, греческой колонии, существовавшей на месте нынешнего Марселя. Именно у Атлантического побережья нынешней Испании Пифей сделал свое самое замечательное открытие, дав научное объяснение явлений прилива и отлива.

Таинственность, которой окружали свои плаванья финикияне и карфагеняне, способствует всяческим преувеличениям. Время от времени в печати разных стран появляются новые «доказательства» открытия ими Америки, которые обычно не выдерживают научной критики.

Но великие достижения финикийян и карфагенян в исследовании побережья Африки уже не вызывают сомнений. Нет никакой надобности преуменьшать их вклад и в исследование Западной Европы — именно вклад, ибо открытие Европы, как и других частей света, есть общая заслуга многих народов.

Запад встречается с Востоком

Первое обобщение греческой географической науки — разделение Земли на две части света — заимствовано у народов Востока. Греческая наука родилась

в Малой Азии, которая по своему положению была особенно подвержена восточным влияниям. Именно в этой части греческого мира — в Милете — греческие географы ввели в употребление понятия частей света и названия «Европа» и «Азия».

Географические открытия самих древних греков ограничиваются теми областями Европы, которые не были известны до них культурным народам, обладавшим письменностью. Но зато они обработали, обобщили и систематизировали познания многих народов Востока, и прежде всего врагов своих — персов.

Сейчас невозможно установить, существовала ли в Иране того времени географическая литература. Известно, однако, что на представления греков в области землеведения (в том числе и на взгляды великого Аристотеля) оказал большое влияние некий Ктесий, живший в конце V и начале IV века до н. э. Ктесий, бывший на протяжении многих лет придворным врачом персидского царя Артаксеркса II Мнемона, утверждал, что пользовался книгами его библиотеки.

Предшественник Ктесия — Геродот, которого справедливо называют отцом не только истории, но и географии, лично побывал в Вавилоне. Об Азии он располагал главным образом персидскими данными. Именно на основании этих данных он заключил, что Каспийское море является огромным замкнутым озером, и можно только удивляться, что прошла добрая тысяча лет, прежде чем эта истина окончательно утвердилась в европейской географии.

Правильно охарактеризовал он и пустынные закаспийские степи, через которые протекает река «Аракс». Геродотов Аракс — Амударья и Сырдарья, впадающие в Аральское море. Но в те далекие времена один рукав Амударьи действительно вливался в Каспийское море. Русло его сохранилось в виде узкой долины Узбой. Знаменательно, что Геродот считал Индию наиболее восточной из населенных стран. Это объясняется прежде всего тем, что граница персидской державы на востоке проходила именно там.

Предкам нынешних узбеков, таджиков и других народов среднеазиатских республик Советского Союза, а также их соседей — афганцев предстояло сыграть важную роль в сношениях между Западом и Дальним Востоком.

Находки археологов показывают, что обмен товарами на этом пути происходил с незапамятных времен. Но лишь во II веке до н. э. через пустыни и горы Центральной Азии была проложена Великая шелковая дорога. Производство шелка (как и фарфора) долгое время было секретом китайцев. Рабовладельцы же, а потом феодалы западных стран были готовы на любые расходы, лишь бы щеголять в шелковых одеждах.

Сообщение по западному участку Великой шелковой дороги — из Передней Азии в Среднюю — наладилось еще в доэллинистическую эпоху: во всех завоеванных ими странах воины Александра находили греческих поселенцев. Но расстояние в 4 тысячи километров, отделяющее Китай от оазисов Средней Азии, настолько велико, что до II века до н. э. народы этих стран знали друг о друге очень мало. Через эту пропасть перебросил мост китайский путешественник Чжан Цянь.

Чжан Цянь жил во II веке до н. э., в эпоху роста и укрепления китайского государства, которое снова объединилось после многолетних усобиц. В стране воцарился мир, быстро развивались земледелие и ремесла, наука и искусство.

Тогдашняя территория Китая была намного меньше нынешней. На севере граница его проходила по Великой стене. До путешествия Чжан Цяня китайцы, видимо, не проникали на север и запад дальше пустыни Гоби и Цайдамской впадины между Тибетом и Монголией.

Кроме естественных препятствий — гор и пустынь — общению китайцев с другими культурными народами мешали полудикие племена, которые кочевали между Китаем и Средней Азией и постоянно нападали на своих соседей. Особую опасность для Китая представлял союз гуннских племен, не раз опустошавших китайскую территорию.

Император Китая решил перехитрить врага и заключить союз с другими кочевниками — большими юэчжами, жившими за владениями гуннов.

Однако путь к юэчжам лежал через владения гуннов. Да и пути этого никто в Китае толком не знал. Дорогу могли указать только гунны!

При императорском дворе нашелся все же человек, который взялся пробраться к юэчжам. Это был Чжан

Цянь. Мы мало знаем о его жизни. Из трудов историков древнего Китая известно лишь, что в 140 или 139 году до н. э. он получил высокое придворное звание, очевидно за успехи на дипломатической службе. Он не раз бывал за рубежами Китая.

Китайские императоры, рабовладельцы и феодалы с презрением относились к другим народам. Они приписывали себе великие достижения китайской культуры и всех не китайцев считали варварами. Чжан Цянь, разумеется, был сыном своего века, слугой императора, но в отношении к другим народам был лишен глупой спеси китайских мандаринов, умел уважать чужие обычаи и приобретать друзей вдали от родины. Это во многом предопределило успех его путешествия.

В 139 году до н. э. посольство в составе ста человек во главе с Чжан Цянем отбыло на запад из Лунси, пограничного поста к северу от современного города Ланьчжоу. Вскоре после того, как посольство вступило во владения гуннов, Чжан Цянь со своими спутниками был схвачен и доставлен к гуннскому правителю, который, однако, не причинил путешественнику вреда и даже уговаривал перейти к нему на службу. Однако он не отпустил Чжан Цяня ни к юэчжам, ни назад в Китай, а держал при себе.

Десять лет ждал Чжан Цянь удобного случая для побега. Наконец, когда стан гуннского правителя находился на западе его владений, вероятно в южных предгорьях Тянь-Шаня, китайский посол со своими спутниками вырвался из плена. Записки самого Чжан Цяня до нас не дошли, но по различным косвенным указаниям можно более или менее точно восстановить его путь. Прежде всего беглецам нужно было преодолеть горы Тянь-Шаня. Жителям китайских равнин пришлось карабкаться по крутым склонам высоких гор, переправляться через стремительные ледяные потоки. Наконец посольство достигло южных берегов озера Иссык-Куль, где за несколько лет до этого прошли юэчжи. Здесь Чжан Цянь узнал, что юэчжи обосновались дальше на юго-восток, в Фергане, то есть в одной из областей нынешнего Узбекистана.

Однако и в Фергане больших юэчжей не оказалось — они откочевали еще дальше, в пределы Бактрии и Согдианы (области эти лежали по обе стороны Амударьи в ее среднем течении).

Добраться до них Чжан Цяню помог правитель Ферганы. Он препроводил китайского посла к большим юэчжам, используя для этого почтовое сообщение. Показательно также, что этот правитель знал о Китае, пожалуй, больше, чем было известно в этой стране о Средней Азии до путешествия Чжан Цяня. Сведения китайца ограничивались слухами о некоем «пышном саде» далеко на западе. А правитель Ферганы давно слышал о богатствах Китая и желал наладить сообщение с ним, но не мог.

Убедить больших юэчжей вступить в коалицию против гуннов Чжан Цяню не удалось. Ему пришлось возвращаться на родину, не выполнив поручение. Восстановить обратный путь его от среднеазиатских рек до китайской реки Хуанхэ еще труднее, чем его маршрут от Хуанхэ к этим рекам. Известно только, что он взял направление через горную гряду Наньшан, но был вторично схвачен гуннами. Однако они и на этот раз не тронули путешественника.

Во втором плену посол пробыл недолго. Среди гуннской знати начались раздоры, и правитель был убит. Воспользовавшись смутой, Чжан Цянь со своей женой-гуннкой и ее соплеменником — охотником Ганьфу — бежал в Китай. На этот раз он очутился в еще более опасном положении, чем после первого побега. Тогда он находился близ границы гуннских владений, за которой мог чувствовать себя в сравнительной безопасности. Теперь же оказался в глубине территории гуннов. Ему долго угрожала погоня. Он должен был думать прежде всего о том, чтобы не попасть в руки преследователей. А это значило, что равнинам Чжан Цянь должен был предпочитать горы, в пустынях — выбирать наиболее безлюдные, а значит, и безводные участки. Ему нельзя было искать помощи у людей, а надо было стороной обходить их поселки и становища. В Китай Чжан Цянь вернулся в сопровождении лишь охотника — гунна Ганьфу. Очевидно, все китайцы, входившие в состав посольства, и жена Чжан Цяня погибли.

Сам посол остался жив и смог довести до конца путешествие только благодаря своему единственному уцелевшему спутнику — охотнику Ганьфу, который, по выражению китайского историка Сыма Цяня, «в крайности бил птиц и зверей и доставлял пищу».

По возвращении на родину Чжан Цянь составил отчет о своем путешествии. Он дошел до нас только в изложении Сыма Цяня. Но и из этого краткого текста видно, какое большое значение имели странствия Чжан Цяня для распространения географических знаний в Китае, да и за его пределами.

Чжан Цянь узнал и впервые сообщил китайцам о существовании Каспийского (Северного) и Аральского (Западного) морей, правильно определил, куда текут важнейшие реки Средней Азии. В его отчете содержатся сведения о западной части Азиатского материка вплоть до Персидского залива и Средиземного моря. Большое значение имели также данные об Индии, которые собрал Чжан Цянь. До него эта страна вообще не упоминалась в китайской литературе. Географические описания Чжан Цяня отличаются точностью и конкретностью.

После возвращения Чжан Цяня на родину китайская армия предприняла несколько походов против гуннов. Феодалная верхушка империи преследовала при этом своекорыстные цели. Однако поражение, которое потерпели гунны в 118 году до н. э., имело и положительное значение: кочевники были отброшены от пути из Китая в Среднюю Азию.

После этого Чжан Цянь получил возможность предпринять второе путешествие на запад. Он обосновался у берегов озера Иссык-Куль, где уже побывал однажды. Отсюда Чжан Цянь направлял посольства во многие области Средней Азии и даже в Иран, к парфянам, непосредственным соседям Римской империи.

Чжан Цянь умер около 110 года до н. э. А уже пять-десять лет спустя торговые караваны беспрепятственно передвигались из Китая в Среднюю Азию через впадину между северными цепями Наньшаня и горами Бэйшань, область озера Лобнор и бассейн реки Тарим. Усилиями других народов Великий шелковый путь из Средней Азии был продолжен до Средиземного и Черного морей.

Правители Китая превратили путь мирной торговли в дорогу для грабежа и завоеваний. В 101 году до н. э. китайские войска захватили Фергану.

Местное население упорно сопротивлялось иноземцам. Грабительские войны истощили Китай, императоро-

рам в конечном счете не удалось раздвинуть его границы по ту сторону Тянь-Шаня. Жестокое угнетение не китайского населения империи пагубно отражалось на международной торговле. К 23 году до н. э. регулярное сообщение по Великой шелковой дороге прекратилось из-за восстания в Таримской впадине.

Китайцы располагали точными географическими сведениями только до границ парфянского государства.

В первые годы нашей эры некто Исидор Харакский (город Харакс стоял в устье Евфрата и находился тогда на римской территории) составил путеводитель по Двуречью и Парфии.

Конечным восточным пунктом маршрута Исидора Харакского был Александрия, или Александрополь (ныне Кандагар). Этот город был конечным западным пунктом маршрутов китайских купцов.

Таким образом, на рубеже двух эр Запад встретился с Дальним Востоком как бы на полпути — в современном Афганистане.

Установлению прямой связи между Римской и Китайской империями по суше помешали войны и торговое соперничество. Правящая верхушка Китая не пыталась наладить мирное сотрудничество с народами, населявшими районы, через которые проходила Великая шелковая дорога, хотя путешествие Чжан Цяня показало, что такое сотрудничество вполне возможно. В конце I века н. э. китайские императоры вновь направили свои войска против кочевого и оседлого населения этих районов.

Полководец Бань Чао дошел почти до Аральского моря. Владычество Китая над чужими землями вдоль Великой шелковой дороги и на сей раз оказалось недолговечным. Сообщение вдоль этого пути, ставшее особенно интенсивным около 100 года, было нарушено новыми восстаниями населения захваченных Китаем стран и к 127 году опять прекратилось.

Еще до этого, в самом конце I века, Бань Чао послал своего подчиненного Гань Ина в Римскую империю, о которой в Китае уже много слышали.

Китайский путешественник почти достиг цели, но повернул вспять, обманутый парфянами. Боясь лишиться роли торговых посредников между Римом и Китаем, они уверили Гань Ина, будто в Дацинь (Рим-

скую империю) надо плыть по морю около двух лет. Напуганный этим, китаец отказался от продолжения путешествия.

Путешествие Гань Ина состоялось в 98 году. Почти одновременно — очевидно между 107 и 114 годами — попытку установить прямую связь между Западом и Дальним Востоком предпринял македонский купец Мес Тициан. Он побывал в Средней Азии и расспросил местных жителей, занимавшихся посреднической торговлей шелком, о дороге в Китай. Сведениями, собранными Месом Тицианом, воспользовался Марин Тирский, а от него их заимствовал Клавдий Птолемей.

Первый век был веком оживленных сношений не только между Римской империей и Китаем (пусть через посредников), но и между Китаем и Индией. Эти отношения восходят еще к I тысячелетию до н. э.

Чжан Цянь пытался наладить регулярное сообщение между двумя странами и даже наметил маршрут торгового пути: через Юньнань и Бирму к Ассаму и далее в Бенгалию и долину Ганга. Сам он по этому маршруту не ходил, а потому следует предположить, что он пользовался сведениями, которыми уже располагали народы, с которыми он общался. Попытка китайского правительства силой проложить этот путь не удалась из-за упорного сопротивления горцев.

Лишь в I веке маршрут, предложенный Чжан Цянем, был освоен с обоих его концов и между двумя великими странами Азии установились прочные связи. Позднее был проложен и другой путь из Китая в Индию — с севера, через оазисы Тарима и горный хребет Гиндукуш.

Этот географический подвиг был совершен без всякого участия вооруженных сил — мирными купцами, проповедниками и паломниками.

Установить, кто первым открыл регулярное сообщение между Индией и Китаем, — задача весьма сложная. Можно предположить, что инициатива в этом деле принадлежала индийцам. Индия была родиной буддизма, который проник оттуда в Китай уже в самом начале нашей эры. Между тем первый китайский буддист, о котором известно, что он совершил паломничество в Индию (Тао Нань), побывал в этой стране только в 316 году. К тому же в начале нашей эры во многих населенных пунктах Таримского бассейна

(Кашгар, Яркенд, Хотан и другие) существовали колонии индийских купцов.

В IV веке путешествия по религиозным мотивам стали обычными. В 398 году в Китай прибыл из Индии ученый буддист Буддхабхадра. Маршрут его был смешанным: из Северной Индии в Индокитай он добрался по суше, а затем сел на корабль и отплыл в Китай. Здесь он несколько лет занимался переводом на китайский язык священных книг буддистов. Помощником его стал местный монах Фа Сянь.

Как бы в ответ на приезд Буддхабхадры Фа Сянь совершил сухопутное путешествие в Индию. Он воспользовался маршрутом через оазисы Тарима, Гиндукуш и Северную Индию, а обратный путь на родину проделал по морю.

Как справедливо замечает советский автор Я. М. Свет, Фа Сяню уже ничего не приходилось открывать и осваивать на этой гигантской кольцевой трассе, ибо за шесть веков, которые истекли со времени странствований Чжан Цяня, китайские и индийские путешественники создали совершенную и разветвленную систему межазиатских связей.

В VII веке той же системой связей воспользовался китайский паломник Сюань Цзан. Путешествие его продолжалось шестнадцать лет. Через Центральную Азию он проник в Индию, а затем исходил эту страну вдоль и поперек. Книга Сюань Цзана о его странствиях («Записки о странах Запада») представляет большой интерес и для географов и для историков.

Золотой мост

Упадок, а затем и падение Рима надолго превратили Западную Европу в отсталую окраину Евразии. На протяжении многих веков (по крайней мере до XIII столетия) жители этой окраины, за исключением норманнов, почти не сделали географических открытий, внесли мало нового в науку о Земле.

Но античная культура не исчезла бесследно, как не прекратились и связи между народами Запада и Востока. Связующим звеном между ними долгое время

была Восточноримская империя — Византия. Владения ее первоначально находились в Европе, Азии и Африке, потом — только в Европе и Азии и, наконец, уже накануне падения этой империи — в одной лишь Юго-Восточной Европе.

Основоположники марксизма отметили выдающуюся роль Византии и ее столицы в торговом и культурном обмене. Константинополь они называли золотым мостом между Востоком и Западом.

Сочинение александрийского купца Козьмы Индикоплова было шагом назад по сравнению с достижениями античной науки. Его теоретическая часть представляет собой беспомощную попытку опровергнуть взгляды Птолемея. Но описательная часть труда говорит о том, что прогресс знаний не прекратился и в этот период. Козьма никогда не бывал, например, в Китае, но знал об этой стране куда больше Птолемея.

В истории накопления и распространения географических знаний большую положительную роль сыграли несториане. Гонения христианской церкви способствовали их расселению по всему Востоку. Из их среды вышло немало выдающихся путешественников средневековья. Несторианские купцы — сирийцы и персы — сообщили Козьме географические сведения, которые определяют ценность его труда. Он следовал за сирийцами в те географические пункты, в которых давно существовали их колонии и фактории.

Именно на практическом опыте, а не на умозрительных представлениях было основано утверждение Козьмы о том, что путь по суше в Страну шелка куда короче морского пути через Цейлон. Он указал, что, господствуя на первом пути, персы всегда имеют возможность получать большое количество шелка-сырца. Из рассуждений Козьмы о протяженности Земли можно извлечь данные о торговом пути, который соединял в ту пору пределы известного ему мира — Китай и Испанию. Этот путь, как и прежде, проходил через Среднюю Азию, Персию и Византию. Постоянные связи существовали также между Средней Азией и Индией.

Вероятно, до XIII века никому из путешественников, за исключением Гань Ина, не удавалось пройти из конца в конец трудный путь от Китая до Передней Азии. Но купцы, послы и проповедники разных вер пе-

редвигались из страны в страну порою на огромные расстояния.

Когда Козьма Индикоплов заканчивал работу над «Христианской топографией», то есть около 550 года, состоялось путешествие, оставившее глубокий след в экономике Византии. К этому времени китайский шелк ввозился в Переднюю Азию и Европу не одну сотню лет. Однако никто из тех, кто выделывал и носил шелковые ткани, не смог бы ответить на вопрос, который кажется сейчас совсем простым: а что же такое шелк? Каждый мог забрать с собой из Китая сколько угодно шелковой ткани и пряжи, но под страхом смерти запрещалось вывозить за пределы страны семена тутового дерева или яйца бабочки — тутового шелкопряда.

Византийская знать переплачивала персам и другим посредникам в торговле шелком баснословные суммы. К тому же в период частых конфликтов между Византией и Ираном подвоз шелка и вовсе прекращался. Эти трудности и способ их преодоления отражены в известном сказании. В нем рассказывается, что к византийскому императору Юстиниану однажды явились два монаха — очевидно персы-христиане. Они предложили раскрыть ему китайский секрет и даже научить его подданных разводить шелк. Юстиниан обещал щедро наградить монахов, которые вовсе не были равнодушны к благам земным, и те отправились в Страну шелка — Серинду. Долгое время полагали, что Серинда — это родина шелка — Китай. Однако чтобы выполнить свое обещание, монахам вовсе не было необходимости путешествовать так далеко.

Несмотря на все усилия китайских властей, секрет шелка постепенно распространялся вдоль шелковых путей на запад. Этот процесс получил образное отражение в китайской легенде о принцессе, нарушившей императорский запрет. Принцессу выдали замуж за владетеля княжества Хотан, которое тогда было соседом Китая на северо-западе. Девушка очень любила вышивать по шелку. Чтобы шелк всегда был у нее под рукой, она спрятала в чашечках цветов яйца бабочки-шелкопряда и семена тутового дерева, а чашечками цветов украсила свою парадную прическу.

Определенно известно, что в V веке в княжестве Хотан, которое было тесно связано со своим соседом

Китаем, уже занимались шелководством. А в середине VI века яйца шелкопряда можно было добыть и в Согдиане (позднейшей Бухаре). Отсюда-то и могли доставить их Юстиниану персидские монахи или иные лазутчики. Вскоре Сирия в свою очередь стала страной процветающего шелководства. Однако она не могла полностью удовлетворить потребности византийской и европейской знати в шелке, и ввоз его из Китая еще долго сохранял свое значение.

Связи между Византией и Средней Азией продолжали развиваться и в третьей четверти VI века, когда Согдиана стала частью огромной, но недолговечной империи — Тюркского каганата. В шестидесятих годах в Персии, а затем и в Византии побывали в качестве послов этого государства согдийцы и тюрки, которые вели переговоры о торговле шелком. Фактическим главой обоих посольств был согдиец Маниах. Чтобы достигнуть Константинополя, минуя иранские владения, второе посольство Маниаха перевалило через Кавказские горы.

Не менее трудный путь проделало ответное византийское посольство во главе с киликийцем, то есть уроженцем Малой Азии, Симмархом. В сопровождении Маниаха и его спутников византийцы достигли ставки кагана Дизибула, предварительно побывав в столице хорезмийцев. Где именно находилась эта ставка, когда туда прибыло посольство из Константинополя, с точностью сказать невозможно. Р. Хенниг считает, что для встречи с каганом послам пришлось добраться до Алтая. Позднее ставка была определено перенесена в Талас, в нынешнем Казахстане. Исходя из обратного маршрута византийского посольства, Хенниг так определил путь, пройденный им в сторону резиденции Дизибула: от Трапезунда (Трабзона) к реке Риони, через Кавказский хребет к Кубани, затем вдоль северных берегов Каспийского и Аральского морей к Сырдарье и после заезда в Согдиану — на Алтай.

Обмен посольствами продолжался до начала восьмидесятих годов VI века, когда тюркская держава распалась, а затем была поглощена Китаем. Но и за этот короткий срок в Константинополе успела возникнуть тюркская колония.

Так, несмотря на опустошительные войны и религиозные распри, VI век ознаменовался усилением тор-

гового обмена по морю и суше, дальнейшим накоплением географических знаний.

Войны и смуты часто прерывали сообщение по Великой шелковой дороге, но не прекращали его полностью. Это видно из того, что в VI—VIII веках в Китае систематически бывали посольства с Запада: в 519, 555, 567 и 638 годах — персидские, в 643, 711, 719, 742 и 744 годах — византийские.

Несторианские монахи продолжали проповедовать в далеких краях с таким же рвением, как и буддийские. В XVII веке в Северо-Западном Китае была найдена стела с надписью на сирийском и китайском языках. Надпись эта относится к 781 году и свидетельствует о широком распространении христианства в Китае. В ней упоминается также христианский монах Олопен. Это имя является не поддающимся расшифровке искажением какого-то другого. Поскольку надпись составлена на сирийском языке, многие ученые считают, что Олопен был сирийцем.

Ко времени путешествия Олопена Сирия уже около полутора столетий входила в состав новой великой державы, созданной завоеваниями арабов. За тридцать лет до установки стелы арабские войска, поддержанные коренным населением Средней Азии, разгромили на Таласе китайскую армию. Образование арабской мировой державы — халифата — имело важное значение для распространения географических знаний.

Бесценный вклад

Лестница знания бесконечна. В истории науки бывали эпохи, когда за неуклонным, казалось бы, подъемом следовало падение, которое представлялось непоправимым.

Но только представлялось. Так, за крушением античной цивилизации наступил чудесный взлет арабоязычной науки. Наука эта тоже выросла, как мы видели, не на пустом месте и творчески освоила наследие древних.

Успехи народов халифата в свою очередь стали достоянием Западной Европы, ускорив наступление Века великих открытий.

На протяжении многих веков ученые стран халифата проявляли гораздо больший интерес к географии, чем их коллеги на Западе. Об этом свидетельствует, например, судьба наследия Клавдия Птолемея.

Астрономический труд его получил (в переводе с арабского) широчайшее распространение на Западе с конца XII века. Что же касается его «Географии», то она стала известна средневековой Европе только в начале XV века. Между тем первые переводы этого произведения на арабский относятся еще к первой половине IX века, на армянский — даже к VII веку или более раннему. Разрыв во времени немалый!

Преобладание арабоязычных народов в области морской географии и мореплавания сохранялось до XIV века.

В период расцвета халифат охватывал (помимо самой Аравии) Иран и Туркестан, Армянское нагорье и часть Кавказа, Месопотамию, Сирию и Палестину, всю Северную Африку и почти весь Пиренейский полуостров. Во всех этих странах арабский язык постепенно стал языком науки и культуры, а в Северной Африке и Передней Азии — также и разговорным. Это само по себе способствовало накоплению и распространению географических знаний.

На протяжении нескольких столетий купцы всех стран, вошедших в состав халифата, держали в своих руках международную торговлю на море и на суше. Они исходили всю Азию, кроме северной ее части, и Восточную Европу. Именно они снабжали европейский Запад пряностями, которые в средние века спасали от порчи засоленное мясо, дорогими тканями, драгоценностями, слоновой костью.

Среди арабоязычных путешественников были не только купцы и дипломаты. Помимо обязательного «хаджа» — паломничества в Мекку — многие мусульмане странствовали просто из любознательности.

В IX—XIV веках многие арабоязычные путешественники подробно описали все виденное и слышанное в странствиях. Довольно широкое распространение получил и жанр литературной записи рассказов о путешествиях. Наконец, географы-«домоседы» обобщали и систематизировали сведения о близких и дальних землях. Эти сведения проникали в Европу и становились общим достоянием цивилизованных народов.

Арабоязычные географы широко использовали сведения, собранные и немусульманскими народами. Первое из дошедших до нас географических сочинений описательного характера, труд Ибн Хордадбега «Книга путешествий и государств», появилось в конце IX века и восходит к восточнохристианским источникам.

Сам Ибн Хордадбег по этнической принадлежности был персом и занимал важный пост при дворе арабского халифа аль-Мутаида.

В «Книге путешествий и государств» рассказано, между прочим, о путешествии Саллама ат-Тарджумана (переводчика) в северные страны. Повод к путешествию (сон халифа), упоминание о мифической «стене Гога и Магога» долгое время возбуждали сомнение в достоверности этого известия. В настоящее время, однако, и маршрут путешествия Саллама и, что особенно важно, факт достижения им Великой стены (правда, не «Гога и Магога», о которой говорится в Коране, а Китайской) не вызывают сомнений.

Путешественник побывал в Закавказье, Средней Азии и многих других районах нашей родины.

В истории арабской географии X век напоминает звездное небо, на котором сверкают бесчисленные светила разной яркости. Бесспорно, что среди них багдадский путешественник и географ Абу-л-Хасан ибн ал-Хусейн ибн Али аль-Масуди (умер в 945 году) был звездой первой величины. Аль-Масуди обошел всю Переднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу, побывал в Северной и Восточной Африке, а, возможно, также в Китае и на острове Ява. В его трудах «Промывальни золота и рудники самоцветов» и «Книга предупреждения и пересмотра» рассказано не только о природе посещенных им стран, но и о населяющих эти страны народах, их обычаях и истории. О значении выступления аль-Масуди против птолемеевской концепции Индийского океана как закрытого моря уже говорилось выше.

Арабские купцы на протяжении нескольких веков были частыми гостями в бассейне Волги. Им было хорошо известно, что Каспийское море представляет собой замкнутый бассейн. Факт этот зафиксирован аль-Масуди. На Западе о нем снова (после Птолемея) узнали только от Рубрука — триста лет спустя, а в

географической науке неправильные представления о Каспии продержались до XVI века. Но это, конечно, не умаляет исторической заслуги аль-Масуди, который, так сказать, разомкнул Индийский океан и замкнул Каспийское море.

В X веке, когда творил аль-Масуди, появился «Атлас ислама». Он был составлен в Иране и, видимо, представлял собой переработку картографического материала сасанидской эпохи, предшествовавшей арабскому завоеванию. К этим картам, изображавшим различные области Ирана и сопредельных областей Передней и Средней Азии, а возможно, и Индии, была добавлена карта мира, а также известных авторам морей.

К «Атласу ислама» вплотную примыкают сочинения географов классической школы — Абу Зейд аль-Балхи, родом, как показывает уже его имя, из Балха, Абу Исхак аль-Фариси аль-Истахри, уроженца Центрального Ирана, и Абу-л-Касима ибн Хаукала ан-Нисибин, происходившего из города Нисибин в Северной Месопотамии. Географический труд первого из них по некоторым признакам считают даже объяснительным текстом к собранию карт.

Ибн Хаукал долго жил в Кордове. Полагают, что он был агентом восточноарабских властителей. Сочинение его получило широкое распространение. На Востоке его перевели на персидский язык, на западе арабского мира — в Андалузии — оно даже триста лет спустя вызвало отповедь местного географа и историка, недовольного пренебрежительным отношением Ибн Хаукала к военным доблестям андалузцев и порядкам в их государстве.

При таком устойчивом интересе к труду Ибн Хаукала в арабской Испании он вряд ли мог остаться неизвестным ее христианским соседям.

Во всяком случае, жители средневековой Западной Европы ознакомились с некоторыми частями своеобразной энциклопедии, известной под наименованием «Послания чистых братьев». Авторы «Посланий» входили в группу «Чистые братья и верные друзья», возникшую в Басре во второй половине IX века. Они многое восприняли от Птолемея и индийских философов, но и сами сделали ряд важных открытий, например установили, что суша может сделаться морем, а

море — сушей. Написанные простым языком, «Послания» сохраняли популярность на протяжении нескольких веков.

Уже в X веке арабоязычные народы много сделали для исследования значительной части Европы. В наше время может показаться странным, что кому-то понадобилось исследовать наш материк. Однако, как справедливо отмечает Р. Хенниг, Балтийское море, все южное побережье которого, за исключением Дании, было заселено славянами, оставалось в раннем средневековье почти совсем неизвестным жителям христианских стран.

Купцы из арабских стран систематически бывали в этом районе. Один из них — Ибрахим ибн Якуб, еврей из мавританской Испании, — оставил записки о своем путешествии, часть которых сохранилась в сочинениях арабских географов XI—XIII веков. Этот путешественник был знатоком христианской Испании, а также Франции, Голландии и Германии. В 965 году он был принят в Магдебурге императором Оттоном I, с которым обсуждал различные вопросы географии. Возможность такого свидания объясняют тем, что Ибрахим, вероятно, был использован в качестве толмача двумя арабскими посольствами, прибывшими в этот период ко двору Оттона.

Свободно владея многими языками, Ибрахим широко применял расспросный метод и использовал в своем труде как собственные наблюдения, так и географические познания славянских и других народов Европы. Из славянских государств Центральной и Юго-Восточной Европы он хорошо изучил Польшу, Чехию, Болгарию и княжество ободритов. Неоднократно упоминает он и о Руси — с купцами из Руси он встречался в Праге.

Записки Ибрахима содержат довольно точное описание климата побережья Балтийского (Варяжского) моря. Он интересовался, впрочем, не только физической, но и политической и экономической географией. «Город Прага построен из камня и извести; это крупнейший торговый центр в тех странах», — сообщает путешественник. О Польше он пишет, что она богата зерном, мясом, медом и рыбой.

Арабоязычные купцы и дипломаты уже в X веке систематически бывали в нашей стране, притом не только

в азиатской, но и в европейской ее части. Об одном таком путешествии рассказал Ахмед ибн Фадлан — секретарь посольства багдадского халифа ко двору царя волжских булгар в 921—922 годах. Долгое время этому выдающемуся труду не везло: он был известен в далеко не полном виде. Лишь через тысячу лет после путешествия Ибн Фадлана в Мешхеде (Иран) был обнаружен более или менее полный текст его книги.

Дипломатическая миссия багдадского халифа была ответной: в 921 году к его двору прибыл посол царя далеких северных народов — Абдаллах сын Башту с важным поручением от своего повелителя — царя волжских булгар Алмуша сына Шилки. Царь Алмуш намеревался обратить своих подданных в мусульманскую веру и просил прислать из Багдада сведущих людей, способных преподать ему законы ислама, а также построить крепость для обороны от врагов.

Путь Абдаллаха сына Башту, а в дальнейшем и Ахмеда ибн Фадлана был кружным: он проходил не по Волге и Каспию, а через Среднюю Азию. Объяснялось это многими обстоятельствами, в первую очередь тем, что владения царя Алмуша находились в среднем течении Волги; нижнее же течение великой реки принадлежало хазарскому каганату, с которым волжские булгары враждовали.

Ответное посольство халифа аль-Муктадира было разноплеменным: из его многочисленного состава один только Ахмед ибн Фадлан мог считать себя настоящим арабом. В литературе, впрочем, высказывались мнения о его греческом происхождении.

Посольству пришлось преодолеть немало природных трудностей, но оно отнюдь не являлось исследовательской экспедицией, а пользовалось проторенными путями международной торговли. «Вначале, до Бухары и Хорезма (через Иран.— *Авт.*), оно двигалось как обычный купеческий караван,— пишет А. П. Ковалевский.— Во время путешествия через Устюрт и заволжские степи посольство ехало с караваном в пять тысяч человек». На обратном пути в Багдад посольство следовало по несколько иному маршруту: минуя Бухару, оно совершило переход через пустыню Каракум к городу Ниса, близ нынешнего Ашхабада.

Из географических данных в книге Ибн Фадлана особенно часто встречаются сведения о реках, через

которые он переправлялся. Сведений этих так много, что современный венгерский арабист К. Цегледи посвятил им специальную работу.

Эти сведения Ибн Фадлан собирал с опасностью для жизни, что доказывается следующим отрывком: «Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх (Яик — Урал.— *Авт.*), а это самая большая река, какую мы видели, самая огромная и с самым сильным течением. И действительно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в нем, потонули. И [вообще] погибло много человек из числа [наших] людей, и потонуло [некоторое] количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом».

Из книги видно, насколько оживленными были в то время сношения между народами Восточной Европы и значительной части Азии. В столице болгар Ибн Фадлан слышал от переводчика царя рассказ про индийца, приехавшего туда по торговым делам. Встречал он здесь и купцов-русов. Притом не только встречал, но и беседовал с ними, что позволило ему описать многие их обычаи. Рассказывая своим читателям о русах, Ибн Фадлан не видит надобности объяснять, что это за народ и где он обитает. Кстати, рус, с которым разговаривал Ибн Фадлан на похоронах другого руса, ничуть не удивился появлению арабов. Он даже затеял с путешественником спор по поводу погребальных обычаев.

Ибн Фадлан не бывал в северной части нынешней территории нашей родины. Но множество арабских купцов ездили туда по своим торговым делам, и собранные ими сведения становились достоянием географической науки.

На север нашей страны арабы приходили не как завоеватели, а как мирные торговцы и скупщики мехов. Несомненно, они встречались и с торговыми людьми из района Новгорода, да и сами бывали в новгородских землях. О новгородцах упоминал уже аль-Масуди. Он писал, что русские состоят из многих народов, один из них называется ладоги и ведет торговлю с Испанией, Римом, Константинополем и Хазарией.

Персидские монеты V—VI веков, а также монеты времен арабского владычества в Персии найдены во многих пунктах древнего торгового пути, соединявшего

Пермскую котловину с Валдайской возвышенностью и районом озера Ильмень.

Сначала арабы приобретали меха в Болгаре — у владения Камы в Волгу, но со второй половины IX века переносят свои операции в Чердынь (Пермь), центр процветающего государства Биармия. Из Чердыни в Персию добирались сначала не по Волге, а кружным маршрутом — по Иртышу и через Среднюю Азию. Путь в Китай вел тогда через Алтай. Поэтому аль-Масуди знал об Иртыше и Оби и справедливо отметил, что эти реки превосходят по длине Тигр и Евфрат.

Развитие арабоязычной географической литературы продолжалось и в XI веке, когда жил и творил гениальный сын Хорезма — аль-Бируни. Познания аль-Бируни были необычайно разносторонни, он сумел обогатить все современные ему науки, прежде всего физико-математические и естественноисторические.

В своих трудах, написанных по-арабски, хотя этот язык не был для него родным, аль-Бируни широко использует достижения античной науки. Вместе с тем он «стремится к слиянию ее с новым знанием, добытым арабскими географами к его эпохе». В труде об Индии, где он побывал и сам, аль-Бируни с необычайной полнотой излагает географические и космологические представления жителей этой страны. Хотя физической географии в этом сочинении уделяется куда меньше внимания, чем, например, духовной культуре, в нем имеется специальная глава о реках Индии и их истоках. Для астрономической географии огромное значение имела работа «Масудовские таблицы по астрономии и звездам», содержащая обширный перечень городов с указанием их координат. Индия и родина автора — Средняя Азия — представлены у аль-Бируни гораздо полнее, чем у всех его предшественников.

Аль-Бируни сам определил рамки своих познаний, указав, что арабские географы имеют большое преимущество перед античными, ибо мусульманская культура распространилась «на запад до Андалусии, на восток до границ Китая и середины Индии, на юг до Абиссинии и страны зинджей, на север до областей тюрок и славян».

О широте его знаний свидетельствуют и такие факты. Ему было известно, что на севере есть страны, где солнце летом перестает заходить за горизонт, а на

Фрагмент карты мира аль-Идриси

юге — области, где стоит зима, когда у нас лето. Что касается Евразии, то он имел представление не только о Балтийском, но и о Белом море и, видимо, первым из авторов упомянул о реке Ангаре и племенах, населявших район озера Байкал.

К сожалению, европейцы очень поздно ознакомились с литературным наследием аль-Бируни. Но для арабоязычного мира сочинения его стали классическими, на них воспитывались поколения географов. Пути передачи знаний столь же извилисты, что и пути торгового обмена. Через посредство сочинений других ученых Востока научные представления и конкретные сведения, которыми располагал великий хорезмиец, проникали и на Запад.

Плодом непосредственного общения Запада и Востока были труды аль-Идриси, хотя его нельзя назвать выдающимся ученым. Его работы — редкий пример сотрудничества между мусульманами и христианами в средние века, свидетельствующий о том, как много потеряло землеведение от того, что сотрудничество это в те времена, да и много позднее, было не правилом, а исключением.

Аль-Идриси родился в Марокко, учился в арабской Испании, побывал во Франции и в Англии, а также в Малой Азии. Но для развития географической науки важнее всего те годы, которые он провел при дворе норманнского короля Сицилии Рожера, владевшего также Южной Италией.

Рожер много внимания уделял науке и культуре. По его инициативе аль-Идриси за годы пребывания в Палермо (1138—1154) создал описание известного тогда мира («Развлечение истомленного в странствии по областям») и две карты к нему. В основу описания положены труды многих арабских ученых, а также Клавдия Птолемея и сирийца Оросия, составившего в V веке всемирную географию. Для толкования (а видимо, и перевода) этих трудов король пригласил специалистов. Аль-Идриси широко пользовался также расспросным методом, для чего норманнская Сицилия с ее разноплеменным населением давала широкие возможности. Наибольший интерес представляют те части «Развлечения», которые посвящены Европе, а также североафриканской родине автора. Из европейских стран аль-Идриси лучше всего знал Испанию, Сицилию и другие области Италии, в которых побывал сам. Он располагал важными данными о Германии, Польше и Румынии, хотя описание этих стран менее точно. Весьма обстоятельно описан и Балканский полуостров.

Сколько это ни парадоксально, в христианской Европе труд аль-Идриси стал известен только в XVII веке. Но это не значит, конечно, что он не оказал никакого влияния на развитие географической науки на Западе. Начать с того, что в Сицилии интерес к этому труду не угас со смертью короля Рожера и аль-Идриси создал второй вариант своего сочинения для его сына и преемника — короля Вильгельма I.

Продуктом коллективного творчества можно на-

звать и географический словарь Якута, созданный в XIII веке,— «самое обширное, важнейшее и в известном смысле лучшее сочинение средневекового арабского автора», по словам И. Ю. Крачковского. Якут, вероятно грек по происхождению, был родом из Малой Азии, образование получил у арабских филологов. В «Словаре стран» большое внимание уделено странам Арабского халифата, Дальнему Востоку и Европе, включая Северную и Восточную.

Источниками для «Словаря» послужили произведения арабских, античных и византийских авторов. Якут и сам путешествовал по странам Востока, в словаре отразились и его личные впечатления. Немало узнал он от купцов и мореплавателей, с которыми встречался на острове Кишм в Персидском заливе, тогдашнем центре международной торговли халифата.

XIII век был веком опустошительного монгольского нашествия. Однако и в этом столетии географический кругозор арабов продолжал расширяться. Разрушение монголами Чердыни (1236) привело к тому, что арабские купцы стали скупать меха у северных охотников, минуя посредников.

Они проникли в «Страну тьмы», расположенную к северу от Чердыни. По всей вероятности, это бассейн Колвы и Печоры. Правда, Марко Поло называл «Страной тьмы» часть Сибири между Уралом, Турой и Обью, где арабы бывали редко.

Путешествие в «Страну тьмы» намеревался предпринять Ибн Баттута. К сожалению, он не осуществил своего намерения, но слава его от этого не меркнет: путешествия его остаются непревзойденными в анналах всех времен и народов. Он побывал на берегах Атлантики и Тихого океана, в современном Мозамбике и у впадения Камы в Волгу.

Нередко Ибн Баттуту называют «арабским Марко Поло» или «соперником Марко Поло». Это сравнение не точно, ибо Ибн Баттута исходил и изъездил значительную часть Африки, где венецианец не был, а в целом «видел, пожалуй, в три раза больше чужих земель». Он был прежде всего путешественником, странствовавшим из любознательности, а потом уже купцом и администратором. Марко Поло же был прежде всего купцом, а странствовал по торговым и государственным делам.

Автор литературной записи рассказов Ибн Баттуты — Ибн Джузайя — очень точно выразился о великом арабе: «Не скрыто от обладателя ума, что этот шейх является „путешественником нашего времени“, а кто скажет, что он является путешественником всего этого народа (то есть арабов.— *Авт.*), будет недалек от истины». Да, Ибн Баттута, как и Ибн Маджид, был путешественником своего народа, но их свершения являются достоянием всего человечества.

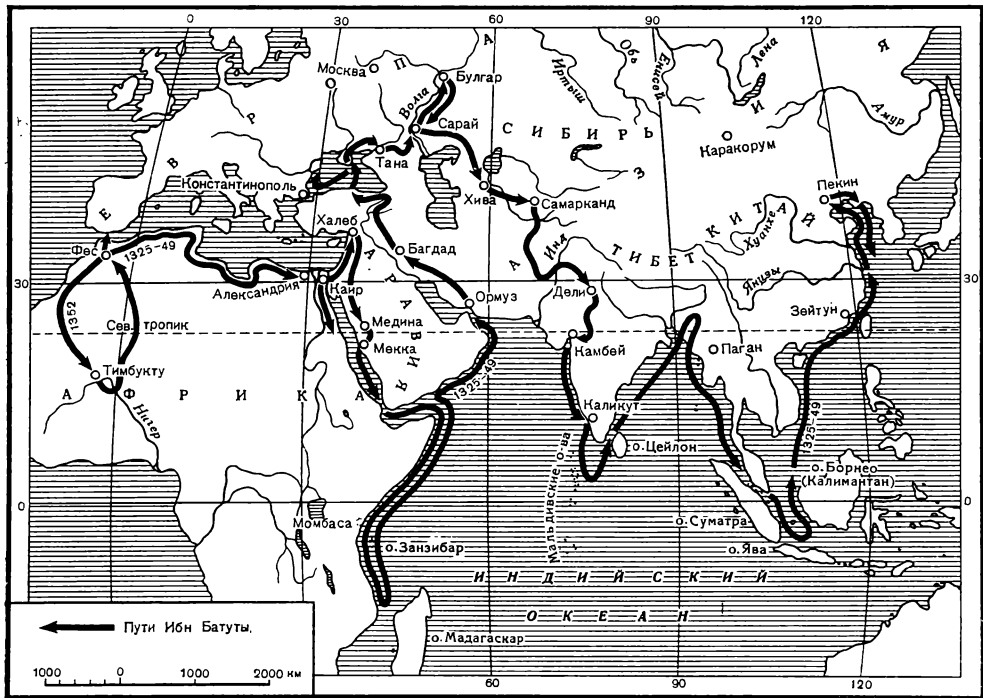
В этой главе речь пойдет о странствиях Ибн Баттуты по Евразии.

Первое его путешествие продолжалось двадцать четыре года (1325—1349). Сначала он совершил переход в Медину и Мекку через Палестину, затем через Северную Аравию — в Басру и Персию, после чего вернулся в Мекку через Мосул и Диярбакыр. После двухлетнего пребывания в Мекке он направился через Йемен в Восточную Африку, а на обратном пути совершил третье паломничество в священный город мусульман.

Далее через Египет, Сирию и Малую Азию Ибн Баттута достиг побережья Черного моря и переправился в Крым. После этого побывал на Волге в Новом Сарае — столице Золотой Орды. Оттуда съездил в Константинополь и, вернувшись в Новый Сарай, поднялся по Волге до города Болгар. Далее через Нижнее Поволжье обошел с севера Каспий и проследовал в Среднюю Азию, где побывал в Хиве, Фергане, Бухаре.

Осенью 1338 года неутомимый путешественник, пройдя через Хорасан и Афганистан, достиг Индии. Он совершил много поездок по этой стране, через возвышенность Кхаси добирался до границ Китая. Однако в Поднебесную империю он прибыл по морю, через порт Зейтун, вероятно сделав остановку в Индокитас. Из Зейтуна съездил в Гуанчжоу, затем вернулся в порт прибытия и через Ханчжоу проследовал в Пекин. Вернувшись в Зейтун, он совершил плавание в Северо-Восточную Аравию (с остановками на Суматре и в Индии). Морское путешествие его закончилось весной 1347 года. Затем Ибн Баттута отправился по суше в Египет — через Персию, Месопотамию, Сирию и Палестину.

Рассказы Ибн Баттуты, как и книга Марко Поло, вызывали недоверие у современников и потомков. Да

Пути Ибн Батуты

и в позднейшее время многие арабисты считали, что путешественник не бывал в Китае и Индокитае и поведал об этих странах с чужих слов. Однако постепенно берет верх более положительное отношение к его сведениям.

Свет, зажженный арабскими путешественниками и географами в средние века, не погас. Арабский этап в истории географической науки — такая же неотъемлемая ее часть, как достижения античного землеведения или Век великих открытий.

Арабоязычная наука и культура стали клониться к упадку после монгольского нашествия в XIII веке, хотя и XIV век был ознаменован великолепными подвигами.

К этому времени в Западной Европе, спасенной от татарского погрома героизмом русского народа, совершалось возрождение наук и искусств. Путешественники с Запада, прежде всего из Италии, устремляются в далекие восточные края. Но и народы Востока не остаются пассивны. Совместными усилиями почти на целое столетие открывается сквозной путь через всю Евразию.

В страну великого хана

На протяжении нескольких веков грамотные люди Западной Европы зачитывались книгой Марко Поло. Рассказ венецианского купца о многолетних странствиях по странам Азии и жизни в Китае казался многим более фантастичным, чем рыцарские романы. Марко Поло был, конечно, далеко не единственным жителем Западной Европы, побывавшим в этих далеких странах в XIII—XIV веках, но купцы-путешественники редко делились своими впечатлениями и словам предпочитали цифры доходов и расходов. Книга Марко Поло появилась на свет в силу благоприятного стечения обстоятельств: после возвращения из Азии он был пленен генуэзцами в морском бою. В тюрьме Марко Поло имел достаточно досуга для рассказов о виденном и слышанном. К тому же в заключении он познакомился с автором нескольких рыцарских романов, который осуществил литературную запись воспо-

минаний своего товарища по несчастью. Марко Поло был человеком исключительно одаренным и обладал замечательной памятью и наблюдательностью.

Книга Марко Поло сыграла, как уже указывалось, особенно выдающуюся роль в истории географических открытий: ею зачитывался Христофор Колумб. Особенное впечатление на Колумба произвели фантастические сведения об островной стране Чипангу (Японии), которые собрал Марко Поло, находясь в Китае. Япония никогда не была страной золота, как утверждал венецианский путешественник, легенда эта, возможно, была порождена позолоченными крышами тамошних храмов. Она, очевидно, имела хождение при дворе монгольского властителя Китая — великого хана Хубилая, который пытался покорить островное государство. Легендарные сокровища Чипангу манили монгольских завоевателей. Таким же магнитом явились они для западноевропейских мореплавателей средних веков, для Христофора Колумба. Он даже принял открытые им острова Вест-Индии, где действительно имелись месторождения золота, за Чипангу, откуда рукой подать до страны великого хана — Катая (Китай).

Другие сведения, доставленные венецианцем, были использованы при составлении знаменитого атласа, созданного на острове Мальорка в конце XIV века. Наконец, в 1426 или 1428 году брат португальского принца Энрики получил в Венеции экземпляр книги Марко Поло, а по преданию — также и копию карты его путешествий по Востоку, изготовленную им самим.

Большой популярностью на Западе пользовались и сочинения европейских послов, путешествовавших по Востоку в XIII веке, — Плано Карпини и Гильома (Виллема) Рубрука.

И все же никто из средневековых европейских путешественников по странам Азии не может быть назван первооткрывателем. Все они пользовались торговыми путями, издавна проложенными азиатами. Эти пути связывали Ближний и Средний Восток с Дальним. Следуя по ним, можно было с берегов Средиземного и Черного морей или Персидского залива достигнуть по суше Тихого океана: система морских коммуникаций в бассейнах Индийского и Тихого океанов удачно дополнялась сетью сухопутных.

Открытие прямого сообщения между Западной Европой и Дальним Востоком в XIII веке нередко приписывают завоеваниям Чингисхана и его преемников. Однако сами завоеватели никаких торговых путей не прокладывали, не производили товаров для международного обмена и в нем не участвовали. Самое большее, что они сделали или могли сделать,— это наладить охрану дороги от разбойников помельче, чтобы обеспечить непрерывный приток в свою казну пошлин и других поборов, взимаемых с купцов.

Энергия же, с которой стремились на Восток итальянцы, объяснялась прежде всего развитием производительных сил и торговли в Западной Европе. Ко времени путешествия Марко Поло потребность в импорте восточных товаров чрезвычайно возросла, а вытеснить мусульманских посредников из международной торговли никак не удавалось даже с помощью крестовых походов. Появление третьей силы в лице монгольских завоевателей, враждовавших с мусульманами Ближнего Востока, не могло не ободрить купцов и правителей Западной Европы. Купцы стремились проникнуть в Индию и на Дальний Восток в обход Египта; правители рассчитывали при помощи монголов достигнуть тех целей, которые ставили перед собой крестоносцы.

Семья Поло совершила два путешествия в Китай. В первом, продолжавшемся с 1254 по 1269 год, участвовали отец Марко — Никколо и дядя его — Маффео. Добравшись через Солдайю (Судак) и Болгар до Бухары, они встретили здесь посольство монгольского хана Ирана — Хулагу, которое направлялось в Китай, где находилась резиденция великого хана монголов Хубилая. Купцы присоединились к посольству. Обратный путь они проделали в качестве посланцев великого хана к папе римскому. В Венецию они вернулись уже не через черноморский порт Солдайя, а через средиземноморскую гавань Аяс. В средние века Аяс служил морскими воротами Киликийского армянского государства. Нетрудно понять, насколько облегчила путешествие из Китая в Малую Армению пайцза — золотая дощечка с большой печатью великого хана, которую вручил Поло повелитель монголов: на печати была выгравирована надпись, обязывавшая всех его подданных оказывать посланникам всяческое содейст-

вие, предоставлять лошадей, проводников, пищу. Надпись эта, кстати, свидетельствует о том, что венецианцы проехали всю Азию — с востока на запад — по маршруту, хорошо известному местному населению и давно им освоенному.

Благожелательное отношение великого хана к венецианцам объяснялось не только их личными достоинствами: Хубилай и сам был заинтересован в расширении торговли с Западом, приносящей ему большие доходы. Его прельщала также возможность объединить усилия монголов и западноевропейских христиан в борьбе с Египтом.

Еще большее значение имела помощь Хубилая для успеха второго путешествия старших Поло, к которым присоединился молодой Марко. Это путешествие продолжалось в общей сложности двадцать четыре года (1271—1295).

Получив ответ римского папы на послание Хубилая, трое Поло направились через Малую Армению в Хормуз. Здесь путешественники имели свободу выбора: они могли следовать в Китай либо по морю, либо по суше — оба пути были одинаково хорошо известны местным жителям. Венецианцы выбрали второй.

В книге Марко Поло почти нет дат. Несомненно, путешествие из Хормуза в Китай заняло несколько лет. Оно потребовало от венецианцев величайшего напряжения сил, в пути юный Марко тяжело заболел. Но путешественники преодолели даже такие препятствия, как горы Памир и, возможно, пустыню Гоби. Это стало возможно благодаря помощи и содействию населения тех стран, через которые двигались венецианцы: современных Ирана, Афганистана, Индии, Китая. Огромное значение для успеха обеих экспедиций Поло играла и помощь народов, населявших нынешнюю территорию нашей родины.

В Китае Марко Поло провел около семнадцати лет. Венецианец объездил почти всю страну, через восточную часть Тибета и китайскую провинцию Юньнань проник в глубь Бирмы. Возвращение троих Поло на родину также было связано с поручением Хубилая: они доставили в Хормуз морским путем принцессу Кукачин, предназначенную в жены монгольскому хану Ирана — Аргуну. Для этой цели Хубилай снарядил целую флотилию из четырнадцати судов.

Путешествия венецианцев по суше и по морю открыли для Западной Европы большую часть Азии. Можно сказать без всякого преувеличения, что это — совместное достижение европейцев и азиатов.

Папские и королевские послы с Запада в XIII—XIV веках не раз пересекали всю Азию, повсюду встречая радушный прием. Они достигали самых отдаленных стран Востока.

Одновременно происходил обмен посольствами. Особую активность проявляли монгольские власти Ирана. Их посланцы не раз появлялись при западных дворах.

Вероятно, первый такой обмен состоялся в сороковых годах XIII века. В 1245 году в ставку монгольского наместника Ирана и Закавказья — Байджунойона — явился посол папы Иннокентия IV — Асцелин (ставка находилась на границе Азербайджана и Армении). Три года спустя Асцелин вернулся ко двору папы, который в то время находился в Лионе. Вместе с Асцелином во Францию прибыли послы Байджу — Айбег и Сергис. В ноябре того же года они пустились в обратный путь.

Преемник Байджу на посту наместника Ирана — Эльджигедей (Ильчикдей) — вступил в переговоры с французским королем Людовиком IX. В конце 1248 года, когда король прибыл с войсками на Кипр, готовясь к крестовому походу, к нему в Никозию явились послы наместника великого хана.

В 1274 году послы монгольского властителя Ирана побывали при папском дворе в Риме.

В 1285 году из Тебриза — столицы ханов Ирана — отправилось в Рим новое посольство. В его состав входили жившие в Иране итальянцы Томмазо Банкир и толмач Угето, а также два монгола — Богакок и Менгелик. Возглавлял же его толмач по имени Иса. Известный французский китаевед П. Пелльо считает, что Иса — это раббан Ата, несторианский дипломат великого хана Хубилая. Иса прошел путь не менее тяжелый и долгий, чем Марко Поло: сначала с поручением от Хубилая к хану Аргуну, царившему в Иране, а затем — с таким же поручением от Аргуна к папе римскому.

Перечислять все посольства ильханов (монгольских правителей Ирана) на Запад не имеет смысла.

Преемники хана Аргуна продолжали его антиегипетскую политику и поддерживали довольно тесные связи с Западной Европой. Гегемония Египта в торговле пряностями и другими товарами Востока была невыгодна как европейским покупателям, так и правителям Ирана, стремившимся направить транзитную торговлю через свою территорию.

Естественно, что итальянские купцы и миссионеры встречали в Иране самый лучший прием. Благодаря этому в начале XIV века был проложен прямой торговый путь из Италии в Индию через Иран. От путешественников, пользовавшихся этим путем, Запад многое узнал об Индии, Цейлоне и Индонезии.

В 30-х годах XIV века делались попытки установления двусторонней связи между папской курией в Авиньоне и резиденцией великих ханов в Пекине. В Китае побывали многие итальянцы. В 1336 году один из потомков Хубилая — Токалмутхан — направил в Авиньон посольство в составе пятнадцати человек. Возглавляли его «франк» Андрей Гуйлельмо де Нассио и алан Тогай (в то время значительное число аланов — родичей осетин — жило в Ханбалыке и даже служило в ханской гвардии). Возможно, что из Китая в Иран посольство добралось морем. Однако обратный путь [если не считать плавания до Каффы (Феодосии)] оно проделало по суше: присоединившиеся к нему итальянцы доставили письма папы и сицилийского короля нескольким правителям внутренних районов Азии. В Пекин посольство прибыло примерно в 1341 году.

Общение со странами Востока, сохранившими свою высокую культуру и после монгольского завоевания, не только расширяло кругозор европейцев, но и помогало развитию географической науки на Западе.

В конце XIII — начале XIV века ильханы Ирана и генуэзские моряки пытались снарядить на Тигре специальную флотилию для перехвата океанских путей, связывавших Египет с Индией. Затея эта не удалась, но имела неожиданное продолжение: известный французский историк де ла Ронсьер полагает, что генуэзец Дориа, причастный к этому неудачному предприятию, составил первые морские навигационные карты. При этом Дориа использовал опыт космографов обсерватории в Мераге (Азербайджан). Эта прекрасно оборудо-

ванная обсерватория питалась соками культур всех стран, входивших в состав державы ильханов: Ирана, большей части Закавказья, Месопотамии.

Мерагские ученые оказали влияние и на китайскую картографию. Труды основателя обсерватории — арабо-персидского астронома Насир ад-Дина ат-Туси — стали известны на Дальнем Востоке. Китайские ученые приезжали работать в далекий Азербайджан, один из мерагских астрономов — Джамальеддин — несколько лет жил в Пекине.

Во второй половине XIV века связи между Западной Европой и Дальним Востоком надолго прервались. Это было вызвано прежде всего полным распадом или даже исчезновением государств, созданных монгольскими завоевателями в Иране и Средней Азии. Смуты и феодальные усобицы чрезвычайно затруднили западноевропейским купцам доступ в Индию и Китай.

Большим ударом для установившихся торговых связей было и образование военной державы турок-османов. Турки нанесли сильнейший удар итальянской торговле с Востоком: они разгромили Киликийское армянское государство в юго-восточной части Малой Азии, которое, находясь в вассальной зависимости от монголов, долгое время служило своеобразным коридором, по которому купцы, послы и миссионеры средиземноморских стран беспрепятственно проникали в Иран, минуя владения враждебных мусульман.

Однако торговые связи между азиатскими странами продолжали поддерживаться — и не только по морю. Об этом говорят, например, записи русского путешественника Афанасия Никитина, который в 1466—1472 годах совершил путешествие в Индию через Иран. Перечисляя страны, из которых доставляли коней в индийский порт Дабул, он называет, между прочим, Туркестан. В XV веке так чаще всего называли нынешний Синьцзян и восточную часть Казахстана.

Отдельным итальянским купцам удавалось проникать по суше в Индию и Китай также и в XV веке.

Их путешествия несомненно приблизили наступление Века великих открытий. А какой вклад в подготовку этих открытий, сделанных жителями Западной Европы, внесли народы Востока? Об этом уже говорилось в предыдущей главе, посвященной мореплава-

нию в Индийском и прилегающей к нему части Тихого океана. Но и сведения о сухопутном сообщении между странами Азии, которые поступали в Европу и обогащали географическую науку, приближали выход в море каравелл Васко да Гамы и Колумба.

Обратимся к такому историческому документу, как знаменитые письма, приписываемые флорентийскому ученому Паоло Тосканелли. Долгое время Тосканелли считался «инициатором открытия Америки», непосредственно вдохновившим Христофора Колумба на этот подвиг. В настоящее время вокруг писем идет горячая дискуссия, некоторые ученые ставят под сомнение принадлежность их Тосканелли — одному из корифеев науки XV века. В любом случае в этих документах нашли отражение географические взгляды, получившие распространение в Западной Европе накануне Века великих открытий. Письма Тосканелли — это своего рода географический манифест, программа действий передовых умов второй половины XV столетия, в которой обоснована возможность достигнуть Восточной Азии через Атлантику.

В содержании письма от 1474 года явно чувствуется влияние книги Марко Поло и средневекового романа об Александре Македонском. Упоминается, в частности, остров Чипангу с его вымышленными сокровищами. Вместе с тем, однако, автор писем неоднократно упоминает о посольствах монгольских государей, прибывавших в Италию в XIII—XIV веках. Этот аргумент, очевидно, казался ему особенно убедительным, ибо позволял увязать интересы науки с интересами религии.

«Предки его („великого хана“, как продолжает называть властителя Китая автор письма.— *Авт.*) хотели вступить в общение с христианами. Еще 200 лет назад они просили папу прислать к ним несколько лиц духовного звания, дабы наставить их в вере. Тамошние князья и цари должны испытывать еще большую радость, чем мы, оттого, что вступят в сношения с христианами наших стран, ибо многие из них — христиане...»

Эти сведения в общем отвечали действительности, хотя и безнадежно устарели. Как великий хан монголов, так и особенно монгольские правители Ирана действительно не раз давали согласие на проезд в их

страны католических миссионеров и даже сами их приглашали. Это объяснялось прежде всего стремлением Ирана заключить союз против Египта с папой и западноевропейскими государями. Великие ханы также проявляли интерес к христианской религии: бесхитростная вера отцов (анимизм) перестала удовлетворять владык развитого феодального общества. Кроме того, в ближайшем окружении и даже среди родичей монгольских «царей и князей» было немало христиан-несториан.

Из так называемых писем Тосканелли и других источников видно, что при папе Евгении IV (1431—1447) в Рим прибыл с Востока посланец несторианского патриарха. Это было вполне естественным: в 1439 году флорентийский собор, созванный Евгением IV, провозгласил унию западной и восточной церквей. Православное духовенство Византии признало эту унию. Столь важное событие не могло не вызвать интерес среди христиан других толков.

Таким образом, Тосканелли или иной автор приписываемых ему писем имел возможность сослаться не только на информацию двухвековой давности, но и на сведения, поступившие с Востока при его жизни.

Эти сведения наряду с данными, полученными от европейских путешественников, вдохновили Колумба на его великое предприятие.

Начиная с эпохи великих открытий многие европейские путешественники побывали во внутренних районах Азиатского материка, но до второй половины XIX века Центральная Азия оставалась почти не исследованной. С этого времени положение стало меняться.

Четки пандитов

В повести «Ким» Р. Киплинг прославил индийского разведчика английских колонизаторов. Во времена британского владычества немало таких кимов подвизалось в самой Индии и соседних странах, подготавливая новые колониальные захваты.

Пользуясь тяжелым положением индийской интеллигенции, английская разведка вовлекала в свою дея-

тельность иных ее представителей (пандитов), не находивших себе применения в условиях колониального строя.

Наличие в Индии большого числа буддистов облегчало проникновение пандитов в Тибет; главный город — Лхаса — столь же священное место для буддистов, как Рим для католиков. Пользуясь этим, лазутчики под видом паломников обследовали труднодоступную горную страну.

«Начиная с 1863 года,— говорится в „Британской энциклопедии“,— правительство Индии направляло в Тибет исследователей-индийцев в целях проведения съемки страны и сбора информации о ее жителях. Они несли с собой молитвенные цилиндры, которые вместо молитв содержали свитки чистой бумаги; на эту бумагу они наносили свои наблюдения. Они имели с собой также тибетские четки, посредством которых отмеряли по сто шагов».

Отдельные пандиты своими исследованиями подготовили агрессию английских колонизаторов в Тибете в начале XX века, стремились продолжить путь в Среднюю Азию.

Известно, однако, что многие знаменитые путешественники Запада тоже были агентами колонизаторов или даже сами являлись таковыми. Это, разумеется, не дает оснований вычеркивать из истории их открытия. То же самое относится и к открытиям пандитов.

Уже в первой половине XIX века среди сотрудников Топографического управления Индии были уроженцы этой страны, которым удалось получить европейское образование. Позднее — в 1868 году — пандит Мирза-Шуджа достиг Амударьи, открыл озеро Чакмак-Куль, а затем направился на северо-восток и побывал в Кашгаре (Западный Китай).

Одновременно другие пандиты приступили к исследованию Тибета с юга. В 1865 году индеец Наин-Синг проник в Непал, а в следующем году в составе купеческого каравана достиг таинственной Лхасы, после чего вернулся в Индию. Наин-Синг произвел маршрутную съемку на протяжении 1900 километров и установил точное течение реки Брахмапутры от ее истоков до слияния с рекой, на которой стоит Лхаса.

Вслед за Наин-Сингом в Тибете побывал другой пандит — Кальян-Синг. Как пишет Дж. Бейкер, «од-

ним из результатов всех этих работ было уяснение того факта, как далеко позади или, другими словами, к северу от могучих пиков лежит Гималайский водораздел и как велика ширина наиболее высоких частей хребта».

В 1871 году пандит Хари-Рам, выйдя из Дарджилинга, прошел через Сикким в Шигацзе (Тибет). Обратный его путь лежал через территорию к северу от горы Джомолунгма и Непал. Наблюдения Хари-Рама подтвердили, что Гималайский водораздел расположен далеко к северу от горных вершин, которые можно видеть из Индии. В результате этого путешествия были получены ценные географические данные о территории площадью в 75 тысяч квадратных километров.

Еще большее значение имело путешествие пандита Кишен-Синга. Последний вышел в 1871 году из Кумауна и произвел маршрутную съемку от Шигацзе до озера Тенгри-Нур, к северу от Лхасы. Ему удалось побывать в Лхасе, откуда он вернулся в Шигацзе. По пути Кишен-Синг исследовал северную часть бассейна Брахмапутры.

Крупнейшим достижением индийских исследователей была экспедиция, предпринятая Наин-Сингом в 1874—1875 годах. Пройдя по Западному Тибету параллельно реке Брахмапутре, он достиг озера Тенгри-Нур, а затем Лхасы. Исследовав область к югу от этого города, Наин-Синг прибыл в Ассам.

В официальном отчете о путешествии говорится: «Помимо собирания сведений общего характера пандит произвел очень добросовестную и хорошо выполненную маршрутную съемку всего пройденного пути, то есть 1013 миль от Дукунга (на западной стороне озера Пантонг) до Лхасы и 306 миль от Лхасы до Оялгури. Из этих 1319 миль пути, по которому он тщательно отметил азимуты и расстояния шагами, 1200 миль проходят по местности, до того совершенно не исследованной. Были открыты многочисленные озера (некоторые из них огромной величины) и несколько рек. Доказано, что параллельно Брахмапутре, севернее ее проходит обширный, покрытый снегом хребет, установлено положение нескольких пиков этого хребта и приблизительно определена их высота.

Пандит проследовал на расстояние 30 миль по течению Брахмапутры, то есть на 50 миль ниже достиг-

нутаго до тех пор пункта, и установил направление течения реки на протяжении еще 200 миль. Остающаяся неизвестной часть могучей реки весьма существенно уменьшилась. Он произвел также тщательную съемку пути между Лхасой и Ассамом через Таванг, о котором до тех пор почти ничего не было известно».

Дальнейший вклад в исследование Брахмапутры внес пандит Лала. Выйдя в 1875 году из Дарджилинга, он достиг Шигацзе на этой реке и после длительных странствий по ее бассейну вышел в Бутан, где был задержан.

Выдающихся успехов достиг Кишен-Синг. Его последнее путешествие длилось почти четыре года — с 1878 по 1882-й. Побывав в Лхасе, пандит пересек весь Тибет с юга на север, перевалил через хребет Алтынтаг и появился в Сачжоу. Затем Кишен-Синг пересек Восточный Тибет и пытался проникнуть в Ассам, но его туда не пустили. Предприимчивый пандит повернул тогда на север, обошел Брахмапутру и вышел к этой реке в Цзетанге, после чего вернулся в Индию. Кишен-Синг собрал подробные сведения об огромной, ранее совершенно не изведанной территории. Достигнув Сачжоу, он связал воедино результаты исследования Тибета с юга (индийцами) и с севера (русскими), а посетив город Дацзяньлу (Восточный Тибет), объединил маршруты индийских путешественников с маршрутами китайских.

Английские колонизаторы и правители Китая сделали все возможное, чтобы помешать изучению Тибета и других районов Центральной Азии русскими путешественниками. Образованные индийцы имели возможность вносить свой вклад в развитие географии только в качестве агентов колонизаторов, поэтому не могло быть и речи об установлении русско-индийского сотрудничества в исследовании Тибета. Между тем объективные возможности для такого сотрудничества существовали.

Кишен-Синг побывал в этой стране одновременно с третьей экспедицией великого русского путешественника Н. М. Пржевальского. Н. М. Пржевальский всю жизнь мечтал посетить Лхасу. Осуществить эту мечту помешали не горы и пустыни, а преграды, которые ставили ему китайские власти. В 1879 году, когда экспедиция Н. М. Пржевальского уже приближалась к

Лхасе, далай-лама по наущению чиновников пекинского двора не допустил ее в свою столицу.

За спиной этих чиновников стояли английские колонизаторы, исподволь готовившие захват Тибета. Н. М. Пржевальский разгадал их игру и пророчески предупредил посланцев далай-ламы о грядущей опасности. При последней встрече он обратился к ним с речью, которую, однако, не включил в свою книгу о путешествии — очевидно во избежание международных осложнений:

«Все-таки пусть знают тибетцы... что мы приходили к ним без всяких дурных намерений; наоборот, хотели предложить им свою дружбу. Что истинные враги Тибета, так же как и наши, есть англичане, которые в непродолжительном времени, быть может ранее, чем пройдут десять лет, явятся из Индии в Тибет с войсками, против которых тибетцам, конечно, не устоять. Я достал карты Тибета и съемки, сделанные здесь пандитами. Вот... карты... вашей страны, сделанные английскими шпионами, а между тем вы думаете, что страна ваша неизвестна... Я хотел... показать все это вашему царю, но вы меня к себе не пустили; теперь пеняйте на самих себя».

«Нужно было видеть, что делалось с тибетцами, никогда не ожидавшими подобного сюрприза, — писал Н. М. Пржевальский в дневнике. — На лицах их выражались удивление и ужас. Первым заговорил старший посланец и начал с того, что в Тибете вовсе не знали, что мы идем с такими добрыми намерениями. Затем спросил, давно ли были эти съемки. И еще больше удивился, когда я сказал: не больше четырех-пяти лет тому назад».

На прощание Н. М. Пржевальский еще раз заверил тибетцев в том, что не намерен прибегать к оружию, чтобы проложить себе путь в Лхасу, «потому что приходил подружиться, а не воевать».

Ход событий подтвердил правоту Н. М. Пржевальского. Правда, не через десять, а более чем через двадцать лет — в 1903—1904 годах — Тибет был оккупирован английскими войсками, явившимися из Индии. Захватчики убрались, только наложив на Тибет тяжелую контрибуцию и обеспечив себе торговые льготы.

В 1905 году новый далай-лама, бежавший от англичан, познакомился в Урге (ныне Улан-Батор) с

прибывшим туда соратником Н. М. Пржевальского — П. К. Козловым. Между этими столь разными людьми возникла искренняя дружба. Расставаясь с Козловым, далай-лама пригласил русского путешественника в Лхасу, куда не был допущен его учитель. Так тибетцы на собственном опыте убедились, кто им друг и кто враг.

Происки английских колонизаторов и правящей верхушки Китая не смогли помешать русским людям внести решающий вклад в дело исследования Центральной Азии, а народам тогдашнего Китая оказывать посильную помощь русским путешественникам.

Особенно много в этом отношении сделали монголы, которым знакомство с Н. М. Пржевальским и его спутниками внушило симпатию и уважение к русским.

В 1893—1895 годах в Центральной Азии побывала экспедиция Русского географического общества, во главе которой стояли ученики и сподвижники Н. М. Пржевальского — В. И. Роборовский (начальник экспедиции) и П. К. Козлов (помощник начальника).

В котловине Большой Юлдус путешественники встретили чейбсенского хутухту (святителя). «Со времен знакомства с Н. М. Пржевальским всегда ему приятно видеть русских», — писал В. И. Роборовский об этом видном представителе монгольского духовенства. Хутухту (у П. К. Козлова — «хутухта»), между прочим, сказал ему: «Русские художого не делают, они много знают. Таких людей надо уважать».

Хутухту оказался человеком просвещенным. Он «знал градусную сеть на карте, шаровидность Земли и ее вращение». Монгольский святитель охотно поделился с русскими путешественниками своими географическими познаниями. «Хутухта оказался сведущим во многих отношениях и своими сведениями мог удовлетворить всякого европейца», — писал П. К. Козлов. — Хутухта располагал географической картой, на которой проложил два маршрута со своими пометками; один маршрут, приведший его из Чейбсена в Юлдус, другой — от того же пункта до столицы Тибета. Беседуя с нами, хутухта также отмечал на карте интересные его места».

Огромный авторитет святителя помог экспедиции получить у местного населения «требуемых проводни-

ков, что дало возможность главному каравану пройти по реке Хайдыкголу».

В русских экспедициях охотно принимали участие и те монголы, которые никогда не встречались с Н. М. Пржевальским. В 1883—1886 годах в этом регионе побывала экспедиция Г. Н. Потанина. Она ставила себе главным образом этнографические и ботанические задачи, но занималась также и географическими исследованиями. Побывав на Амдско-ганьсуйской окраине нагорной Азии, путешественники вернулись на родину через самые пустынные и неизведанные районы Монголии.

В поселке Боро-балгасун в состав экспедиции вошел выдающийся монгольский землепроходец Сантан-Джимбу. Его биография во многом напоминает жизненный путь занзибарского путешественника Бомбея.

Сорока годами раньше, в 1844 году, по этим же местам прошла немецкая экспедиция Гюка и Габе, следовавшая из Маньчжурии в Тибет. Ее проводником был молодой Сантан-Джимбу. Вместе с немецкими путешественниками он побывал в Лхасе и в китайской провинции Сычуань. В 1886 году Сантан-Джимбу участвовал во французской экспедиции Армана Давида, которой Г. Н. Потанин придавал очень большое значение. Он провел французов по всей Гуйхуачжэньской долине с востока на запад.

До знакомства с Г. Н. Потаниным Сантан-Джимбу успел дважды побывать в Кяхте на русско-китайской границе. В первый раз он сопровождал из Пекина французского посланника де Бурблена, во второй — итальянского купца.

Когда в Боро-балгасун явилась экспедиция во главе с Г. Н. Потаниным, Сантан-Джимбу был уже глубоким стариком. Тем не менее монгольский землепроходец охотно присоединился к русским путешественникам и, по словам Потанина, был очень полезен, хотя его пришлось освободить от всякой работы. Сантан-Джимбу вел сношения экспедиции с местными жителями и завербованными монгольскими рабочими, а также с китайскими чиновниками. Сведения, которыми он располагал, во многом предопределили маршрут экспедиции. «Еще дорогой, по пути от Боро-балгасуна в Ланьчжоу, из разговоров с Сантан-Джимбу я узнал кое-что о местности, занятой этими племенами (сала-

ры и широнголы-данда.— Авт.), и остановился на намерении провести в ней предстоящую зиму»,— писал Г. Н. Потанин. Сантан-Джимбу сам был из широнголов, и участники экспедиции разместились в деревне Ни-чжу у его родичей. Благодаря этому зима 1884/85 года оказалась весьма плодотворной для исследователей.

В конце зимы Г. Н. Потанин познакомился с монгольским монастырским художником ламой Серэном, «очень благовоспитанным человеком».

«В этом Серэн-ламе мы приобрели себе потом прекрасного и полезного спутника и помощника,— писал Г. Н. Потанин.— Серэн-лама не только обошел с нами Амдо до Сунпана на юге, но даже и в следующем, 1886 году проводил нас до Кяхты... Это был для меня золотой человек». Вместе с Серэн-ламой провожал русскую экспедицию до границы и Сантан-Джимбу.

Г. Н. Потанин широко практиковал расспросный метод исследования тех районов, где ему не удалось побывать. В 1887 году он опубликовал в «Известиях Русского географического общества» статью под названием «Расспросные сведения о Восточном Тибете». В ней приводится большое число сведений географического характера, полученных от богомольцев и купцов, бывавших в Лхасе.

Дружественные связи с местным населением оказались чрезвычайно полезны и одному из крупнейших путешественников XX века, ученику Н. М. Пржевальского — П. К. Козлову.

В 1899—1901 годах он руководил новой русской экспедицией в Центральную Азию. Экспедиция исследовала обширные пространства Южного, или Монгольского, Алтая, центральной части Гоби и, наконец, Восточного Тибета (Кам). «В области Монгольского Алтая,— писал П. К. Козлов,— экспедиция пробыла около трех месяцев, следуя своим главным караваном вдоль его северного подножия, в то время как у южной окраины гор располагались маршруты моих сотрудников А. Н. Казнакова и В. Ф. Ладыгина. Исключительно благодаря хорошим отношениям к экспедиции китайцев и монголов я мог здесь свободно дробить отряд, выделяя из главных сил легкие разъезды, которые периодически, в условных местах, примыкали снова ко мне...

С наступлением сравнительно ранних холодов в Алтае монголы предупредительно выставляли юрты на пути следования отрядов, запасали топливо, а по ночам пасли наших лошадей, отпускаемых свободными. В проводниках мы никогда не чувствовали недостатка, в охотниках-монголах, знакомых с местным животным миром, также».

Крупнейшим достижением П. К. Козлова, принесшим ему мировую славу, было открытие в 1908 году во Внутренней Монголии развалин мертвого города Хара-Хото. Возглавляемая им экспедиция производила археологические раскопки в этой столице тангутского государства Си-Ся, разрушенной китайскими войсками в 1372 году. Как и всякие раскопки, они имели значение прежде всего для истории культуры. Вместе с тем открытие развалин Хара-Хото имело и определенное географическое значение: местность, где они находятся, не посещалась европейцами, вероятно, со времен Марко Поло.

Обнаружению городища Хара-Хото, естественно, предшествовало открытие пути к ним через безводную пустынную местность (после разрушения оросительных сооружений Хара-Хото был занесен песками). Путь этот, как и сам факт существования мертвого города, стал известен русским от монголов.

«Нашу маленькую компанию сопровождал отличный проводник... Бата, много раз бывавший в мертвом городе и немало слышавший рассказов о нем из уст отца и других стариков... Он повел нас кратчайшей дорогой в юго-восточном направлении»,— говорится в книге П. К. Козлова. В своем стремлении помочь русским друзьям Бата был не одинок: в раскопках Хара-Хото приняли участие и другие монголы-добровольцы. Им-то и удалось обнаружить бесценный клад—бумажные деньги, выпущенные монгольскими правителями Китая в XIII—XIV веках.

После открытия Хара-Хото П. К. Козлов решил воспользоваться разрешением далай-ламы и побывать в Лхасе. Приготовления к путешествию были уже закончены, когда разразилась первая мировая война. Царские чиновники, равнодушные к интересам науки, поспешили отменить экспедицию. Руководитель ее—офицер старой армии П. К. Козлов был направлен в Монголию... на заготовки скота.

П. К. Козлов был одним из тех русских офицеров, которые после Октября пошли со своим народом. Советская власть по достоинству оценила его заслуги. Уже в 1923 году П. К. Козлову были предоставлены возможности для организации новой экспедиции в Монголию и Тибет.

Далай-лама выполнил обещание, данное в 1905 году: в Улан-Батор для встречи П. К. Козлова был направлен личный представитель далай-ламы Галсан, который должен был доставить экспедицию в Лхасу. Галсан имел при себе «пилу» — надписанную далай-ламой шелковую карточку. Эту карточку в столице Тибета разрезали на две части. Одну Галсан привез П. К. Козлову, вторая была вручена начальнику стражи горных перевалов, ведущих к Лхасе.

Нетрудно понять, какие последствия имел бы для науки успех этой экспедиции. Однако П. К. Козлову и на этот раз не удалось побывать в Тибете: под нажимом английского правительства пекинские власти взяли назад разрешение на посещение этой области, которое уже было дано П. К. Козлову.

Но запретить путешественнику продолжать раскопки в Хара-Хото пекинские правители не решились — это вызвало бы международный скандал.

Главным достижением последней экспедиции П. К. Козлова (1923—1926) явились раскопки на территории только что возникшей Монгольской Народной Республики. Здесь правительство и население оказали путешественникам самый теплый прием. Благодаря их содействию были обнаружены и раскопаны курганы Ноин-ула, оставленные гуннами. Раскопки имели большое историко-географическое значение. Они показали, что в I веке до н. э. гунны испытывали культурное влияние, с одной стороны, греко-бактрийского царства, простиравшегося от Амударьи до Инда, а с другой — Китая.

Советско-монгольское сотрудничество во всех сферах культуры и знания распространилось и на исследование территории МНР: оно осуществлялось советскими учеными совместно с национальными кадрами. А кадры эти готовились либо в нашей стране, либо в высших учебных заведениях, созданных в МНР при содействии Советского Союза.

Географическое исследование МНР, несмотря на

достигнутые успехи, нельзя считать законченным. Впереди еще много дела. В изучении родной страны монгольские географы и дальше будут опираться на братскую помощь Страны Советов.

«Обитель снегов»

Исследование Центральной Азии далеко еще не завершено. Не все вершины Гималаев покорены человеком, хотя и здесь за последние десятилетия достигнуты большие успехи. Причем успехи эти — прямое следствие сотрудничества между альпинистами Западной Европы, США и Японии, с одной стороны, и горцами Центральной Азии — с другой.

Название «Гималаи» — санскритское и означает «Обитель снегов». Жителям Северной Индии с незапамятных времен было известно о существовании этой высочайшей в мире горной цепи. Одних только вершин высотой свыше 8000 метров она насчитывает четырнадцать. За пределами Гималаев таких вершин нет. До прошлого века не предпринималось попыток исследования Гималаев, а тем более восхождения на заоблачные горные высоты.

В 1845—1850 годах сотрудники Топографического управления Индии произвели съемку районов Непала, прилегающих к Гималаям с юга. Оттуда было легко распознать некоторые пики — Нанда Деви, Дхаулагири, Канченджангу. Другие, хуже просматривавшиеся с равнины, вошли в географию под номерами. Один из них — Пик XV — в 1856 году был назван в честь англичанина Джорджа Эвереста, который руководил Топографическим управлением в 1823—1843 годах. Для этого не было никаких оснований, ибо Эверест не имел отношения к исследованию горы.

Лишь в 1852 году, когда Эверест давно уже находился в Англии, начальник вычислительного центра Топографического управления индиец Радханат Сикдар сделал сенсационное сообщение о том, что Пик XV — высочайший в Гималаях. В дальнейшем это сообщение полностью подтвердилось. С помощью усовершенствованных методов измерения было установлено, что вершина Эвереста — самая высокая точка

на земном шаре. По последним данным, ее отделяет от уровня моря 8851,23 метра.

Позднее — уже в XX веке — выяснилось, что Эверест давным-давно имеет местное, тибетское название — Джомолунгма. Оно означает «Богиня — мать страны».

Покорение Джомолунгмы, как и других высочайших вершин Гималаев, потребовало длительной подготовки, замечательного упорства и массового героизма участников горных экспедиций. Французский альпинист Марсель Курц справедливо назвал Гималаи «третьим полюсом». Природные условия этой высокогорной области действительно напоминают Арктику и Антарктику. Разреженный воздух, низкое давление особенно затрудняют восхождение.

Исследование районов всех трех «полюсов» необычайно ускорилося за последние десятилетия. Освоение Арктики и Антарктики стало возможным благодаря прогрессу многих областей науки и техники. В покорении «третьего полюса» новейшие достижения техники, усовершенствование альпинистского снаряжения также сыграли огромную роль — трудно, например, переоценить значение кислородных аппаратов, которыми стали пользоваться восходители.

Но появление в Гималаях этих аппаратов, радиосвязи и других новинок техники не устранили одной трудности, встающей перед альпинистами: высокую гору нельзя взять одним рывком от подножия до вершины. Необходимы постепенная акклиматизация восходителей, оборудование промежуточных лагерей, которые служат для них как бы ступеньками на пути к победе над горой. В эти пункты постепенно поднимаются грузы, необходимые восходителям. Выйдя из последнего лагеря, расположенного ближе всего к вершине, восходители штурмуют ее налегке.

В классические времена колониализма английские альпинисты пытались решать эту задачу простейшим способом. «До сих пор (до первой экспедиции на Джомолунгму в 1921 году.— *Авт.*) все экспедиции в Гималаи зависели от жителей высокогорных деревень, так как только ими пользовались в качестве носильщиков. Обычно в этих деревнях брали мужчин и заставляли их нести груз (выделено мною.— *Авт.*). Порою это удавалось, но не всегда. Способ этот давал хорошие

результаты при небольших восхождениях, но был практически неудобен для большой экспедиции на Эверест»,— писал президент королевского Географического общества в Лондоне Ф. Янгхазбенд.

Знакомьтесь — шерпы

Принуждение тибетцев к участию в высокогорных экспедициях не давало результатов не только потому, что подобный произвол вызывал возмущение среди местных жителей. Н. М. Пржевальский сравнил Тибет с гигантским пьедесталом, на котором громоздятся обширные горные хребты. Население этой области живет на «гигантском пьедестале», но непривычно к восхождениям на хребты. Поэтому к участию в экспедициях стали привлекать горцев Непала — сначала гурков, а затем шерпов.

Племя шерпов — тибетского происхождения, но живет в Восточных Гималаях, в пределах Непала. Часть шерпов переселилась в Индию — в окрестности Дарджилинга, здесь их и стали вербовать альпинисты Англии и других стран Запада. Еще в 1911 году англичанин А. М. Келлас и шерп Сонам поднялись на пик Паухунри в Сиккиме (7128 метров).

Шерпы, из среды которых вышел один из покорителей Джомолунгмы — Тенцинг Норгей, — сызмальства учились искусству восхождения на горные вершины у самой природы. Главное богатство этого племени — стада яков. Тенцинг вспоминает, что в детстве он, пастушонок, поднимался с яками до высоты 5500 метров. Здесь, около ледников, у подножия обрывистых стен самых больших гор, проходит верхняя граница травы, которую едят яки (для сравнения укажем, что вершина самой высокой в Европе горы — Монблана в Альпах — находится на высоте всего 4810 метров).

Альпинисты Западной Европы и США нанимали шерпов в качестве носильщиков. Но в заоблачных высях, среди вечных снегов, ледопадов и пропастей, где восходителям ежеминутно грозила смерть, грань между альпинистами с Запада и носильщиками постепенно стиралась. Чувство товарищества брало верх

над расистскими предрассудками, шерпы становились если не по названию, то по существу полноправными участниками экспедиций.

Уже руководитель второй экспедиции на Эверест в 1922 году (первая носила чисто рекогносцировочный характер) генерал Брюс понял, что к шерпам надо относиться иначе. Этому способствовала биография Ч. Г. Брюса: он длительное время служил в полку непальских гурков. Искусству альпинизма Брюс учился еще в юности, в Альпах, и, кроме того, многое заимствовал у гурков.

«Идея Брюса,— писал Янгхазбенд,— заключалась в том, чтобы заранее в окрестностях Дарджилинга набрать приспособленных к горным подъемам, охотно идущих в экспедицию людей и выбрать из них около сорока самых лучших носильщиков. Необходимо было... использовать их склонность к приключениям, связанным с риском, известную долю честолюбия, так как в этом походе они могли создать себе имя. Им нужно было дать хорошее жалованье, стол и снаряжение...»

Гурки участвовали во многих восхождениях, хотя по выносливости и другим физическим данным не могли сравниться с шерпами. Еще в 1892 году Брюс, в то время молодой лейтенант, привлек к участию в экспедиции У. Конвея четырех гурков из своего полка. Участники экспедиции достигли вершины, именованной тогда пиком Пионер (6890 метров). Кроме того, была произведена топографическая съемка верхней части бассейна течения Балторо, что позволило впервые зарисовать и измерить одну из величайших вершин Каракорума — Хидден-пик (Гашербрум-1). Гурки во многом способствовали успеху экспедиции.

Во время экспедиции 1922 года была предпринята попытка совершить восхождение на Джомолунгму с севера, со стороны Тибета. Англичане-восходители достигли высоты 8321 метра, участник экспедиции гуркский унтер-офицер Теджбир — 7925 метров.

Несмотря на этот успех, экспедиция в целом закончилась трагически. 6 июня 1922 года трое англичан и четырнадцать носильщиков-шерпов предприняли восхождение с нижнего базового лагеря на Северную седловину горы (Чанг-Ла). В 180 метрах ниже седловины на восходителей обрушилась лавина. Она унесла жизнь семерых шерпов. Их подвиг, однако, не прошел

бесследно. Печальный опыт экспедиции показал, что после начала муссона, доносящегося с Индийского океана, нельзя подниматься по лавиноопасным склонам.

Хотя шерпы были суеверны и неграмотны, катастрофа не отпугнула их от участия в горных экспедициях: человек и на этот раз оказался сильнее придуманных им богов. Многие шерпы и в дальнейшем самоотверженно служили делу покорения высочайших горных вершин. Никакой другой народ, никакая иная этническая группа не понесли таких потерь в борьбе с Гималаями, как небольшое племя шерпов.

В третьей экспедиции на Джомолунгму, в 1924 году, английский альпинист Нортон достиг высоты 8573 метров. Для того времени это было выдающимся достижением, тем более что Нортон не пользовался кислородным аппаратом. Не менее замечательного успеха добились шерпы Лакпа Чеди, Норбу Йишай и Семчумби: они доставили грузы на Северный гребень (8170 метров).

В тридцатых годах люди одержали в Гималаях ряд блестящих побед над суровой природой гор. Полноправными участниками этих побед (не столько, правда, по названию, сколько по существу) были носильщики-шерпы. Английские участники восхождения на Джомолунгму в 1933 году не смогли превысить поставленный ранее рекорд высоты, не «добрав» до него всего восьми метров. Зато шерпы Ангтаркай, Пасанг, Ринцинг, Олло, Дава, Черинг и Кипа значительно улучшили прежний результат, доставив грузы на высоту 8350 метров.

«Никто не станет утверждать, что шерпам платят за взятие вершин, а между тем в тридцатых годах шерпы дважды поднимались вместе с альпинистами на высочайшие из покоренных до тех пор вершины: на Джонсанг, в штурме которого участвовали Тигр Лева и Тсинабо, и на Камет, на который взошел тот же Лева, притом на отмороженных ногах, так что потом ему пришлось ампутировать почти все пальцы», — пишет Тенцинг Норгей.

Эти экспедиции ознаменовали собой новый этап в покорении Гималаев. Прежде шерпов считали всего лишь носильщиками, хотя они и доставляли на головокружительную высоту грузы, необходимые пришель-

цам с Запада. Восхождение на вершины гор оставалось привилегией европейцев. Теперь же шерпы шли до конца бок о бок с зарубежными альпинистами.

Первые совместные восхождения готовили новые победы. Шерпы овладевали техникой альпинизма, а приезжие восходители преодолевали, хотя и с трудом, расистские предрассудки, мешавшие подлинному сотрудничеству с шерпами. Когда штурмуешь горную вершину в одной связке с человеком другой расы, страхуя друг друга, ежесекундно рискуя сорваться в пропасть, трудно не прийти к выводу о единстве рода человеческого!

Пик Джонсанг (7473 метра) на стыке границ Сиккима, Непала и Тибетской области Китая был взят европейскими альпинистами и шерпами в начале июня 1930 года. Особый интерес представляет второе восхождение. На вершину горы ступили шесть человек, в том числе два шерпа: Тсеринг Норбу и Лева (последний получил почетное звание Тигра, которое стали присваивать азиатским участникам восхождений на гималайские пики). Это восхождение как бы предвосхитило покорение Джомолунгмы, на вершину которой в дальнейшем поднялись вместе представители Запада и Востока: новозеландец английского происхождения Хиллари и шерп Тенцинг.

Вершина Камета (7755 метров), как и Джонсонга, была взята два раза подряд: 21 июня 1931 года ее достигли англичане Смайт, Голдсуорс и Шиптон с шерпом Левой, 23 июня того же года — двое других англичан и индеец Кесар Синг.

И в тридцатые годы не раз предпринимались экспедиции на высочайшие горы мира — «восьмитысячники», но в то время ни одну из них не удалось покорить. Успехи, все же достигнутые восходителями в борьбе с суровой природой Гималаев, стоили многих жертв, прежде всего среди героических шерпов.

Об одном таком подвиге, совершенном Пасангом Киккули, подробно рассказал Тенцинг Норгей.

Пасанг Киккули имел большой опыт исследования Гималаев, чем большинство европейских и американских альпинистов. В его «послужном списке» числились четыре экспедиции на Канченджунгу, одна — на Джомолунгму, по одной — на Чомолхари и Нангапарбат и еще две — на пик К-2 (Чогори).

Пик К-2 — вторая по высоте гора земного шара (8611 метров), а по трудности восхождения на нее, пожалуй, даже первая. В 1938 году Пасанг Кikuли взял на себя обязанности сирдара (начальника носильщиков) в американской экспедиции под начальством Ч. Хаустана, которая поставила перед собой задачу достигнуть вершины К-2. Полностью эта задача выполнена не была, однако участники экспедиции достигли высоты 7925 метров.

В 1939 году в район пика К-2 прибыла новая американская экспедиция, возглавляемая известным альпинистом Ф. Виснером. Сирдаром и на этот раз стал Пасанг Кikuли. Под его началом состояло девять других шерпов. 19 июля Виснер и шерп Пасан Дава Лама достигли высоты 8332 метров. За этим успехом последовало, однако, множество бедствий. Из-за нераспорядительности американцев, остававшихся внизу, были эвакуированы промежуточные лагеря. Виснер и Пасанг Лама достигли базового лагеря полумертвыми от истощения, с обмороженными конечностями.

В дальнейшем на склоне горы разыгралась трагедия.

«Один из альпинистов, Дэдли Вольф, заболел, и его пришлось оставить одного высоко в горах, в то время как почти все остальные находились в базовом лагере, — пишет Тенцинг Норгей. — Альпинисты слишком устали, чтобы подниматься, а погода все ухудшалась. Но Кikuли поднялся вместе с другим шерпом, Тсерингом, за один день на 2100 метров от базы до лагеря 6; это, вероятно, самое длинное непрерывное восхождение, когда-либо совершенное в горах.

На следующий день Кikuли и еще двое шерпов дошли до лагеря 7, где находился Вольф. Он был еще жив, но слишком ослаб, чтобы передвигаться, а так как ночевать оказалось негде, то шерпы вернулись на ночь в лагерь 6. Утром трое шерпов (Кikuли, Пасанг Китар и Пинтсо. — *Авт.*) снова пошли к Вольфу, решив снести его вниз на руках. Больше их не видели. Разыгралась буря. Великий Кikuли и еще двое шерпов отдали свои жизни, пытаясь спасти товарища.

Я думаю об этом и горжусь тем, что я — шерп. И я уверен, что тот, кто знает, что мы совершили, не поверит, что мы ходим в горы исключительно из-за нескольких рупий».

Подвиг Кикили особенно замечателен тем, что за несколько лет до этого — в 1934 году — он едва не погиб вместе с другими шерпами — участниками немецко-австрийской экспедиции на гору Нангапарбат (8125 метров). В эту экспедицию шерпы доставили грузы на высоту 7480 метров (лагерь 8). Австрийские восходители Ашенбреннер и Шнейдер достигли уровня 7850 метров.

Гибель многих участников экспедиции объясняется прежде всего снежной бурей, внезапно обрушившейся на альпинистов. Однако Г. Диренфурт, тщательно изучивший всю литературу об этом восхождении, установил и другую причину. Немецкие восходители Меркль, Вельценбах и Виланд, находившиеся в плохом физическом состоянии, больше всего боялись отстать от своих австрийских коллег. Очевидно, они опасались гнева главарей фашистского рейха, если бы пик был взят австрийцами, а не немцами.

Как бы то ни было, Меркль, Вельценбах и Виланд не смогли вернуться из лагеря 8 в базовый. Вельценбах и Виланд умерли от истощения первыми. С ними погибло пятеро шерпов. Нескольким другим, в том числе Кикили, удалось спуститься вниз. Что до Меркля, то между лагерями 7 и 6 он совсем выбился из сил и послал одного из двух бывших с ним шерпов — Анга Тсеринга — за помощью в лагерь 4. Анг Тсеринг благополучно добрался до этого лагеря, но, хотя Лева и другие шерпы настаивали на посылке спасательной партии, европейские участники экспедиции не пожелали рисковать.

Несколько лет спустя участники другой экспедиции нашли тела Меркля и шерпа Гайлая, добровольно разделившего его участь.

Со слов Анга Тсеринга известно, что Гайлай чувствовал себя хорошо и, наверное, смог бы добраться до нижнего лагеря. Однако он предпочел остаться с Мерклем и погибнуть вместе с ослабевшим руководителем экспедиции, чем бросить его одного.

«Ни один шерп не забудет Гайлая, который остался с Вилли Мерклем на Нангапарбате», — говорится в книге Тенцинга Норгея. Да и не только шерп. Имена Гайлая, Пасанга Кикили и других героев дороги всему прогрессивному человечеству. Подвиги их вошли не только в историю географических исследований. Их

мужество и самопожертвование — удар по теории и практике расизма и фашизма, жертвами которых в конечном счете стали и немец Меркль и шерп Гайлай.

Печально закончилась и следующая (четвертая по счету) экспедиция на гору Нангапарбат, проведенная немецкими альпинистами в 1937 году. В ночь с 14 на 15 июня снежная лавина погребла промежуточный лагерь, в котором находилось семеро немецких альпинистов и девять шерпов, не остававших от них ни на шаг (внизу оставался только один немец с несколькими шерпами). Спасательная экспедиция, прибывшая из Германии, откопала шестнадцать трупов людей разных рас, которые трудились и умерли вместе. Погребли их тоже вместе.

Несмотря на большие потери в людях, экспедиции двадцатых и тридцатых годов приблизили триумфы пятидесятых, ознаменовавшихся покорением многих «восьмитысячников». Восходители Запада и Востока подошли к ряду вершин на расстояние одного броска, разведали наиболее удобные пути подъема.

Школьные годы Тенцинга Норгея

Тридцатые годы были, если можно так выразиться, школьными годами одного из величайших восходителей всех времен и народов — шерпа Тенцинга Норгея. Несмотря на свои замечательные способности (он владеет доброй дюжиной языков Азии и Западной Европы), Тенцинг остался неграмотным, и школой для него явились первые горные экспедиции, в которых он участвовал.

Из-за особенностей тибетского летосчисления, которым пользуются шерпы, Тенцинг только в зрелом возрасте установил, что родился в мае 1914 года. При рождении его нарекли Намгьялом Бангди. В дальнейшем, однако, один «важный лама» установил, что в мальчике воплотился дух недавно умершего богатого односельчанина. Так Намгьял Бангди стал Тенцингом Норгеем, что означает «Богатый (или „Счастливым“) приверженец религии».

Новоявленного приверженца религии определили в

монастырь, но, хотя Тенцинг был верующим, он не ужился с ламами и сбежал от них.

Вести о первых попытках восхождения на Джомолунгму достигли Непала. Тенцинг, который с детства мечтал о покорении горных вершин, переселился в Дарджилинг, служивший пунктом отправления всех экспедиций, и в дальнейшем стал гражданином Индии.

В 1935 году ему удалось наняться носильщиком в очередную английскую экспедицию на Джомолунгму. Здесь он впервые познакомился с техникой лазания, альпинистским снаряжением. Экспедиция эта носила характер рекогносцировки и не поднималась выше Северного седла (6700 метров).

Вместе с другими носильщиками Тенцинг доставил грузы в лагерь, который разбили в этом месте. В следующем, 1936 году он вновь побывал там в составе новой английской экспедиции. Из-за исключительно плохой погоды восходителям опять пришлось вернуться с Северного седла.

Тем не менее эта экспедиция имела для Тенцинга очень большое значение. Трудно сказать, как сложился бы его жизненный путь, если б во главе английских альпинистов не стоял Хью Раттледж, «замечательный человек, приветливый и сердечный».

«Все шерпы радовались, что работают с ним,— писал Тенцинг.— Я увидел его вновь лишь много лет спустя в Лондоне, после взятия Эвереста. Он пожал мне руку и сказал: „Сын мой, вы совершили настоящий подвиг. Я стар уже. Я сделал попытку в свое время и потерпел неудачу, но теперь, после вашей победы, это ничего не значит. Когда вернетесь в Индию, обнимите за меня всех моих сыновей-шерпов“. Он имел право назвать нас сыновьями, потому что относился к нам как настоящий отец».

В судьбе Тенцинга положительную роль сыграл и англичанин Тилмен, руководитель седьмой экспедиции на Джомолунгму в 1938 году, «очень хороший и спокойный человек», которого любили все шерпы. Вместе с Тилменом и другими англичанами и шерпами Тенцинг, так сказать, принял боевое крещение на ледяном склоне, когда на восходителей внезапно обрушилась снежная лавина. К счастью, всем им удалось выбраться невредимыми из-под снега.

Вместе с другими восходителями Тенцинг поднялся на высоту 8290 метров. По инициативе Тилмена все шедшие с ним шерпы получили почетное звание и медаль Тигра, которую с 1938 года вручает наиболее отличившимся из них Гималайский клуб — ведущая альпинистская организация Индии.

Вторая мировая война на несколько лет прервала исследование Гималаев. В 1947 году Тенцинг впервые познакомился со швейцарцами, приняв участие в экспедиции известного альпиниста Андре Роха. На этот раз альпинисты покорили четыре девственные вершины. Самая высокая из них — Кедернат (6700 метров). Участвуя в штурме Кедерната, Тенцинг впервые взшел на вершину высокой горы. Пожалуй, еще большее значение для его биографии имело участие в спасении сирдара Вангди Норбу, который поскользнулся и сломал ногу на узком снежном гребне. Оставшись один и полагая, что его бросили, несчастный пытался зарезаться. Спасательная группа, в которую вошел и Тенцинг, добралась до раненого и доставила его в базовый лагерь. Функции сирдара впервые взял на себя Тенцинг.

В 1950 году он совершил восхождение на гору Бандарпунч. Высота ее — 6315 метров, по гималайским масштабам это немного, но шесть попыток покорить ее (в одной из них участвовал и Тенцинг) закончились неудачей. Взойти на вершину горы впервые удалось только участникам экспедиции 1950 года: шерпам Тенцингу Норгею и Кинг Чок Черингу и англичанину Гринвуду.

Начало второй половины XX века ознаменовалось покорением первого «восьмитысячника» — горы Аннапурны-I (8078 метров). Этому восхождению предшествовали важные изменения в государстве Непал, на территории которого оно было осуществлено: в 1949 году народ сверг реакционный режим, установленный феодальным родом Рама, и освобожденное от опеки феодалов королевское правительство открыло иностранцам доступ в свою страну. Новая политика Непала имела огромное значение для дальнейшего исследования и покорения гималайских вершин. Дело в том, что, установив в 1951 году контроль над Тибетской областью Китая, пекинские власти точас же закрыли ее для иностранных экспедиций. Это привело к необхо-

димости штурмовать Джомолунгму не с севера, а с юга — из Непала.

Вершины первого «восьмитысячника» достигли 3 июня 1950 года французы Морис Эрцог и Луи Лашеналь. Наряду с французами в этой экспедиции участвовало много шерпов во главе с опытным сирдаром Ангтаркаем. В чрезвычайно трудных условиях они доставили грузы на высоту 7400 метров. Там был разбит лагерь, из которого Эрцог и Лашеналь пошли на штурм вершины. Из-за отсутствия достаточного обмундирования (особенно обуви) оба француза получили тяжелые обморожения.

«Им (шерпам.— *Авт.*) пришлось немало потрудиться, чтобы спустить восходителей с гор живыми», — пишет Тенцинг. Еще больше потрудились они после того, как победители первого «восьмитысячника» достигли базового лагеря в совершенном изнеможении и с обмороженными конечностями (впоследствии обоим французам пришлось ампутировать пальцы рук и ног).

«Самое трогательное — рассказы о последующей переноске тяжелораненых и фотоснимки этого похода, — пишет Г. Диренфурт. — Трудно даже представить себе, как невероятно тяжело было переносить раненых — частично в корзинах из тростника. Мужественные и преданные шерпы — герои Эвереста, Чогори, Канченджунги и Нангапарбата — вписали новую прекрасную страницу в книгу своих подвигов. Такие люди, как Панден, сильный, как медведь, выделялись даже среди прочих высокогорных носильщиков, буквально совершая чудеса. Ни один европеец не смог бы пройти такой „путь“ с грузом 80 килограммов на плечах». Диренфурт поставил слово путь в кавычки, поскольку шерпам пришлось нести раненых в условиях полного бездорожья, по сильно пересеченной местности, усеянной обломками скал, через разлившиеся потоки и непроходимые джунгли.

Окрыленные успехом, французы в следующем году решили штурмовать гору Нандадеви (высота главной вершины — 7816 метров, восточной — около 7400 метров). Альпинисты Дюпла и Винь намеревались совершить траверс гребня, соединяющего обе вершины. Участвовавший в экспедиции Тенцинг считал этот план безрассудным, но его возражения не были приняты во внимание.

29 июня 1951 года Дюпла и Винь пошли на штурм главной вершины. Тенцинг, французский альпинист Дюбо и врач Пайян ожидали их на склоне восточного пика.

Не дождавшись восходителей, Тенцинг с Дюбо направились им навстречу, добрались до восточной вершины Нандадеви, но затем были вынуждены повернуть обратно: гребень, соединявший обе вершины, напоминал «узкое зубчатое лезвие из льда и снега». Никаких следов Дюпла и Виня так и не было обнаружено.

В том же году при попытке восхождения на сравнительно невысокую вершину Канг на глазах у Тенцинга сорвался с кручи и погиб английский альпинист Фрей. Тенцинг пытался удержать его, но тщетно: пытаясь схватить Фрея, он только сломал себе палец.

Человеку религиозному, но менее собранному и целеустремленному, чем Тенцинг, эта цепь несчастий могла бы показаться дурным предзнаменованием. Но шерпский восходитель не шел ни на какие уступки року. В 1952 году вместе со своим старым другом Андре Рохом и другими швейцарцами он снова направился в район Джомолунгмы. В столице Непала — Катманду — он познакомился с Раймоном Ламбером. Тот потерял, обморозившись в Альпах, все пальцы ног, но считался тем не менее одним из лучших восходителей своей горной страны.

После утомительного перехода по горам и долинам Непала экспедиция прибыла к подножию великой горы, а затем разбила базовый лагерь на высоте 5000 метров.

Швейцарским альпинистам и шерпам удалось нащупать проход через горный ледопад (нагромождение обломков) ледника Кхумбу. Затем они впервые достигли Западного цирка — снежного плато, окруженного стенами горных вершин.

На южном седле — смерзшейся площадке из льда и камня (7986 метров) — был разбит лагерь. Отсюда совершенно выбившиеся из сил шерпы Пху Тарке и Да Намгьял спустились вниз.

Трое швейцарцев и Тенцинг продолжали восхождение. На высоте 8400 метров сделали привал. Восходители имели с собой всего одну палатку. Поэтому двое швейцарцев ушли ночевать в нижний лагерь, а

Ламбер и Тенцинг остались на ровной площадке, которую отыскал шерп.

Не имея с собой спальных мешков, они провели ночь без сна. Лежа вплотную, они все время хлопали и растирали друг друга, чтобы поддерживать кровообращение. В ту ночь в бесплодной, скованной морозом пустыне расцвел прекрасный цветок дружбы двух героев, принадлежащих к различным народам и расам. «Мне что,— говорил Ламбер Тенцингу,— у меня пальцев нет. Но ты свои ноги береги!»

Утром подъем продолжался. Кислородные баллоны не действовали при движении, их пришлось бросить. Восходители шли вверх по гребню, по обеим сторонам которого их подстерегала смерть: достаточно было одного неосторожного движения, чтобы сорваться в бездонную пропасть. Спустя пять часов была достигнута рекордная высота — 8500 метров. «Мы могли идти дальше. Возможно, смогли бы даже дойти до вершины. Но спуститься уже не смогли бы. Продолжать — значило погибнуть. И мы не стали продолжать. Остановились и повернули обратно»,— вспоминает Тенцинг.

Хотя экспедиция 1952 года не достигла вершины Джомолунгмы, она была решающей вехой на пути к этой победе. Во-первых, были разведаны ближние подступы к вершине. Во-вторых, была установлена непригодность кислородных приборов закрытого типа. В-третьих, доказана необходимость освобождать участников штурмовой группы от забот, связанных с организацией верхних лагерей.

Вероятно, не меньшее значение имел фактор организационного и в то же время морального характера. Оставаясь сирдаром, Тенцинг был включен в состав штурмовой группы, стал, как он говорит, «действительным членом» экспедиции. Эта реформа как нельзя более оправдала себя в следующем году, при решающем штурме Джомолунгмы.

Покорение величайших горных вершин не случайно совпало с крушением колониальной системы империализма, душившей способности большей части человечества. Шерпы — одна из народностей, освободившихся от гнета колонизаторов,— проявили эти способности в наиболее близкой им области, активно и творчески участвуя в горных экспедициях. Такое участие стало

возможным в результате изменения отношений между ними и организаторами этих экспедиций, в новых исторических условиях. Даже те из альпинистов Западной Европы и США, которые обременены расистскими предрассудками, вынуждены считаться с этими изменениями. И хотя далеко не все участники английской экспедиции на Джомолунгму в 1953 году были свободны от предрассудков, Тенцинг и на сей раз стал ее «действительным членом», то есть полноправным восходящим. Такое вряд ли было возможно, пока британские «сагибы» распоряжались в Индии и командовали в Непале.

Рост самосознания шерпов тоже наложил отпечаток на организацию гималайских экспедиций. В двадцатых годах была учреждена Ассоциация шерпов-буддистов, которая занималась почти исключительно религиозными вопросами. После освобождения Индии и Непала от колониального гнета эта ассоциация как бы спустилась с небес на землю и стала заниматься мирскими интересами своих членов. Сейчас она играет роль профсоюза для шерпов, работающих в экспедициях, добивается для них более высоких ставок, а также более высокого возмещения пострадавшим и семьям погибших. Председателем ассоциации избран Тенцинг Норгей.

Необычайно раздвинулись не только географические, но и политические горизонты шерпов. Тот же Тенцинг остался неграмотным, но осознал значение подвига нашей страны — защитника угнетенных, друга народов, освободившихся от колониального гнета. В небольшом предисловии Тенцинга к русскому переводу его книги говорится: «Сердечно благодарю издательство „Молодая гвардия“, предоставившее мне возможность рассказать историю своей жизни замечательному отважному народу великой Русской страны. Ваша страна — великая страна и помогает другим странам стать великими».

Покоритель Джомолунгмы

К тому времени, когда писались эти строки, за плечами у Тенцинга уже был великий подвиг покорения Джомолунгмы. Американский журналист Джеймс

Ульман, записавший со слов Тенцинга его автобиографию, замечает в предисловии к книге: «В прямом и переносном смысле Тенцинг, взойдя на Эверест, поднялся к самому небу; в сущности, он первый в истории Азии человек из простого народа, который завоевал всемирную известность и славу. Жители Азии увидели в его подвиге не только победу над величайшей вершиной, но и радужное предзнаменование для себя и всей своей расы. Уже сегодня имя Тенцинга вошло в сказания и песни, которые можно услышать во всех уголках Востока. Уже сегодня оно овеяно легендами и мифами».

Как это часто бывает, путь к победе был усеян поражениями. Осенью 1952 года швейцарская экспедиция, в состав которой вновь вошли Ламбер и Тенцинг, опять попыталась — впервые в это время года — совершить восхождение на Джомолунгму. Вопреки ожиданиям осень оказалась неблагоприятным для подъема сезоном. Отвратительная погода остановила экспедицию уже на Южном седле. К тому же четверо шерпов, подчиненных сирдару Тенцингу, попали под ледовый обвал и были сброшены со склона. Один из них — Мингма Дордже — получил тяжелое ранение и умер на руках у товарищей.

Сам Тенцинг после этого злосчастного восхождения долго болел, но благодаря упорной тренировке сумел восстановить свои силы и в 1953 году присоединился к новой английской экспедиции на Джомолунгму.

«Мы ждали этой встречи с большим волнением, — писал руководитель экспедиции Джон Хант. — Здоровье Тенцинга сильно пошатнулось после ужасных испытаний 1952 года, особенно после его подъема вместе с Ламбером поздней осенью на Южную седловину, и мы серьезно опасались, что он не сможет присоединиться к нам. Однако Тенцинг проявил такой энтузиазм и такую стойкость, что еще во время своего выздоровления прислал мне письмо, в котором предлагал свои услуги, чтобы пройти с нами хотя бы до верхнего конца ледопада. К тому времени, когда состоялась наша встреча в саду посольства (английского посольства в Катманду. — *Авт.*), он, по-видимому, полностью восстановил свои силы, хотя еще был несколько худ... Вскоре у нас завязалась крепкая дружба. Простота и веселый обаятельный нрав Тенцинга очаровали нас, и

вскоре мы убедились, что в своей роли сирдара он имел непререкаемый авторитет».

Такую же высокую оценку дал Хант другим шерпам — участникам экспедиции. Повар Тхондуп, старший по возрасту, «тем не менее представлял собой находку с точки зрения здоровья и моральных качеств». Братья Да Тенцинг и Аннулу прекрасно зарекомендовали себя в экспедиции на Чо-Ойю. Старшему, Да Тенцингу, было около сорока лет. «Прямой, стройный, с морщинистым лицом и косичкой на голове, он обладал чувством собственного достоинства и вместе с тем учтивостью и обязательностью, присущей пожилым людям его привлекательного народа». Шерп Да Намгьял участвовал, как и Тенцинг, в обеих швейцарских экспедициях 1952 года на Джомолунгму, во время осеннего восхождения был ранен, попав под ледовый обвал. Это не помешало ему присоединиться к английской экспедиции.

Дружественные отношения между англичанами и шерпами, от которых зависел в конечном счете успех экспедиции, установились не сразу. В Катманду произошёл безобразный инцидент: сотрудники английского посольства в Непале охотно предоставили ночлег своим соотечественникам, шерпов же разместили в гараже — бывшей конюшне. Сирдару Тенцингу пришлось потратить немало усилий, чтобы возмущенные шерпы не бросили работу. В дальнейшем, на пути из Катманду к Джомолунгме, не раз возникали конфликты, которые мы назвали бы трудовыми. Из-за них двое шерпов вышли из состава экспедиции. Стремление англичан максимально сократить расходы вызывало несогласия между ними и Тенцингом.

«Альпинисты привезли с собой из Англии легкую длинную металлическую лестницу, которая разбиралась по секциям, и считали, что этого достаточно. Я возразил: трещин будет много, очень много, мы потеряем немало времени, перетаскивая лестницу туда и обратно, а из бревен можно сделать постоянные переходы. Англичан больше всего беспокоило, что придется платить местным шерпам за переноску материалов. Но я настаивал на своем, и они согласились».

Этот эпизод показывает, какими глубокими познаниями обладал к этому времени Тенцинг и каким авторитетом он пользовался среди англичан.

Тенцинг (справа) и Хиллари

Благодаря этому авторитету и огромному влиянию Тенцинга на соплеменников возникшие трения были успешно преодолены. В период собственно восхождения на Джомолунгму экспедиция работала, как отлично слаженный механизм. Английские восходители нашли общий язык с шерпами и буквально и фигу-

рально. Джон Хант, начальник транспорта Чарлз Уайли и некоторые другие альпинисты владели хинди, на котором говорили многие шерпы. Остальных англичан Уайли обучал языку непали.

Полковник Хант понимал, что если Джомолунгма не будет покорена в мае 1953 года английской экспедицией, то слава первого восхождения на вершину мира вполне может быть завоевана альпинистами другой страны. Разработав план штурма вершины, он без колебания включил Тенцинга в состав одной из связей, которым предстояло совершить этот подвиг. Партнером Тенцинга был опытный новозеландский альпинист Эдмунд Хиллари, ставший в дальнейшем исследователем Антарктиды. В совместных восхождениях они, несмотря на разницу в росте (Хиллари значительно выше Тенцинга), отлично сработались. Более того, Тенцинг спас жизнь Хиллари.

«Расскажу об одном случае, показывающем, как мы работали вместе,— пишет Тенцинг.— Уже под вечер мы спускались, страхуя друг друга, по ледопаду из лагеря 2 в лагерь 1; Хиллари впереди, я за ним. Мы пробирались между высокими ледяными сераками (ледяные выступы на поверхности ледника.— *Авт.*), как вдруг снег под ногами Хиллари подался, и он провалился в трещину, крича: „Тенцинг! Тенцинг!“. К счастью, веревка, которой мы страховались, была натянута, и я не растерялся, всадил ледоруб в снег и упал плашмя рядом. Мне удалось остановить падение Хиллари — он пролетел всего около 5 метров,— а затем постепенно вытащить его наверх».

Руководство экспедиции придавало большое значение постепенной акклиматизации восходителей в условиях все возрастающей высоты. Шерпов обучали пользоваться кислородными аппаратами: их группа должна была сопровождать обе связки восходителей выше Южной седловины.

Участники экспедиции, в основном шерпы, подняли на Южную седловину около 350 килограммов груза, причем шестеро из них побывали там дважды. Каждый нес на себе около 15 килограммов. До вершины оставалось еще около 1000 метров, необходимо было создать еще один, девятый по счету, лагерь. Чтобы сохранить силы Хиллари и Тенцинга, Хант взял эту трудную задачу на себя. С шерпом Да Намгьялом он

поднялся по юго-восточному гребню до высоты 8340 метров и оставил там снаряжение для лагеря. Оттуда оба восходителя возвратились в лагерь 8 совершенно обессиленные. Находившийся там Тенцинг трогательно ухаживал за ними.

Тем временем английские альпинисты Бурдиллон и Эванс (первая связка) предприняли попытку достигнуть главной вершины Джомолунгмы, но у них хватило сил только на то, чтобы добраться до Южной вершины, расположенной на 88 метров ниже. Поставив рекорд высоты, они вернулись оттуда в лагерь 8.

Теперь оставалось надеяться только на вторую связку — Тенцинга и Хиллари.

«Эванс и Бурдиллон совершенно выбились из сил, заболели от утомления и, конечно, страшно переживали свою неудачу,— пишет Тенцинг.— И тем не менее они отвечали на все наши вопросы, делали все, что могли, чтобы помочь нам. Я подумал: „Вот так и должно быть при восхождениях. Вот как гора воспитывает благородство в человеке“. Где бы мы с Хиллари были без друзей? Без восходителей, проложивших маршрут, и шерпов, поднявших грузы? Без Бурдиллона и Эванса, Ханта и Да Намгьяла, разведавших путь к вершине? Без Лоу и Грегори, Анг Ньима, Анг Темпа и Пемба, которые пришли сюда (в лагерь 8.— *Авт.*) исключительно затем, чтобы помочь нам? Только благодаря их труду и самоотверженности мы получили теперь возможность штурмовать вершину».

Наступило историческое утро 28 мая 1953 года. Из лагеря 8 выступил вспомогательный отряд в составе Лоу, Грегори и Анг Ньима. Все трое не только несли различное снаряжение и кислородные аппараты, но и вырубали ступени во льду, чтобы облегчить восхождение штурмовой группы (Тенцинг и Хиллари). У подножия юго-восточного гребня эта группа догнала вспомогательный отряд, хотя вышла из лагеря позднее. На гребне восходители оставили палатку, продукты и кислородные баллоны, принесенные Хантом и Да Намгьялом. До высоты 8500 метров обе группы шли затем вместе. Отсюда Лоу, Грегори и Анг Ньима отправились вниз, а Тенцинг и Хиллари разбили лагерь в наивысшей точке, где когда-либо ночевали люди. 29 мая на рассвете восходители двинулись на штурм вершины. То один, то другой шел впереди, вырубая ступени во

льду. Близ Южной вершины они нашли кислородные баллоны, оставленные Бурдиллоном и Эвансом.

Подъем на Южную вершину оказался необычайно тяжелым и опасным: восходители поднимались по почти отвесной стене, покрытой к тому же рыхлым снегом, который все время грозил обрушиться. Наконец эта преграда была преодолена. Тенцинг и Хиллари достигли высшей точки, где до них побывали Бурдиллон и Эванс. Отсюда до главной вершины оставалось не более 100 метров, но идти пришлось по узкой извилистой полоске между двумя бездонными пропастями. Один неверный шаг по снежному карнизу означал неминуемую смерть. Перед самой вершиной появилась еще одна преграда, впрочем, уже известная восходителям по данным аэрофотосъемки: отвесная скальная стена. Между скалой и прилегающим карнизом оказалась узкая расщелина. Хиллари спиной вперед поднялся на скалу, в то время как Тенцинг страховал его. Затем с помощью веревки, которую держал Хиллари, поднялся шерп. Дальше гребень был уже не так крут. Он представлял собой ряд покрытых снегом выступов. Наконец остался всего один выступ, за которым виднелся голубой простор небес. Но вот преодолен и этот выступ. Восходители вступают на вершину. Под ними расстилается планета Земля, общий дом населяющих ее народов.

Подвиг восходителей вызвал восхищение всего человечества, и там, где высочайшую гору земного шара называют правильно, и там, где ее продолжают именовать Эверестом.

К сожалению, радость, которую доставила выдающаяся победа над природой всем честным людям, была омрачена интригами колонизаторов. После восхождения они немало потрудились и кое-чего достигли в разжигании национальной розни среди участников восхождения, всячески стремились принизить роль Тенцинга и других шерпов. Буржуазно-националистические элементы в Индии и Непале со своей стороны пытались очернить Хиллари и английских восходителей.

Напрасно, однако, стараются враги дружбы народов скрыть истину о первом восхождении на вершину мира. Этот подвиг навеки останется символом международного сотрудничества.

После покорения Джомолунгмы роль шерпов в дальнейшем исследовании Гималаев, естественно, возросла еще больше. Они так или иначе участвовали в покорении остальных «восьмитысячников».

Штурм Чо-Ойю

Наибольший интерес представляет восхождение на вершину Чо-Ойю. Эта гора считается одним из членов гималайского «президиума гигантов», в который входят также расположенные поблизости Джомолунгма, Лхоцзе и Макалу. Гора Чо-Ойю находится всего в 30 километрах от Джомолунгмы и долгое время находилась как бы в тени своих знаменитых соседей. Первую серьезную попытку взять эту вершину высотой 8158 метров предприняла в 1952 году английская экспедиция Э. Шиптона, в которой участвовал и Э. Хиллари. Встретив на высоте 6000 метров ледопад, казавшийся неодолимым, англичане повернули обратно.

Однако два года спустя Чо-Ойю была покорена экспедицией, которую организовал и возглавил австрийский геолог и альпинист Герберт Тихи. Тихи взялся доказать, что можно штурмовать «восьмитысячники» малыми силами и с малыми расходами, притом без «искусственного дыхания», то есть без кислородных аппаратов. Это решение он принял после странствий по Западному Непалу в 1953 году, когда подружился со знаменитым восходителем Пасангом Дава Ламой и другими шерпами, в обществе которых взял несколько «шеститысячников» и открыл ряд перевалов. В конце путешествия Пасанг Дава Лама предложил австрийцу организовать восхождение на Чо-Ойю.

С самого начала Тихи положил за правило ни в чем не делать разницы между четверья австрийскими альпинистами и одиннадцатью шерпами, участвовавшими в экспедиции. Семеро шерпов непосредственно участвовали в восхождении на Чо-Ойю.

Тихи исполнилось тогда уже сорок два года, а Пасангу — сорок три, однако именно эти двое уже молодых людей во многом обеспечили успех восхождения. Как только экспедиция достигла ледопада, заста-

вившего повернуть вспять опытных английских альпинистов, Пасанг отправился на поиски пути через грозное препятствие (почти отвесная ледяная стена высотой 60 метров). Тихи, Пасанг и шерп Аджиба связались веревкой и, выбрав правильный путь, сумели преодолеть эту преграду за какой-нибудь час. В дальнейшем на высоте 7000 метров восходители едва не стали жертвами жесточайшего урагана. Тихи, у которого были обморожены руки, предложил спускаться вниз, невзирая на пургу. «То, что мы возвратились,— писал он,— целиком заслуга трех шерпов — Пасанга, Аджибы и Анг Ньимы, которые в этом аду нашли дорогу вниз».

Восходителям стало ясно, что покорение Чо-Ойю потребует времени. Пасанг с несколькими шерпами отправился в селение Намчебазар за продуктами. В его отсутствие в лагере австрийской экспедиции появились швейцарские альпинисты.

Весть об этом поразительно быстро достигла Намчебазара. Опасаясь, что швейцарцы опередят его австрийских друзей, Пасанг совершил подвиг, не имеющий себе равных в истории горновосхождений. Меньше чем за три дня он преодолел перепад высоты в 4000 метров и прошел многокилометровый путь по моренам и ледникам. Этот поступок еще раз доказал справедливость слов Тенцинга, который возмущался теми, кто думает, будто шерпы участвуют в горных экспедициях только корысти ради.

На рассвете 19 октября группа в составе Пасанга, Тихи и другого австрийца — Йехлера — выступила на штурм вершины из лагеря на высоте около 6800 метров. Предстояло еще подняться на 1300 метров. Через несколько часов штурмовая группа достигла широкого гранитного пояса, опоясывающего вершину. Для опытного восходителя это — небольшое препятствие, но Тихи напрасно пытался взяться обмороженными руками за уступы или подняться на ледорубе. Пасанг, шедший впереди, подтянул его на веревке. В три часа дня подъем прекратился: восходители достигли вершины. Пасанг воткнул в снег ледоруб, на котором затрепетали флаги Непала, Австрии и Индии.

«Пасанг обнял меня,— пишет Тихи.— Слезы текли из его глаз, и ветер уносил их маленькими кристалликами в бесконечное пространство. Для него покорение

вершины имело большее значение, чем для нас. В течение двадцати лет он был сирдаром и стремился подняться на „очень высокую гору“. На К-2 и на Джаулагири он был близок к выполнению своего заветного желания, но счастье было против него. Сегодня наконец сбылась его мечта. От счастья он не мог говорить и только в слезах повторял: „Вершина, сагиб, вершина!“.

В глазах Сеппа (Иехлера.— *Авт.*) и моих были слезы, которых мы не стыдились. Мы обнимались и целовались. Как я рад, что мы втроем!»

Покорение Чо-Ойю — это победа духа подлинного товарищества, взаимного понимания и уважения, которыми были проникнуты отношения между всеми участниками экспедиции, представлявшими две расы.

Тот же дух характеризует и французскую экспедицию 1955 года на «восьмитысячник» Макалу (8515 метров). В ходе этой экспедиции шерпы доставили грузы в лагерь на высоте 7800 метров. Когда до лагеря осталось 100 метров, у Пембы Тенцинга испортился кислородный аппарат, но он без жалоб и остановок продолжал тащить ношу весом в 22 килограмма.

Экспедиция эта примечательна тем, что вершины горы достигли все девять французских альпинистов во главе с Ж. Франко. Во второй группе покорителей Макалу находился и шерп Гиальцен Норбу.

«Восьмитысячник» Манаслу (8125 метров) был взят весной 1956 года первой гималайской экспедицией, составленной из одних азиатов — японцев и шерпов. Вершины достигла 25 мая 1956 года штурмовая двойка: Тосио Иманиси и Гиальцен Норбу. Идя в одной связке, японец и шерп помогали друг другу.

В общей сложности около сорока шерпов побывали на вершинах «восьмитысячников» и «семитысячников», покорили эти вершины вместе с представителями иных народов.

Они делят с альпинистами из других стран не одну только славу побед. В борьбе за «восьмитысячники» погибло двадцать шесть западных альпинистов и более тридцати шерпов.

Постепенно стало очевидным, что к участию в восхождениях можно успешно привлекать не только шерпов, но и другие народности Индостана.

После свержения английского колониального вла-

дычества и образования государства Пакистан правительство этой страны предложило европейским восходителям привлекать к участию в экспедициях только местных жителей. В итальянской экспедиции под руководством Ардито Децио, участники которой Компаньони и Лачеделли взяли 31 июля 1954 года вершину К-2, шерпы уже не участвовали. Но их успешно заменили хунза — представители одной из малых народностей, населяющих главную долину Каракорума — северной части Гималаев.

Есть все основания предполагать, что, начав, как и шерпы, с носильщиков, хунза со временем превратятся в первоклассных восходителей, полноправных участников горных экспедиций.

Постепенно меняется не только национальный состав покорителей горных вершин. Граждане азиатских стран, освободившихся от колониального гнета, принимают все более активное участие в научно-техническом обслуживании экспедиций. В планировании и осуществлении восхождений очень большую роль играют метеосводки и прогнозы погоды. Альпинисты принимают их по радио от синоптиков Индии и Пакистана. Военные и гражданские самолеты обоих государств Индостана перевозят участников экспедиций и их грузы. Так, пакистанские летчики доставили из Равалпинди в местечко Скардо итальянских восходителей, готовившихся к штурму К-2. Полет проходил в весьма сложных условиях.

В покорении К-2 принимал участие представитель пакистанского правительства Ата Улла — доктор медицины и одновременно страстный путешественник. Ата Улла оказался необычайно разносторонним человеком. Он фактически исполнял обязанности сирдара, руководя хунза и обеспечивая своевременную доставку грузов. Он же наладил радиосвязь со Скардо, а через этот пункт и с Италией, что крайне воодушевило восходителей. При этом Ата Улла проявил себя и как незаурядный альпинист: он поднялся с рацией на скальные склоны К-2 и заночевал там.

Несмотря на достигнутые успехи, в Гималаях еще непочатый край работы для исследователей и восходителей. Несомненно, что роль народов Азии в покорении горных вершин, на которые не ступала нога человека, в дальнейшем еще увеличится. Правительства

азиатских государств, прилегающих к Гималаям, уделяют этому должное внимание. Так, индийское правительство создало в Дарджилинге школу альпинизма, во главе которой поставлен Тенцинг Норгей.

«Гималаи влекут к себе молодежь всей Индии. Это знак и символ новой жизни и нового духа, которыми проникнута теперь наша Индия», — писал в 1961 году Джавахарлал Неру.

С тех пор восходители его страны одержали немало побед. После двух неудачных попыток (в 1960 и 1962 годах) индийская экспедиция 1965 года под руководством П. Коли достигла с юга вершины Джомолунгмы. На ней побывали девять членов экспедиции, включая племянника Тенцинга — Наванга Гомбу. Этот шерп из района Дарджилинга — единственный в мире человек, который дважды достиг самой высокой точки земного шара (в первый раз вместе с американцем Уиттакером в 1963 году).

Развивается альпинизм и в Непале. В 1958 году непальская экспедиция, состоявшая из одних шерпов, во главе с Пасангом Дава Ламой совершила новое восхождение на вершину Чо-Ойю.

Вопреки воле народов

Совершенно очевидно, что и народы КНР, составной частью которой является Тибет, могут и должны внести свой вклад в дело покорения и исследования Гималаев.

Успехи, достигнутые китайскими восходителями, по национальности ханьцами и тибетцами, стали возможны благодаря братской помощи советских альпинистов. Годом рождения китайского альпинизма является 1955-й, когда ВЦСПС пригласил спортсменов КНР участвовать в восхождениях на горы Памира. Пятнадцать советских альпинистов и четверо китайских совместно покорили две вершины высотой 6673 и 6680 метров. С тех пор китайские восходители систематически обучались и тренировались в Советском Союзе.

В 1956 году Всекитайская федерация профсоюзов в свою очередь пригласила наших альпинистов в КНР. Спортсмены обеих стран совершили массовое восхож-

дение на вершину Музтагата (7546 метров), расположенную в восточной части Памира (провинция Синьцзян). Экспедиция, которой руководили заслуженный мастер спорта СССР Е. А. Белецкий и его заместители И. К. Кузьмин и Ши Чжань-чунь, достигла успеха там, где в свое время потерпели поражение известные путешественники швед Свен Гедин, англичане Э. Шиптон и Г. Тилмен. На вершине Музтагата были водружены государственные флаги КНР и СССР.

Восходители исследовали двадцать пять ледников в районе Музтагата. Эта вершина недаром носит свое название «Отец ледяных гор». Затем шестеро советских и двое китайских альпинистов взяли еще более высокую вершину — Конгур-II (7595 метров).

В следующем году шестеро мастеров спорта КНР, оснащенных советским снаряжением и прошедших тренировку в горах Кавказа, совершили восхождение на гору Гунгашань в Сычуани (7590 метров).

В 1958 году китайский журнал «Дружба» поместил статью о совместных восхождениях альпинистов двух социалистических стран. В статье говорилось: «Эта дружба явилась могучей силой, с помощью которой мы преодолели все и всякие препятствия, поставленные перед нами природой, и добились новых успехов».

В то время уже развернулась подготовка к покорению Джомолунгмы с севера. По сообщению агентства Синьхуа, оно было осуществлено китайскими восходителями в 1960 году. Штурмовая группа состояла из троих ханьцев — Лю Лань-шаня, Ван Фу-чжоу, Цюй Инь-хуа — и одного тибетца — Гоньпо.

Все ханьцы, участвовавшие в штурме, учились и тренировались в СССР. Важную роль в подготовке экспедиции сыграла совместная разведка Джомолунгмы, проведенная в 1958 году.

Значение советской помощи было вынуждено признать и правительство Китая. Наши альпинисты были приглашены в КНР. Федерация альпинизма СССР, руководитель команды высотников И. К. Кузьмин и участники разведки Джомолунгмы Е. А. Белецкий, А. К. Ковыркин и Л. Н. Филимонов получили памятные золотые медали.

В дальнейшем, однако, плодотворное сотрудничество между альпинистами КНР и СССР прекратилось по вине пекинского руководства.

Справедливость требует отметить, что и после этого китайским восходителям удалось добиться известных успехов. 2 мая 1964 года они, как сообщалось, достигли вершины последнего из четырнадцати «восьмитысячников», остававшегося непокоренным, — Шишапангмы (8013 метров).

Нельзя, однако, не отметить катастрофу, постигшую новую китайскую экспедицию на Джомолунгму в 1966 году. В 1960 году четверо альпинистов достигли вершины ночью и по этой или иной причине не сделали там снимков. Кроме того, восходители из разных стран, покорившие Джомолунгму со стороны Непала, не обнаружили бюста Мао Цзэ-дуна, который, по утверждениям китайцев, они оставили в скалах под вершиной. Это вызвало некоторые сомнения. Рассеять их, тем самым утвердив китайский приоритет в покорении вершины со стороны Тибета, и была призвана новая экспедиция. Однако в 1958—1960 годах китайские альпинисты готовились к восхождению самым тщательным образом, к тому же при активной помощи советских товарищей, а в 1966 году дело велось «на авось». И вот результат: по данным индийской печати, из двадцати шести человек двое вернулись в базовый лагерь обмороженными, остальные пропали без вести.

Друзья Китая верят, что братское сотрудничество между КНР и СССР и добрососедские отношения между Китаем и Индией возродятся. Дальнейшее исследование Центральной Азии, покорение ее горных вершин станут общим делом народов.

Завтрашний день

Вслед за исследованием района «третьего полюса» народы Востока включаются и в изучение приполярной Антарктиды. Несколько лет назад на карте шестой части света появилось имя индийца Гирраджа С. Сирохи. Это первый представитель Востока, побывавший на Южном полюсе.

Благодаря усилиям Советского правительства в Антарктиде уже претворяются в жизнь принципы мирного сосуществования. Исследование этого материка

ведется совместно полярниками разных стран, оказывающими друг другу всемерную поддержку.

Ярким примером таких отношений является помощь, оказанная советскими людьми японцам. Япония — первая страна Востока, создавшая в Антарктиде полярную станцию. Персонал этой маленькой станции на побережье залива Лютцов-Хольм ведет наблюдения в обширном районе. В 1957 и 1960 годах ледокол экспедиции «Союя» не смог пробиться к базе. В обоих случаях японцев выручил советский дизель-электроход «Обь». Зато японская база «Сева» и австралийская «Мойсон» стали складами авиационного бензина для советских самолетов, поддерживающих связь между станциями Лазарев и Мирный.

Для завершения исследования Антарктиды, да и некоторых других материков и островов осталось сделать еще немало. Работы тут хватит для смелых и мудрых людей всех стран мира.

Неизмеримо большие задачи ставит перед человечеством изучение морей и океанов, составляющих 71 процент поверхности Земли.

Океанология — молодая наука, в которой исследователям в тесном сотрудничестве друг с другом предстоит сделать множество открытий.

Плодом такого сотрудничества явилась международная экспедиция 1960—1965 годов в бассейн Индийского океана. В ней участвовали двадцать пять стран, заинтересованных в исследовании этого наименее изученного из всех океанов, который обладает огромными природными ресурсами.

Первым вышло в океан для выполнения согласованной программы работ советское океанографическое судно «Витязь». В экспедиции участвовали еще четыре советских и несколько американских, английских, западногерманских и австралийских судов. Восток был представлен тремя индийскими, тремя японскими и одним пакистанским судном.

Участники этой подлинно международной экспедиции произвели сотни тысяч промеров глубин и гравитационных определений, детальных измерений температуры океана, скорости и направления ветра, влажности воздуха, добыли миллионы экземпляров морских животных.

Предварительные итоги экспедиции были подведе-

ны на Втором международном океанографическом конгрессе в Москве (1966) и симпозиуме «Индийский океан» в Дели (1967). Один лишь список стран, участвовавших в этих съездах, показывает, как много значит для дальнейшего исследования нашей планеты крушение колониализма. На конгресс в Москву, например, приехали ученые из многих стран Азии и Африки, освободившихся от иноземного гнета: Алжира, Берега Слоновой Кости, Дагомеи, Демократической Республики Вьетнам, Индии, Индонезии, Ирана, Конго, Малайзии, Малагасийской Республики, Марокко, Нигерии, Объединенной Арабской Республики, Пакистана, Сьерра-Леоне, Танзании, Туниса, Филиппин, Цейлона.

Некоторые из этих государств ко времени московского конгресса не достигли еще и десятилетнего возраста. Нетрудно представить себе, как много замечательных открытий и достижений будет записано в их актив в недалеком будущем.

Наиболее дальновидные писатели-фантасты и футурологи буржуазных стран совершенно закономерно изображают дальнейшее исследование океанов как совместное предприятие народов всех частей света. Английский писатель Артур Кларк в своей повести «Остров дельфинов» рисует жизнь международного коллектива океанологов на небольшом острове неподалеку от Австралии.

Возглавляет этот коллектив советский ученый, ближайший его друг и советник — пакистанец, персонал станции состоит в значительной своей части из аборигенов. Ученые разных стран совместно добиваются замечательных успехов. А успехи эти становятся возможными благодаря торжеству мира во всем мире.

На наших глазах сбываются предсказания многих писателей-фантастов. Так будет и с этим предсказанием прогрессивного писателя и ученого.

Литература

- Бузург ибн Шахрияр, Чудеса Индии, М., 1959.
- Вельгус В. А., Исследование некоторых спорных вопросов истории мореходства в Индийском океане. Маршрут плаваний из Восточной Африки в Персидский залив в VIII в.,— «Africa», Л., 1969.
- Камоэнс Л., Лузиады, СПб., 1897.
- Ковалевский А. П., Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956.
- Коцебу О. Е., Путешествие вокруг света, М., 1948.
- Крачковский И. Ю., Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
- Ливингстон Д., Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1856 г., М., 1956.
- «Народы Австралии и Океании», М., 1956.
- «Народы Африки», М., 1954.
- «Первое кругосветное путешествие капитана Джемса Кука», М., 1960.
- Свет Я. М., История открытия и исследования Австралии и Океании, М., 1966.
- Те Ранги Хироа, Мореплаватели солнечного восхода, М., 1959.
- Тенцинг Норгей, Тигр снегов, М., 1961.
- Томсон Дж. О., История античной географии, М., 1953.
- Хенниг Р., Неведомые земли, I—IV, М., 1961—1963.
- Шифман И. Ш., Финикийские мореходы, М., 1965.
- Шумовский Т. А., Арабы и море, М., 1964.
- Bovill E. W., The Golden Trade of the Moors, London, 1958.
- Hadi Hasan, A History of Persian Navigation, London, 1928.
- Heyen G. H., Primitive Navigation in the Pacific,— «I. Supplement to the Journal of the Polynesian Society», 1962, vol. 71, № 3.
- Hilder B., Primitive Navigation in the Pacific,— «II. Supplement to the Journal of the Polynesian Society», 1962, vol. 71, № 4.

Содержание

Введение	3
Победа всех людей	3
Глава первая. «Томми, пришедший первым» .	8
Ловцы трепанга	8
Тридцать тысяч лет назад	10
Путешествие бумеранга	12
«Сей великодушный человек»	16
Глава вторая. Покорители Великого океана	29
От острова к острову	29
Викинги солнечного восхода	37
Друг россиян	43
Помощник Кука	55
Викинги Востока и Запада	70
Ао-теа-роа, или Новая Зеландия	73
Северное направление	84
Полинезийский Колумб	87
На земле маори	90
В стране Папуа	95
Глава третья. Солнце справа	103
Путешествие в страну Пунт	103
Вверх по Нилу	114
Гостеприимная Сахара	119
Кормчие кораблей пустыни	124
Царь-путешественник	125
От Испании до Китая	128
«Описание Африки»	134
Новый почин	142
Русский хаким и его друзья	148
Спутники «большого доктора»	154
Радушный хозяин	167
Глава четвертая. «Вот Индия!»	171
Океан-объединитель	171
Сподвижники Александра Великого	174
Мусейон	176
Индийцы в Индийском океане	183
Дети моря	188

Народ синдбадов	194
Хроника Пате	201
Жираф едет к императору	202
Китайская трагедия	209
«О если бы я знал!»	210
Глава пятая. В глубь Евразии	235
Открытие Европы	235
Запад встречается с Востоком	237
Золотой мост	245
Бесценный вклад	249
В страну великого хана	262
Четки пандитов	270
«Обитель снегов»	280
Знакомьтесь — шерпы	282
Школьные годы Тенцинга Норгея	288
Покоритель Джомолунгмы	294
Штурм Чо-Ойю	301
Вопреки воле народов	305
Завтрашний день	307
Литература	310

